

Россия и Европа: далекие и близкие

Россия и Европа: далекие и близкие

Германо-российский сборник статей
об исторических связях России и Европы

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2020

УДК 32.001
ББК 66.2(0)94
P76

Составители: Кристоф Бёр, Клаудиа Кроуфорд
Координатор проекта: Евгения Лёкен

Составители выражают благодарность Татьяне Некрасовой, участвовавшей в подготовке конференции.

Перевод с немецкого языка
Владимир Балахонов, Владимир Корнев

P76 **Россия и Европа: далекие и близкие.** Германо-российский сборник статей об исторических связях России и Европы / отв. ред. К. Бёр, К. Кроуфорд; пер. с нем. В. Балахонова, В. Корнева — М. : Издательство «Кучково поле», 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-907171-03-9

Данный сборник является результатом проекта «Россия и Европа: исторические пути взаимодействия» — берлинской конференции, организованной Фондом Конрада Аденауэра в России в октябре 2018 г. при поддержке философа Кристофа Бёра (Высшая школа Святого Креста, Вена) и историка Татьяны Некрасовой (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва). Авторы концепции поставили перед собой задачу порассуждать об исторических корнях многовекового спора о том, является ли Россия частью Европы, исследовать, насколько сильно европейский компонент оказывал влияние на русскую (и российскую) культуру, общество, политику в исторической перспективе и как он продолжает воспроизводиться в них в наши дни. Ведь этот вопрос не только определяет течение внутривосточных дебатов и конструирование национальной идентичности, но и в значительной степени влияет на внешнеполитический курс сегодняшней России. Вниманию читателя представлены результаты размышлений участников встречи в Берлине, охватывающие эпизоды из почти пяти столетий русской истории от Средневековья до современности.

Ответственность за содержание статей несут сами авторы.
Издание исключительно для некоммерческого распространения.
Электронную версию издания вы найдете на сайте <https://www.kas.de/ru-moskau/>.

УДК 32.001
ББК 66.2(0)94

ISBN 978-5-907171-03-9

© Фонд Конрада Аденауэра /
Konrad Adenauer Stiftung e.V., 2020
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2020

Оглавление

<i>Клаудиа Кроуфорд.</i> К читателю	8
<i>Кристоф Бёр.</i> Россия и Европа: далекие и близкие — взаимно отражая друг друга. Введение	10
«Россия» и «Европа» в исторической ретроспективе	21
<i>Кристоф Бёр.</i> Что это значит — быть «европейским»?	21
<i>Татьяна Ворожейкина.</i> Россия и Европа: модернизация и контрмодернизация?	46
Россия и Европа в Средние века и Новое время: общие истоки формирования государства и общества	60
<i>Андреас Каппелер.</i> Знакомство России с прочими государствами Европы в XVI в. и ее включение в общеевропейское коммуникационное пространство в XVII и XVIII вв.	60
<i>Арина Лазарева.</i> Образ Германии в Московском государстве в первой половине XVII в.	79

**Россия и Европа в XIX в.:
основы размежевания** 105

Дмитрий Цыганков.

Русское западничество в академических
кругах: московские историки 105

Маттиас Штадельманн.

Западник-славянофил, консервативный
либерал: великий князь Константин
и политика России в середине XIX в. 121

Андрей Андреев.

Российский самодержец в поисках долговечного
мира: «Европейский проект» Александра I 133

**Россия и Европа в первой половине XX в.:
«Большой раскол»** 161

Хельмут Альтрихтер.

Разделение мира? Россия и Европа
в межвоенный период 161

Алексей Гусев.

Лев Троцкий — теоретик европейской интеграции .. 173

Леонид Люкс.

Новые акценты взаимоотношений России
и Запада на примере Евразийского движения 189

**Россия и Европа после 1945 г.: медленный
возврат к общему направлению** 207

Татьяна Некрасова.

Стереотипы оккупанта после Второй
мировой войны и основы размежевания
между Востоком и Западом 207

Татьяна Тимофеева.
Трансфер культурных ценностей
из Советской зоны оккупации Германии
в 1945–1948 гг.: документы российских
архивов 221

Россия после 2000 г.:
на стыке Европы и Азии 244

Игорь Грецкий.
Россия в XXI в.: «Особый путь»
или интеграция с Западом? 244

Андреас Хайнеманн-Грюдер.
Россия и Европа: прощальная песнь? 265

Сведения об авторах 280

*Клаудиа Кроуфорд,
руководитель Фонда Конрада Аденауэра в России*

К читателю

Вот уже на протяжении многих столетий ведутся споры о том, является ли Россия частью Европы. Данный вопрос и по сей день звучит не только в контексте внутривнутриполитической повестки дня, но и в значительной степени определяет внешнеполитический курс страны. Вопрос об идентичности может трактоваться по-разному, и зачастую он используется в политических целях.

Каковы исторические предпосылки споров о собственной идентичности и насколько сильно российские культура, общество и политика подвержены европейскому влиянию?

2018 год отметился сразу несколькими мероприятиями Фонда Конрада Аденауэра в Москве, рассматривающими эти и другие вопросы через призму политики, экономики, общества и культуры. Особого упоминания заслуживает междисциплинарная конференция, проходившая в октябре в Берлине, в рамках которой были представлены серьезные научные доклады и состоялась плодотворная дискуссия. По итогам конференции мы, как организаторы, приняли решение опубликовать тексты докладов, сделав их тем самым достоянием более широкого круга читателей.

Данная конференция была посвящена прежде всего вопросам исторических корней России. Мы пригласили нескольких заслуженных историков из России и Германии, а также ученых, представляющих другие дисциплины — такие как политология. Состав участников

позволил рассмотреть заявленные на конференцию вопросы с разных точек зрения.

По итогам конференции стало понятно, что между Россией и Европой существуют тесные связи в многочисленных сферах — даже несмотря на периоды отчуждения, то и дело возникавшие в ходе совместной истории. Невозможно представить себе европейскую литературу без книг Льва Толстого и Федора Достоевского или музыку без произведений Сергея Рахманинова и Сергея Прокофьева. Точно так же невозможно себе представить архитектуру, к примеру, Санкт-Петербурга или развитие авангарда в начале XX в. в России без тесных связей с Европой. Специфически европейские черты сложились прежде всего в ходе развития истории духа; в основе европейской идентичности лежат признание личности и индивидуальности, а также возникшая в эпоху Просвещения концепция свободного гражданина — все эти элементы отнюдь не чужды и России, даже если временами кажется, что национальный патриотизм обладает в глазах россиян бóльшим приоритетом.

Фонд Конрада Аденауэра выражает благодарность ученым из России и Германии, принявшим участие в данном обмене мнениями — в первую очередь к.и.н. Татьяне Некрасовой и профессору Кристофу Бёру, которые внесли самый деятельный вклад в подготовку конференции. Хочется верить, что опубликованные в данном сборнике доклады найдут своего заинтересованного читателя.

Москва, 3 июля 2019 г.

Кристоф Бёр, доктор.
*Приглашенный профессор по философским
вопросам современности Высшей школы
Святого креста в Вена (Австрия)*

Россия и Европа: далекие и близкие — взаимно отражая друг друга

Введение

К наиболее спорным и оттого исключительно увлекательным дискуссионным темам европейской и российской политики, философии и историографии относится диспут о культурной принадлежности каждой из сторон с опорой на понятия «Европа»* и «Россия». При обсуждении данного вопроса речь идет как о восприятии себя, так и о восприятии другой стороны**: считают ли жители Западной Европы своих российских соседей европейцами? И относят ли русские себя к европейцам вместе с жителями стран, находящихся западнее от их границ? Является ли Россия частью Европы? А Европа — частью России? Кто к чему относится и кто кем является?

Эти вопросы давно уже перестали быть предметом обсуждения специалистов по культурной географии

---

* О понятии «Европа» см. статью Кристофа Бёра «Что это значит — быть “европейским”?», размещённую в данном сборнике.

** На тему обоюдного восприятия русских и немцев см. издание Льва Копелева: *West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht* [Западно-восточные отражения. Русские и Россия глазами немцев]. 4 Bde., hrsg. v. D. Hermann. München, 1985; *West-östliche Spiegelungen. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht* [Западно-восточные отражения. Немцы и Германия глазами русских]. 4 Bde., hg. v. D. Herrmann. München, 1988.

и философии культуры. Ведь совершенно очевидно, что российская политика выглядит совершенно иначе, если она считает себя европейской, а не, например, евразийской — что в данном случае не означает, что России должна ставить под сомнение собственное право притязания на статус великой державы. В то же время (западно)-европейская политика строится совершенно по-разному в зависимости от того, рассматривает ли Европа Россию как страну, находящуюся в ее если не географическом, то культурном центре, или нет.

Стоит отметить, что подобным образом сформулированные вопросы оказываются еще сложнее, чем кажутся на первый взгляд, если речь заходит о восприятии Россией и Европой самих себя. Ведь уже упомянутая ранее ориентированность России на Евразию — не просто вымышленный конструкт, направленный на то, чтобы оправдать поворот России на восток, а вполне логичное с географической точки зрения высказывание: достаточно лишь взглянуть на карту мира. Если все же рассматривать Россию (даже если речь идет только о Киевской Руси) как неотъемлемую часть Европы (для чего есть все предпосылки), то в глаза тут же бросается историческое различие между тем, как проходила европеизация России греческими ромеями, и тем, как складывалась европеизация кельтов и германцев латинянами. Европеизация в западной части Европы представляла собой процесс создания однородного пространства, занявший немало времени, но при этом успешный с той точки зрения, что благодаря латыни — *lingua franca* того времени — было создано пространство для рефлексии, приведшей к синтезу греческой философии, римской политики и христианской религии, который и по сей день служит доказательством существования того, что на латинском западе считается культурой Европы.

Аналогичным образом происходило развитие греческого востока, хотя здесь возникло несколько другое смешение культурных элементов. Здесь также возник синтез греческой философии и христианской религии, однако традиции римской политики в данном регионе отсутствовали. В своей политике Византия (будучи Вторым Римом) следовала традициям, культуре и мировоззрению, восходящим к государствам Ближнего и Дальнего Востока, в открытии которых не последнюю роль сыграл Александр Македонский. После заката афинской демократии византийская политика перестала следовать ее традициям, изменив название и содержательную сторону политической повестки дня. В данном культурном пространстве в качестве *lingua franca* выступал греческий язык, а политическое мировоззрение изобиловало элементами, перенятыми с Востока.

Таким образом, в основе Европы лежит двойной перенос империи: сначала перенос империи из Рима в Византию — Второй Рим, в котором правили ромеи, или греческие римляне, а затем из Рима в Ахен, в котором правили римляне и германцы — в Священную Римскую империю, с конца XV столетия получившую название «немецкой нации». В то же самое время, во второй половине XV в., началось постепенное сближение и переплетение России с Центральной и Западной Европой (см. статью Андреаса Каппелера в данном сборнике). Россия на тот момент также недавно завершила процесс переноса империи — из пришедшей в упадок Византийской империи в Москву*. Перенос власти в России сопровождался переносом религии — христианства в его «исконной» форме с сохранением чистоты учения**.

---

* Подробнее см. статью Кристофа Бёра в данном сборнике.

** Многие русские философы упрекают Запад в отсутствии этой самой «чистоты» мысли — в значении исконности веры.

И случилось неизбежное: отношения обеих культур, исходно «европейских» в своей основе, видевших себя продолжателем латинской традиции на западе и греческой традиции на востоке, с самого начала скорее складывались в духе антагонизма, а не в духе гармонии — и тот факт, что Москва приняла эстафетную палочку Византии, никак не изменил положение дел. Священная Римская империя представляла собой лоскутное одеяло из множества стран — точно так же, как и Россия, изначально раздробленная на множество княжеств. После завершения процесса «собирания Русской земли» вокруг Москвы в начале XVI в. раздробленности был положен конец, и Россия превратилась в централизованное, довольно однородное государство, а после завоевания в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств, населенных татарами, Россия стала многонациональным государством*. При этом в каждом из пространств изначально существовали внутренние трения и разногласия — как на западе, который и по сей день имеет федералистскую структуру, так и на востоке, где довольно рано установилась система централизованной власти. Эти внутренние конфликты иногда принимали такой размах, что даже возникали сомнения в том, можно ли вообще было говорить о едином пространстве, не говоря уж о единой культуре.

Тем не менее идея «Европы» обладала поистине магической притягательной силой — снова и снова возникал вопрос о том, что же это за «Европа» такая и кто к ней относится, а кто — нет? Возможно, это был и есть ключевой фактор, объединяющий восток и запад, — вопрос о европейском пространстве и его характеристиках не дает покоя ни восточной, ни западной части этого пространства.

---

* Благодарю Леонида Люкса за важные и ценные замечания о российской истории.

В разное время ответы на данные вопросы звучали по-разному. Обеим сторонам присущ перспективный взгляд на Европу и ее характеристики: каждая сторона выделяет в другой типичные признаки — рационализм, техническую эффективность, индивидуализм, плюрализм и секулярность Запада и мистицизм, теософию, коммунитаризм, централизм и религиозность Востока. Нередко стороны используют эти признаки друг против друга и совершают недопустимые обобщения, чтобы тем самым подчеркнуть существующие различия. Возможно, это приводит к идеализации собственного образа (особенно тогда, когда политический оппортунизм вновь и вновь требует провести по возможности четкие границы), однако в итоге объединяющие факторы быстро забываются, а на передний план выходят различия. Реальность всегда оказывается гораздо шире, чем кажется на первый взгляд, — ее невозможно во всей полноте описать при помощи общих слов и понятий. Неприятие некоторыми русскими философами западной одержимости терминами служит лишним тому подтверждением.

В то же время подобного рода дихотомии представляют определенную ценность, так как стимулируют процесс познания. Нет никаких сомнений в том, что наряду с объединяющими факторами действительно существует множество различий и что Россия всегда избегала слишком сильного сближения с Западом. Я утверждаю, что эта дистанция далеко не всегда была обусловлена одними лишь политическими соображениями, а имеет в своей основе действительно существующие различия, которые можно проследить с самого начала — например, различия, возникшие в связи с тем, что греческая философия и христианство были абсолютно по-разному восприняты латинянами и ромеями. Эта разница в восприятии привела к удивительным последствиям в сфере

религии, политики и культуры в целом. С одной стороны, восток и запад Европы можно назвать близнецами, а с другой стороны, каждому, кто хоть раз встречался с близнецами, известно, что зачастую трудно себе представить более разных людей.

К примеру, Татьяна Ворожейкина отмечает в статье, приведенной в данном сборнике, что волны модернизации России (то есть процесс повышения открытости по отношению к считавшемуся более «прогрессивным» Западу) «мало затрагивали доминирующий в России тип человека и совсем не затрагивали механизмы общественной интеграции и взаимоотношения общества и государства». Близнецы жили собственной жизнью, встречи в семейном кругу случались нечасто и внутрисемейные связи были не особо крепкими. И в самом деле, невозможно не согласиться с утверждением Маттиаса Штадельманна, резюмирующим исторический процесс развития: «Активное участие в жизни Европы вовсе не должно было означать нивелирования всех различий». При этом различия в интерпретации откладывали отпечаток на дебаты, происходившие как в западной, так и в восточной части Европы, — их даже скорее следует охарактеризовать как внутренние конфликты. Так, в восточной части Европы с 1840-х гг. разгорелся спор «западников» и «славянофилов», в ходе которого предлагались самые разные ответы на вопрос о предназначении России*. С другой стороны, достаточно вспомнить

---

* В этой связи невозможно обойти вниманием склонность ученых к историко-философским рассуждениям, более свойственную русским авторам, чем их западным визави. По словам Дмитрия Чижевского и Дитера Гро, под редакцией которых было напечатано «Первое философическое письмо» Петра Яковлевича Чаадаева, жившего с 1794 по 1856 г., данное произведение является первым документом, «в котором отношения России и Европы впервые убедительно рассматриваются с перспективы России как историко-

ожесточенные дискуссии, проходившие примерно сто лет спустя — в первые годы правления канцлера Конрада Аденауэра — между сторонниками сближения Германии с западными странами и протагонистами большей открытости Востоку, обусловленные не только «Нотой Сталина» от 10 марта 1952 г.* Споры об ориентированности Запада на Восток и Востока на Запад продолжаютс**

философская проблема»; Чаадаев, будучи убежденным западником, сетует на то, что Россия даже не попыталась примерить на себя роль посредника между Востоком и Западом, а напротив: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами (имеются в виду северные народы. — *Прим. автора*) Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания»; см.: *Чаадаев П. Я.* Первое философическое письмо. 1836 г. // *Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses* [Европа и Россия. Тексты к проблеме западно-европейского и русского самопонимания] / hg. v. D. Tschizewskij u. D. Groh. Darmstadt, 1959. S. 73, 85. Данный сборник — кладёзь для подтверждения высказанных в настоящем издании соображений.

* Взгляд Запада на Восток менее подвержен влиянию историко-философских соображений, чем взгляд Востока на Европу. Внимание Запада было прежде всего приковано к вопросам распределения власти на континенте и страха перед потенциальной угрозой со стороны России, наполнявшего и продолжающего наполнять западные умы беспокойством и боязнью. Якоб Буркхардт удачно выразил данную мысль в прижизненно не опубликованном фрагменте, увидевшем свет лишь после издания оставшихся после него трудов: см. *Burckhardt J. Nachlassfragment* [*Буркхардт Я.* Фрагмент наследия] // *Europa und Russland, a.a.O., S. 517 f., hier S. 518*: «Что касается инструментов власти, у царизма полностью развязаны руки, и он способен на вещи, на которые на Западе с его цезаризмом никто уже не может решиться». Чтобы осознать истоки различий во взглядах Запада и Востока друг на друга, следует смотреть глубже — на различия в образе мышления. Однако данные различия также отчасти обусловлены угрожающими, пугающими, в каком-то смысле даже архаичными размерами и мощностью России в глазах «малых государств» европейского Запада — причем не только из-за огромной географической протяженности этой империи.

** Другой позиции придерживается Дитер Гро в работе *Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte* [*Гро Д.* Россия и самосознание

с обеих сторон и по сей день*¹; они в большой степени обусловлены самой природой вещей — разногласиями, которые можно, но совершенно не обязательно рассматривать как комплементарные, поэтому особых надежд на разрешение ведущихся споров нет.

Россия и Европа — Европа и Россия: далекие и близкие? Вообще-то, можно и должно заменить вопросительный знак на знак восклицательный: далекие и близкие! Иногда они отдалялись, а иногда, наоборот, сближались.

Возможно, об этом всем и говорить особо не стоило бы, если бы восточные и западные европейцы снова и снова не испытывали чувство восхищения по отношению к «другой» стороне — это восхищение не покидает их и по сей день. Притягательная сила Востока для Запада и Запада для Востока никуда не девалась и не делась. Возможно, в европейской груди все же бьется два сердца — это две стороны одной монеты, на каждой из которых своя чеканка: на одной стороне монеты — западной — лаконично указан ее номинал, позволяющий определить стоимость монеты, а на обратной стороне — восточной — изображен герб, который, в отличие от однозначного числительного, требует внимательного изучения и может быть истолкован по-разному. В то время как Запад старательно определяет номинал монеты в геллерах или пфеннигах, Восток пытается разо-

---

Европы. К вопросу о европейской интеллектуальной истории]. Neuwied, 1961. В данной работе встречается необъяснимое с перспективы сегодняшнего дня утверждение, согласно которому противопоставление Европы и России, бытовавшее в XIX в., осталось в прошлом.

* См. недавно вышедшую работу: *Beume K. von. Die Russland-Kontroverse. Eine Analyse des ideologischen Konflikts zwischen Russland-Verstehern und Russland-Kritikern [Бейме К. фон. Спор о России. Анализ идеологического конфликта между понимающими Россию и критикующими Россию]. Wiesbaden, 2016.*

браться в сути вещей. Полярность притязаний западного рационализма на господство над миром, с одной стороны, и смирения, присущего восточной теософии — с другой, не высосана из пальца (даже несмотря на то что различия между Западом и Востоком одним аршином не измерить*) — иногда исключения лишь служат подтверждением правила.

Мне кажется важным не упускать из вида внутренние противоречия обеих частей европейской культуры (во многом взаимодополняющие), чтобы не попасться на удочку ложных, ничем не подтвержденных обобщений, которые могут быть легко использованы со злым умыслом в интересах идеологизации. Леонид Люкс, говоря о противоречиях, вновь всплывающих в контексте разговоров об ориентации России на Европу или Евразию, в своей статье вспоминает слова Федора Степуна, который уже в 1924 г. писал: «Европеизм и азиатское начало — это две

---

* Анализ, представляющий отношения России и Европы исключительно в парадигме дихотомии, как правило, является ошибочным. Достаточно вспомнить, к примеру, славянофила И. В. Киреевского, жившего с 1806 по 1856 г. (см.: *Kirejewski I. W. Russland und Europa [Киреевский И. В. Россия и Европа]* / Hg. v. N. v. Bubnoff. Stuttgart, 1948). Киреевский противопоставляет русской склонности к тотальности бытия европейскую склонность к субъективной рациональности. См. также комментарий в работе: *Goerdт W. Vergöttlichung und Gesellschaft. Studien zur Philosophie von Ivan V. Kireevskij [Гёрдт В. Обожествление и общество. Исследования по философии И. В. Киреевского]*. Wiesbaden, 1968. S. 85 f к эссе Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» 1852 г.; данная статья была опубликована в сборнике *Europa und Russland* (a.a.O. S. 248 ff); как видно из данного сочинения, попытка выделения идеальных типов легко перерастает в чересчур схематичное описание, не соответствующее реальности. По словам Киреевского, именно рационализм и индивидуализм разрушили запад изнутри: «стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа, западные — более о внешней связи понятий»; см. там же, S. 277 f.

составные части сущности России. Ни одной из них мы не вправе пренебречь, ни от одной не в силах убежать»*. Существует ли аналог подобного внутреннего раскола на Западе? В данной связи мне хотелось бы упомянуть лишь одно событие современной повестки дня: Объединенное Королевство, естественным образом воспринимающее себя европейским государством и на протяжении столетий распространявшее европейскую культуру за пределами континента (с которого, кстати, христианство пришло на территорию данного островного государства), сегодня обладает более слабыми связями с континентальной Европой, чем, к примеру, со страной, в которую несколько столетий назад бежали отправленные в ссылку британцы, — Соединенными Штатами Америки.

Удивительное получается явление — эта Европа: расколота, разрозненная, раздираемая спорами и противоречиями — и тем не менее само собой разумеющаяся. Люкс ссылается на Константина Леонтьева, который в конце XIX в. указывал на крайне важный и для евразийцев азиатский «туранский» компонент национального характера русских: «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — Туранской, нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы независимое»**. Однако Россия в основной своей массе никогда не стремилась к тому, чтобы действительно создать такую независимую от Европы культуру. Точно так же, как и в западных странах, никто даже и помыслить не мог о том, чтобы полностью разорвать связи с Россией, — даже несмотря на однозначно отрицательную реакцию западных европейцев на предложение, озвученное в «Ноте Сталина».

---

* *Степун Ф.* Евразийский временник. Кн. 3 // Современные записки. № 21 (1924). С. 405.

** *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство: Сб. статей. Т. 1. М., 1885. С. 285.

Ведь если Запад хочет познакомиться с другой своей — совершенно необязательно темной — стороной, ему необходимо обратить свой взгляд на восток, в то время как востоку суждено смотреть на запад, если он хочет найти свое *alter ego*.

Важной представляется задача, описанная в статье Татьяны Александровны Некрасовой: вновь и вновь раскрывать все богатство исторической реальности, многообразии человеческих судеб и решений. Эта мысль также представляется мне абсолютно европейской по своей сути. Описывать следует не сбивающие с толку шаблоны, упрощенные стереотипы и не привязанные к реальности конструкты, а реальность во всей ее полноте и со всеми присущими ей правами. Для подобного описания необходимы самые разные термины, но нельзя забывать о том, что термины всегда отражают лишь определенные, выборочные стороны объекта. Кстати, гносеология, допускающая наличие у реальности самостоятельного права для восприятия все новых ее сторон, является в равной степени антагонистичной и интерактивной по отношению к самой себе: человек встречается с реальностью, находящейся в независимом от него состоянии и выступающей по отношению к нему в конфронтационном духе, но в то же время человек всегда выстраивает внутренние синтетические связи с реальностью, осознавая и принимая ее.

«Россия» и «Европа» в исторической ретроспективе

---

*Кристоф Бёр, доктор.
Приглашенный профессор по философским
вопросам современности Высшей школы
Святого Креста в Вене (Австрия)*

Что это значит — быть «европейским»?

Для ответа на вынесенный в заголовок вопрос необходимо сначала ответить на другой вопрос: какую Европу мы имеем в виду, когда произносим слово «Европа»? Если Европа — не просто фикция, мировоззренческая концепция или мысленный конструкт, должен быть способ определить, какими признаками и качествами обладает Европа в глазах того человека, который использует данный термин.

И именно в этом заключается сложность, которую мы не всегда осознаем, но которая тем не менее является одной из причин того, что дискуссия вокруг Европы вот уже несколько лет не складывается, — что, в свою очередь, приводит к снижению интереса и доверия к самой теме дискуссии. Ведь у нас разные представления о данном понятии, а значит, мы преследуем разные цели и задачи, пытаясь предложить собственную его трактовку.

Итак, повторяюсь: что мы имеем в виду, когда говорим или читаем о Европе? Какая Европа встает перед нашим внутренним взором? Европа как географическое пространство? Как культурное пространство? Как исторический термин? Кроме того, у понятия «Европа» существуют религиозное (или религиозно-социологическое), юридическое, мифологическое и, не в последнюю очередь, экономическое измерения. Каждое из них влияет на восприятие понятия «Европа», зачастую эти измерения вступают друг с другом в конфликт, в дело вступают эмоции. Наконец, ко всем вышеназванным семантическим измерениям добавляется еще и измерение политическое: Европа как Европейский союз (ЕС) с его многочисленными институтами, а также телеология данного политического конструкта и всех его институтов. Безусловно, разные значения термина «Европа» имеют точки пересечения: экономическое измерение связано с измерениями политическим и юридическим — и наоборот. Кроме того, для достижения успеха в дискуссии о Европе необходимо очертить границы обсуждаемого понятия: те, кто выступает за или против валютного союза, могут следовать экономическим или политическим мотивам — и это не одно и то же.

В современном мире проведение границ между этими мотивами в интересах успешной коммуникации вовсе не является само собой разумеющимся. Ведь когда британцы выказывают желание выйти из Европейского союза, они вовсе не хотят того, что утверждают газетные заголовки — а именно, покинуть Европу. Результаты всех опросов свидетельствуют о том, что большинство британцев — даже сторонники Брексита — этого вовсе не хотят. Но большинство британцев не хотят больше отчитываться перед брюссельскими бюрократами, политика которых воспринимается как навязываемая извне. Можно с этим соглашаться, а можно и нет. И как

остро — по вполне понятным причинам — ни критиковали бы данный шаг со стороны британцев, ни в коем случае нельзя ошибочно трактовать решение британского народа как желание повернуться спиной к Европе^{*}. Однако именно это и происходит изо дня в день. Тогда не стоит удивляться, что формулировки в прощальных письмах о расставании становятся все жестче. В риторике то и дело проскальзывает бестактность, и участники дискуссии отклоняются от темы.

Похожая ситуация складывается, когда кто-то имеет в виду Европу с экономической, политической или юридической точки зрения, а при этом говорит о Европе в целом, в самых общих чертах. Понятие Европы — шире, чем Европейский союз, валютный союз, внутренний рынок и свобода торговли, унификация правовых норм, свобода передвижения и Шенгенская зона. Все это — конструкты социального и политического характера. Да, они выстроены на фундаменте того, что можно называть Европой, но они лишь соотносятся с основным понятием, а не заменяют его как таковое. Говоря другими словами: даже если один из социальных или политических элементов конструкции Европы пошатнется или вообще исчезнет, это — на первом этапе — ровным счетом никак не повлияет на дальнейшее существование Европы. Изменится лишь политическое измерение данного конструкта. На это можно надеяться, а можно этого бояться. Однако Европа как политическое объединение — каким бы ценным, разумным и толковым по своей сути оно ни было — выстроена на основе, которая возникла раньше. Образно говоря, эта основа представляет собой скалу, на которой был зало-

---

^{*} Ср.: *Buchsteiner J.* Die Flucht der Briten aus der europäischen Utopie [*Бухштайнер Й.* Бегство британцев из европейской утопии]. Reinbek, 2018.

жен и выстроен общий европейский дом как политический конструкт.

Отцы-основатели и матери-основательницы политических институтов Европы хотели спасти сущность, предшествовавшую новому конструкту (а именно — Европу), в период после разрушительных войн на истребление. Для этого они — поначалу без непосредственного участия британцев*, но с учетом рекомендаций У. Черчилля континентальным европейцам — разработали конструкт, который по прошествии десятилетий становился все более совершенным, но в то же время раздутым, многослойным и перегруженным различными правилами. Этот процесс продолжается и по сей день, судя по тому, что возникают сомнения в том, что Европа, для защиты которой был создан Евросоюз, уже не выдерживает веса дома, возведенного на ее фундаменте.

Итак, необходимо задаться вопросом статистики: насколько прочен и надежен фундамент, на котором и для защиты которого был создан политический конструкт? Ведь ЕС существует для Европы, а не наоборот. Точно так же, как государство существует для человека, а не наоборот.

Итак, вернемся к исходному вопросу: что же такое Европа? Иными словами, что это значит — быть европейским? Данный вопрос, несомненно, относится к разряду непростых, и дать на него однозначный, учитывающий

---

* В работе *Simms B., Zeeb B. Europa am Abgrund. Plädoyer für die Vereinigten Staaten von Europa* [Зиммс Б., Зиб Б. Европа в бездне. Призыв к созданию Соединенных Штатов Европы]. München, 2016 рассматриваются два разных пути развития континентальной и островной Европы без привязки к концепции Брексита. В книге прекрасно показано, как мнение британцев о Европе — и в том числе о политическом конструкте Европы — рознится в зависимости от того, имеют они в виду континентальную или островную часть Европы.

все его многочисленные грани ответ не представляется возможным. В то же время сегодня жизненно необходимо найти ответ на этот вопрос. Продолжая высказанное мною суждение — в том случае, если ЕС призван защищать то, что определяет его право на существование, необходимо четко представлять себе, что именно является объектом, достойным защиты, в интересах которого был создан политический конструкт. Появление трещинок на внутренней поверхности европейского политического строя говорит о том, что сейчас самое время переосмыслить призвание политики по лежащему в ее основе вопросу: найти приемлемое выражение для описания понятия европейскости, пребывающего сегодня в кризисном состоянии.

В этот самый момент на политической арене поднимается возмущенный крик: европейскость — многим современникам это слово представляется несуразным эссенциализмом похлеще любого отголоска империализма и колониализма, гадливым чванством «белого человека», который, казалось бы, за прошедшее время должен был осознать, что мультикультурализм является единственной позицией, достойной человека. По крайней мере, именно это мы слышим повсеместно и со всех сторон. Но в этом-то и загвоздка! В центре политики, по версии, обнародованной Брюсселем, находятся вовсе не специфические особенности европейцев, а совсем другие ориентиры: самый частый ответ, звучащий в стенах Европейского Парламента и Европейской Комиссии, заключается в том, что Европа должна стать глобальным игроком, чтобы в долгосрочной перспективе не отставать от США, России и Китая.

Но, собственно говоря, с какой стати? Разве такой ответ не является недопустимым обобщением и даже завышением позиции политики, то есть точки зрения власти?

Лично меня как европейца нисколько не беспокоит то, что США, Россия и Китай являются более влиятельными игроками на мировой арене, чаще оказываются вовлечены в военные конфликты и оказывают большее воздействие на происходящее в мире, чем Европейский союз, члены которого (как это с достопамятных времен принято у нас, европейцев) редко сходятся во мнении и не согласны друг с другом. Не говоря уж о том, что не стоит забывать: Россия (по крайней мере, определенная ее часть), несомненно, относится к Европе, хотя и не входит в состав Европейского союза.

Более убедительно звучит отсылка к миротворческой задаче ЕС, придающей смысл объединению Европы. Однако для выполнения данной задачи достаточно было бы создать сеть тесных контактов и определить примирительно-конфликтный порядок разрешения споров — для этого вовсе не обязательно создавать федеративное государство, образ которого явно стоит перед глазами многих брюссельских политиков. Против подобного сознательного самоограничения европейской политики несколькими конкретными ключевыми задачами часто приводится аргумент о том, что даже наличие сети тесных контактов не даст никаких реальных гарантий того, что в долгосрочной перспективе спор не разгорится сильнее и не выйдет из-под контроля. И это верно. Но дает ли федеративное государство подобные гарантии? В крайнем случае, любая часть федеративного государства может выйти из его состава. Яркий тому пример — Великобритания, находящаяся в процессе выхода из Европейского союза, хотя политическое образование, которое англичане хотят покинуть, пока еще не является федеративным государством в чистом виде. На национальном уровне в качестве примера можно привести каталонцев, настойчиво пытающихся отделиться от Испании.

В общем, можно сколько заблагорассудится крутить и вертеть данный вопрос, разглядывая его то с одной, то с другой стороны. Тем не менее невозможно точно определить задачи, форму и цели политического образования, подобного Европейскому союзу, не дав однозначного ответа на вопрос, что же это значит — быть европейским? И так, что же мы называем словом «европейский»? Ответ на данный вопрос помог бы определиться с самосознанием, которое должно бы служить ориентиром для формирования политической повестки дня.

Европа. Прежде всего за этим словом стоит долгая и мучительная история расколов, споров и размолвок. Век за веком, с момента нарушения «Августова мира» или Pax Romana, европейцы постоянно враждовали друг с другом. Однако у этой многовековой истории конфликтов есть одна отличительная особенность: при всех внутренних разногласиях уже довольно давно удалось сформировать чувство принадлежности к «европейскому» сообществу. С этим созвучно распространение по всему миру идей, получивших название «европейской» мысли. Европейская мысль в каком-то смысле определяла стиль поведения — и отчасти продолжает его определять и сегодня. Можно клеймить этот образ мысли, называя его империализмом. Но этот упрек направляет нас на ложный путь. Ведь европейская мысль распространялась не только путем войн и насилия — ей присуща определенная притягательность: этот образ мысли, несомненно, универсален по своей сути, и при этом он — благодаря своей своеобразной притягательности — может универсализировать, не прикладывая к тому целенаправленных усилий, судя по тому, что он снова и снова находит отклик у людей, не являющихся европейцами и не стремящихся к тому, чтобы ими стать. Что, кстати, вовсе не исключает вероятности того, что этот образ мысли может вызвать

отторжение, а Европа может восприниматься воплощением образа врага.

Европа. Согласно Ю. Фишеру*, это слово вошло в обиход в IV в. Первые упоминания Европы как географического объекта встречаются у древнегреческого философа Гекатея Милетского, жившего ок. 560–480 гг. до н. э.**. Политическая коннотация появляется у этого слова примерно тысячу лет спустя, во времена Пия II (ученого-гуманиста эпохи Возрождения Энеа Сильвио Пикколомини), жившего в 1405–1464 гг., который призвал Европу оказать противодействие Османской империи ввиду захвата турками Константинополя 29 мая 1453 г. и перестать наблюдать за падением Византии сложа руки***. Пикколомини ставит знак равенства между Европой и христианством латинского образца, представителей которого не сильно волновала перспектива падения Константинополя и уж точно не волновала судьба христианского мира греческого образца. В его работах между строк постоянно сквозит притязание на единоличное представительство латинян, которые были не особо дружелюбно настроены по отношению к ромеям после Великой схизмы 1054 г. и захвата Константинополя венецианцами в 1204 г. Ромеи отвечали латинянам взаимностью.

---

* *Fischer J.* Oriens — Occidens — Europa. Begriff und Gedanke 'Europa' in der späten Antike und im frühen Mittelalter [*Фишер Ю.* Восток — Запад — Европа. Понятие и мысль «Европа» в периоды поздней Античности и раннего Средневековья]. Wiesbaden, 1957. S. 14.

** *Manuwald B.* Zu Begriff und Idee 'Europa' in der griechischen Antike [*Манувальд Б.* О понятии и идее «Европа» в греческой Античности] // *Europa? Zur Kultugeschichte einer Idee* [Европа? Об истории культуры одной идеи] / hg. v. T. Zelić, Z. Sambunkjak, A. Pavić Pintarić. Würzburg, 2015. S. 15–33.

*** Ср.: *Helmrath J.* Pius II. und die Türken [*Хэльмрат Й.* Пий II и турки] // *Europa und die Türken in der Renaissance* [Европа и турки в эпоху Возрождения] / hg. v. B. Guthmüller, W. Kühlmann. Tübingen, 2000. S. 79–137.

Обе империи, возникшие как наследницы Великой Римской империи, отдалились друг от друга, хотя, по сути, они обе прививали одни и те же идеи на разных территориях. При этом Пикколомини ни на секунду не сомневался в том, что Константинополь является неотъемлемой частью Европы*.

Европа. Для Пия II за этим словом в первую очередь стояло западноевропейское христианство как правомерный наследник распавшейся Римской империи. Таким образом, понятие «Европа», прежде всего рассматривалось им через культурно-политическую призму и являлось определяющим как противовес османской культуре на пороге Нового времени (каким, впрочем, во многом осталось и по сей день). Подчеркнутое разделение на греческую и латинскую традиции — различия между Вторым и Первым Римом — не допускало толкования Европы как общего культурного фундамента, объединяющего западную и восточную сферы. Если в то время кто-то употреблял слово «Европа», он, как правило, имел в виду Западную Европу, которой противостоял Восток — как греческая традиция христианства, так и османская Византия. Одним из последствий данного раскола является то, что границы Европы на востоке до сих пор довольно размыты и не поддаются четкому определению, в то время как на западе они однозначно очерчены Средиземным морем и Атлантическим океаном.

---

* Ср.: Heck A. van. Einleitun des Herausgebers [Хэк А. ван. Вступительное слово издателя] // *Piccolomini E. S. Europa* [Пикколомини Э. С. Европа] / hg. v. G. Frank, P. Metzger. Heidelberg u.a., 2005. S. 17–30, цит. со с. 17 и далее. — с отсылкой к работе *Aeneae Syluii Piccolominei Opera Omnia*. Basilea, 1571. S. 678: «Теперь мы повержены, — пишет Пикколомини, услышав новость о падении Константинополя, — в Европе, в своем Отечестве, в собственном доме, в родном пристанище!»

Давайте только не будем забывать о том, что этот конструкт эпохи Нового времени под названием Европа появился как следствие политических мотивов. Сначала спор между Римом и Константинополем, а затем конфликт между европейцами и османами наложили отпечаток на минималистское, узкое толкование понятия европейскости в границах Западной Европы. Однако если абстрагироваться от данного измерения конфликта и рассмотреть Европу как культурно-историческое образование, ее границы окажутся значительно шире: Европа в данном толковании включает в себя всю территорию, на которой сохранилось римское наследие — как латинского, так и греческого образца. В своих размышлениях я буду пользоваться именно такой трактовкой понятия «Европа». В данном толковании Европа — это история духа, история культуры как история духовных образований, в которой звучат вариации на одну и ту же тему. Эта тема, подобно музыкальной теме симфонии, возникает в Римской империи и дальше на протяжении нескольких столетий раскрывается, наполняясь все большим разнообразием. Поэтому мой тезис звучит следующим образом: Европа — это история духа, культурный континент, который с начала второго тысячелетия нашей эры оказывается расколот внутренним конфликтом надвое, но при этом не распадается напрочь, продолжая существовать под сильным воздействием данного раскола. Со всеми вытекающими, далеко идущими последствиями.

К таким последствиям в первую очередь относится тот факт, что история духа под названием Европа переживает несколько расколов. Однако все эти последующие расколы являются не чем иным, как вариациями на ту самую тему, которая появилась вначале и прозвучала лейтмотивом новой симфонии. Здесь необходимо упомянуть два главных раскола, которые разделили Европу

на четыре сегмента. Первый раскол — это раскол на Западный и Восточный Рим, перенос империи с запада на восток, произошедший с распадом Римской империи, и усиление Константинополя как ее наследника, за которым последовали падение Византии, не сумевшей удержать наследие Римской империи на востоке, и провозглашение Москвы Третьим Римом*, в котором христиане могли найти убежище от османов. Данный раскол проходил по оси «север-юг» и представлял собой раскол на христианство латинского и греческого образца. К этой внутриевропейской границе позднее добавилась еще одна, проходящая по оси «запад — восток»: речь идет о Реформации, значительно сильнее повлиявшей на северные территории, чем на южные. При этом Реформация остановилась на границе между христианством латинского и греческого образца, практически не затронув Восточную Европу. Надо сказать, что расколы не обошли стороной и православный мир: в нем появилось несколько конкурирующих автокефальных патриархатов, причем экуменический Константинопольский Патриархат признается не всеми, хотя и именуется официально первым в диптихе. Последний раскол в православном мире произошел 15 декабря 2018 г., когда на Украине был выбран автокефальный митрополит.

То есть два крупных и несколько мелких расколов привели к разделению наследия Римской империи на четыре части — или, по меньшей мере, на три, если учитывать незначительное влияние Реформации на востоке. Таким образом, если мы говорим о Европе, то говорим как минимум о трех культурных пространствах,

---

* Ср.: *Kostjuk K. Der Begriff des Politischen in der russisch-orthodoxen Tradition. Zum Verhältnis von Kirche, Staat und Gesellschaft in Rußland* [Костюк К. Понятие «политическое» в русско-православной традиции. О взаимоотношении церкви, государства и общества в России]. Paderborn, 2005. S. 59 ff.

довольно сильно отличающихся друг от друга. И тем не менее мы можем абсолютно правомерно говорить о единой Европе, так как в основе вышеупомянутых европейских культурных пространств лежит единый фундамент римского христианства*. Три наследника ссорятся из-за общего наследия. Иногда эта семейная ссора приобретает гротескные черты. Но как бы громко ни звучали голоса участников спора, нельзя забывать о том, что ссорятся именно члены одной семьи.

А что же представляет собой вышеупомянутый фундамент римского христианства?

Самое позднее с IV в. н. э. различия между римлянами и христианами практически стираются**. К этому моменту сложилось направление мысли, объединившее в себе черты языческой греческой философии и римской христианской религии. Однако на ранней стадии, еще в процессе слияния идей, в данном направлении мысли сформировалось две ветви: христианство латинского и греческого образца, католицизм и православие. Раздоры начались не с Великой схизмы 1054 г., а гораздо раньше — еще на стадии формирования христианской символики. Просто до 1054 г. возникавшие споры удавалось успешно урегулировать, зачастую прилагая заметные усилия. Поводом для спора практически всегда служили вопросы политически-теологического характера.

---

* Этот фундамент удивительно точно и глубоко описан в работе: *Brague R. Europa — seine Kultur, seine Barbarei. Exzentrische Identität und römische Sekundarität* [Браг Р. Европа — ее культура, ее варварство. Эксцентрическая идентичность и римская секундарность] / hg. v. Ch. Böhr. Wiesbaden, 2012.

** Ср.: *Böhr Ch. Einheit in Zerrissenheit. Wie Europa seine fortdauernde Gestalt in einer besonderen Denkform fand* [Бёр К. Единство в разрозненности. Как Европа нашла свое продолжение в особой форме мысли] // *Ambo* 1 (2016). S. 118–147.

Еще римские императоры, а вслед за ними и Карл Великий поняли, что для укрепления собственной власти имеет смысл оказывать поддержку представителям того или иного теологического учения. Пожалуй, император Юлиан Апостат, воспитанный в христианской традиции, но затем перешедший в язычество, интересовался теологическими вопросами сильнее, чем большинство «христианских» императоров, которые частенько вмешивались в религиозные конфликты, выступая в интересах то одной, то другой религиозной группы в расчете на укрепление собственной позиции. Хотя и Юлиан Апостат преследовал политические цели, возвращаясь к языческим обрядам, — он рассчитывал, что этот шаг поможет ему вновь объединить распадающуюся империю. Одной из главных проблем христианства с самого начала был тот факт, что представители церкви снова и снова поддавались искушению и — вопреки изначальным намерениям — чересчур сближались с представителями политического режима в духе цезаропапизма, хотя в ходе истории именно религия всегда оказывалась крайней в «политических играх». Особо яркими примерами тому служит судьба служителей церкви после якобинской, коммунистической и национал-социалистической революций.

Но вернемся к исходному вопросу: что означает тот факт, что все европейские культурные пространства являются частью единой Европы, так как все они выстроены на одном и том же фундаменте? В общих чертах — хотя я полностью отдаю себе отчет в том, насколько сложны подобные обобщения и насколько легко их можно неверно интерпретировать в духе грубого эссенциализма, — на этот вопрос можно ответить пятью тезисами, которые одновременно позволят нам понять, что это значит — мыслить «по-европейски», ощущать себя и быть европейцем.

1

Иудейско-христианский монотеизм оказал значительное влияние на Европу, что привело к широкомасштабному обезбоживанию природы и восприятию как данности возможности становления науки, позволяющей подчинить природу воле человека при помощи техники. Европейцы — монотеисты, и с этой точки зрения ислам также является детищем Европы, зачатый в противоположность всем восточным политеистическим языческим культам, с представителями которых пророк Мохаммед повсюду сталкивался при жизни. Европа была зачата в духе воспитанной христианством философии поздней античности, ее идею удалось пронести сквозь «темные века» второй половины первого тысячелетия прежде всего благодаря монашеской культуре. Затем идея Европы была подхвачена Карлом Великим (в эпической поэме «Карл Великий и Папа Римский Лев», возникшей ок. 800 г. н. э. и приписываемой перу Эйнгарда, он получает эпитет «Император, отец Европы» — *Rex, pater Europae**), который предпринял попытку объединения столь разных с этнической и культурной точек зрения «кирпичиков» подвластной ему империи при помощи системы образования.

2

Образ человека, принятый среди европейцев, формировался на протяжении двух тысячелетий и с самого начала демонстрировал персоналистические черты. Это значит, что человек воспринимает себя не просто частью творения, а обладает божественной, то есть бессмертной

---

* *Karolus Magnus et Leo papa. Ein Paderborner Epos vom Jahre 799* [Карл Великий и Папа Римский Лев. Падерборнский эпос 799 г.] / hg. v. J. Brockmann. Paderborn, 1966. S. 504.

душой. Эта душа — в соответствии с представлениями Аристотеля, по понятным причинам никак не затронутыми христианскими представлениями, — является *forma formarum* человека, отражением сущности человека во всей его совокупности. Лишь в эпоху европейского модерна были приложены определенные усилия, чтобы дистанцироваться от подобного восприятия, что по сути своей является попыткой создать «бездушный» модерн, который уже не является европейским. Этот эксперимент пока так и не завершен, у него открытый финал.

Одним из наиболее выдающихся достижений истории духа под названием «Европа» является обнаружение «внутреннего человека»: этим открытием Европа обязана христианству*. «Внутреннему человеку» присуща совесть. Лишь христианская наука, опираясь на философию Сократа и Платона, разъясняет, что это значит — нести ответственность перед совестью. Совесть присуждается статус более высокого приоритета по отношению ко всем светским — секулярным и политическим — притязаниям и требованиям, всегда и без исключений.

3

Вера и разум представляют собой легкие европейца, которыми он дышит, когда думает. Кстати, это утверждение верно и в отношении атеистов, убеждения которых основываются на вере не в меньшей степени, чем убеждения теистов. В Европе — как ни в каком другом культурном пространстве — было приложено

---

* Ср.: *Kobusch Th. Selbstwertung und Personalität. Spätantike Philosophie und ihr Einfluß auf die Moderne [Кобуш Т. Индивидуализация и личность. Позднеантичная философия и ее влияние на современность].* Tübingen, 2018.

огромное количество усилий к рациональной обоснованности религиозной веры, включая и рассмотрение атеизма как формы веры в отрицание откровений и богопознания. Можно говорить о том, что взаимосвязь веры и разума является ключевой темой для европейцев.

Однако эта тема очень по-разному трактуется по разные стороны оси «запад — восток» на европейском пространстве: если рассуждать в идеальных категориях, можно сказать, что для западной мысли характерен аналитический подход к данной теме, а для восточной мысли — синтетический. Если западная традиция рассматривает понятия веры и разума дифференцированно, то восточная относится к ним скорее симфонически. Британский журналист Стивен Грэм (1884–1975), работавший в числе прочего на газету *Times*, опубликовал в 1915 г. книгу «Путь Марфы и путь Марии»*. На примере библейских образов двух сестер Марфы и Марии** Грэм прослеживает различия между европейским западом и европейским востоком. При всех очевидных недостатках и противоречиях анализа, проведенного Грэмом, один лишь заголовок книги, похоже, задел струну, вызвавшую резонанс, — если судить по реакциям на книгу. Грэм пишет, что русская идея — христианская (*an aspect of Christianity*)***. Но стоит отметить, что и западная идея не менее христианская. Грэм считает, что русская душа исполнена любви к страдающим, ее призвание — сострадание, а русская церковь, погрузившись в медитацию и созерцание, идет по пути Марии, готовясь к встрече с потусторонним миром. Западная же душа исполнена либерализма,

---

* *Graham S. The Way of Martha and the Way of Mary [Грэм С. Путь Марфы и путь Марии]. London, 1916.*

** Ср.: Лк. 10. С. 38 и далее.

*** *Graham S. Op. cit. S. 93.*

индивидуальности и рациональности* — все до одного понятия, римско-латинское происхождение которых до сих пор отчетливо прослеживается в их звучании.

У подобных идеализированных формулировок есть слабые стороны, но есть и сильные**, так как они обращают наше внимание на вопрос, всплывающий при более пристальном рассмотрении***. Такой выдающийся философ, как Семен Франк (1877–1950), в равной степени погруженный в контекст востока и запада Европы (за свою жизнь он был дважды экспатрирован — сначала отправлен в ссылку из родной России, а затем в 1937 г. выслан и из Германии), без толики сомнения причисляет Россию к европейским странам и считает, что русской мысли присущи антирационализм и антииндивидуализм****. При этом важно отметить, что отрицание рационализма и индивидуализма нельзя рассматривать как признание иррационализма или коллективизма. Другими сло-

---

* Среди многочисленных источников на тему «западной мысли» назову лишь работу: *Nemo Ph. Was ist der Westen? Die Genese der abendländischen Zivilisation [Немо Ф. Что такое Запад? Генезис западной цивилизации]*. Tübingen, 2005.

** Ср.: *Frank S. Die russische Weltanschauung [Франк С. Русское мировоззрение]*. 1926, Darmstadt, 1967. S. 10.

*** Ср.: *Losskij N. O. Der Charakter des russischen Volks [Лосский Н. О. Характер русского народа]*, 1957 / hg. v. D. Kegler. Sankt Augustin, 2011.

**** *Frank S. Op. cit. S. 13, 27.* Кстати, Лев Шестов в своей работе *Athen und Jerusalem. Versuch einer religiösen Philosophie [Афины и Иерусалим. Опыт религиозной философии]* (Graz, 1938) рассматривает восточную мысль, для которой типичны прежде всего религия, интуиция и эмпатия, как антипод западной мысли, которая характеризуется философией, рациональностью и терминологизмом, задаваясь вопросом (S. 495): «Не следовало ли бы... самим освободиться и других освободить от власти понятий, своей определенностью убивающих тайну?» Также стоит хотя бы упомянуть важные исследования Макса Вебера, посвященные теме западного рационализма, даже если в данной статье нет возможности остановиться на них более подробно.

вами, речь не идет о жестком неприятии рационализма и индивидуализма. Обе позиции представляют собой разные грани общеевропейского отношения к жизни, они позволяют с разных сторон взглянуть на один и тот же предмет. Другими словами, каждая из позиций позволяет взглянуть на разные аспекты единого объекта рассмотрения. На первый взгляд различия в образе мысли восточных и западных европейцев могут показаться огромными и непреодолимыми. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что речь идет о различных перспективах: один и тот же объект — к примеру, человек — рассматривается с разных сторон, и рассмотрение его с каждой из перспектив приводит к возникновению понятия, которое не может быть истолковано как абсолютная противоположность другому понятию. Речь идет об инклюзивной комплементарности, а не о контрадикторном исключении. Таким образом, Европа представляет собой историю духа мультиперспективности, или многоаспектности — причем с самого своего начала, задолго до того, как это слово вошло в обиход.

4

Европейцам свойственен своеобразный гносеологический подход (в отличие, к примеру, от мусульман), согласно которому — даже ввиду безусловного права на истину — человек, как конечное живое существо, в состоянии получить доступ лишь к конечной — то есть относительной — истине. Другими словами, европейцы относятся к понятиям конечности и бесконечности рефлексивно. Они не проявляют равнодушия к этим понятиям и не стремятся при случае понять их суть мистическим путем, а пытаются приблизиться к ним (хотя всегда безуспешно) с понятийной точки зрения, руководствуясь соображениями разума. Они разрешают конфликт между конечным и бесконечным, признавая

за последним (то есть за мирским) собственное право и не подчиняя сферу «мирского» (*temporalia*) в интересах сферы «духовного» (*spiritualia*) гнету божественного, то есть истины.

Со времен Миланского эдикта, подписанного императорами Восточной и Западной Римской империй Лицинием и Константином, действует — несмотря на несколько случаев его нарушения — следующий принцип: люди — все люди — обладают свободой вероисповедания. Данное правовое положение не допускает цезаропапистских заблуждений, хотя подобные случаи неоднократно имели и имеют место, и проводит границу между моралью и законностью, хотя и по сей день ведутся ожесточенные споры о том, в чем эти понятия отличаются друг от друга.

Из этого следует вывод, лаконичный практически до неприличия, так как он подводит итог событиям, развивавшимся на протяжении двух тысячелетий:

5

Возникает самостоятельное понятие «секуляризм», различие между религиозной и светской сферами проводится с опорой на христианское учение. Сфера «мирского» и сфера «духовного» подчиняются двум совершенно разным «мечам» — светской и духовной власти соответственно. Эти ветви власти* обязаны учитывать и признавать обоюдную автономию. Из этих основных свобод вытекают определенные последствия для свободы в целом: свобода вероисповедания откла-

---

* Ср.: *Siedentop L. Die Erfindung des Individuums. Der Liberalismus und die westliche Welt [Зиденмон Л. Изобретая индивида. Либерализм и Западный мир]. Stuttgart, 2015.*

дывает отпечаток как на гражданское, так и на церковное право. Истина не находит воплощения ни в одной политической или религиозной догме в том объеме, в котором она воплощается в свободе совести человека.

В то же время в этом заключается одно из ключевых различий между греческой православной и латинской католической традициями: Запад делает упор на различии между государством и религией*, а также между догмой и личностью, для обоснования которого используется понятие свободы, в то время как Восток упирает на симфонию церкви и власти — не только в идеалистическом смысле в контексте «конца времен», но и в смысле повседневной практики в современной жизни.

Обобщая все вышесказанное, Европа представляет собой единство в разнообразии, является *in pluribus unum* — и это высказывание отличается от девиза *e pluribus unum*, размещенного на аверсе Большой печати США. Разнообразии Европы и европейцев не безгранично, оно, напротив, представляет собой многообразие в рамках пространства, объединенного общим фундаментальным мировоззрением**,

---

* Описать эту разницу, которая отчасти является также запутанностью, нелегко; яркое объяснение можно найти в *Weiler J. Ein christliches Europa. Erkundungsgänge [Вайлер И. Христианская Европа. Исследования]. Salzburg, München, 2004. Bes. S. 90 ff., 125 ff., 106: «Европа не является религией, которую можно смоделировать на основе христианства или любой другой веры. Тем не менее христианская мысль предлагает нам набор инструментов, концептуальных проблем, идей, которые при должной осмотрительности могут быть чрезвычайно полезны при попытке определить типичную европейскую модальность отношений *ad gentes* (внутреннюю и внешнюю)».*

** Ср.: *Locher G. W. Einheit in Vielfalt. Wunsch und Wirklichkeiten [Лохер Г. Единство в разнообразии. Желаемое и действительность] // Europa christlich?! Zum Gespräch von Glaube und säkularer Welt [Христианская Европа? К разговору о вере и секулярном*

в основе которого лежат одни и те же вопросы о бытии, мире и Боге. При этом ответы на данные вопросы и приводят к многообразию, с существованием которого приходится мириться, так как оно в будущем будет становиться только сильнее. Лишь тот сумеет постичь разобщенность Европы, кто распознает в ней проявление общего связующего начала — начала, в котором уже в зародыше содержится все то, что позднее раскрывалось и продолжает раскрываться во всем своем многообразии*. Европа — это мысль в процессе становления, чувство радости от разнообразия, возникающее в процессе поиска все новых ракурсов для ответа на вопросы о происхождении Европы, заложивших фундамент для ее начала**. Европа — это большая многоголосая симфония с лейтмотивом, прозвучавшим в самом

мире] / hg. v. Ch. Schaller, F. Schuller, J. Zöhrer. Regensburg, 2018. S. 38–46, цит. S. 38f: «Идея Европы восходит к позаимствованной у церкви мысли о единстве... Говорить о Европе — значит переносить христианское представление об универсальности церкви на политическое образование... С разрывом данной связи у секулярной Европы исчезает одна из основ, узаконивающая ее единство». Европе до сих пор не удалось компенсировать факт потери части собственной легитимности. Более того, ее ведущие представители зачастую сами не осознают, что Европе требуется новая легитимность.

* Конечный человеческий разум может воспринять истину как не имеющую исключений и многообразную сущность: когда мы обходим вокруг какого-либо предмета, мы видим его со всех сторон, с разных точек зрения, но никогда не видим его во всей его совокупности. И хотя речь идет об одном и том же предмете, с каждой из сторон мы видим его по-разному. Все человеческое познание направлено на аспекты целого, а не на само целое. Таким образом, не только гносеологическое, но и политическое многообразие является непосредственным следствием познания, зародившегося и принятого в Европе.

** Подобная формулировка подразумевает поиск источников европейской идентичности за пределами собственной культурной традиции, которую сегодня называют европейской. Рене Браг имеет в виду именно это, когда довольно точно говорит об «эксцентрической идентичности» Европы.

начале и развивающимся в новых и все более разнообразных вариациях. Для европейцев истина всегда симфонична*.

Поэтому любая попытка описать общность европейцев через понятие единообразия обречена на провал. Многие участники политического процесса, несущие ответственность за политический конструкт Европы, не сходятся во мнении по данному вопросу. Не стоит ожидать, что столь многообразная, раздираемая внутренними противоречиями культура, тем не менее осознающая собственную идентичность, сдастся под натиском сторонников конформизма и единообразия, каким бы сильным он ни был. Напротив, каждый следующий шаг в данном направлении наталкивается на серьезное сопротивление и решительное противодействие.

Таким образом, сегодня необходимо отказаться от норм, направленных на чрезмерную унификацию, и сосредоточиться на сути, делающей европейцев европейцами. Однако европейская политика современности пока от этого далека. Вместо того чтобы наконец-то назвать вещи своими именами и осознать, что Брексит — это сигнал со стороны разочаровавшихся в европейской политике, выражающих таким образом свое нежелание и впредь беспрепятственно подчиняться давлению конформистов, Европейский союз делает вид, что этот несчастный случай можно списать на своеобразную взбалмошность жителей островного государства. Но теперь пришло время переосмыслить телос интеграции, сформулировав цель следующим образом: «максимум

---

* Вслед за одноименным произведением: *Balthasar H. U. von. Die Wahrheit ist symphonisch* [Бальтазар Г. У. фон. Истина симфонична]. 1972, Freiburg im Br., 2008.

плюрализма, минимум единообразия»*. Если в основу Европейского союза и вправду изначально была заложена миротворческая идея, что многие довольно часто и справедливо отмечают, то не стоит разминивать миротворческий потенциал данного объединения, оказывая давление конформистского толка, которое всегда стояло и, вероятно, в будущем будет стоять европейцам попереки горла.

Если на смену конформистскому давлению не придет переосмысление, то вслед за британцами и другие народы начнут дистанцироваться от ЕС — в первую очередь те, кто после падения Берлинской стены в 1989 г. испытывал жгучее стремление к единой Европе, похожее на чувства западных европейских держав в 1945 г. Я имею в виду жителей Центральной Европы. Тогда политический конструкт развалится под гнетом извне — из-за собственного безрасудства и несговорчивости.

Однако культура европейцев — собственно, сама суть Европы, ее живая, не стоящая на месте история духа — в состоянии пережить и такой удар судьбы. Никто не

---

* Оскар Кульманн (*Cullmann O. Einheit durch Vielfalt. Grundlebung und Beitrag zur Diskussion über die Möglichkeiten ihrer Verwirklichung [Кульманн О. Единство через многообразие. Размышление и вклад в дискуссию о возможностях его становления]. Tübingen 1986. S. 21*) пишет именно о «единстве *через* разнообразие», а не о часто используемом понятии «единство в разнообразии». Тем самым он имеет в виду, что «разнообразие является не препятствием на пути к достижению единства, а способом обогащения» единства. Курсив взят из текста оригинала. При этом довольно удивителен тот факт, что европейские элиты, для которых понятие «многообразие» уже практически возведено в ранг секулярной религии, сами готовы воспринимать проявления многообразия и сопутствующие ему процессы управления многообразием в собственной среде в лучшем случае как фольклористику, хотя, вообще-то, сохранение многообразия позиционируется как цель Европейского союза.

может запретить европейцам дышать воздухом свободы*, то есть самостоятельно определять, как им жить, основываясь на заявленном стремлении к разнообразию. Неотъемлемой частью понятия «Европа» является плюрализм — спор о «за» и «против».

Но что же остается в сухом остатке? Что именно можно с чистой совестью охарактеризовать словом «европейский»?

Необходимо рассматривать Европу как живую, не стоящую на месте историю духа, что означает постоянный поиск такого образа человека, который не просто учитывал бы его культурные особенности, а включал бы представление о нем во всей совокупности — где бы человек ни находился. И поскольку Николаус Лобковиц, один из самых выдающихся знатоков европейской культуры и истории, сумел лучше ответить на вопрос о миссии Европы, вытекающей из подобного видения, чем это мог бы сделать я, я хотел бы завершить свой текст довольно пространной цитатой, принадлежащей перу данного исследователя:

«Миссия Европы заключается..., в значительной степени, в призыве к тому, чтобы не прекращать поиск образа человека, который удовлетворил бы всех или, по крайней мере, большинство и опираясь на который можно было бы оценивать все прочие традиции. Правда, при этом речь пойдет о европейском образе человека. Однако ввиду того, что у нас, европейцев, самое позднее

---

* Нельзя упрекать людей, поставивших на кон собственные жизни в 1989 г. в борьбе за свободу, в том, что они сохраняют верность своим убеждениям. Однако именно это сегодня и происходит. Это ведет ЕС в пропасть и является насмешкой над понятием «солидарность», которое политики Европейского союза так часто используют как путеводную звезду.

с начала христианства, а на самом деле уже со времен римско-греческих стоиков, сложился образ человека, который, с одной стороны, выходит за рамки биологии, а с другой стороны, включает в себя всех людей вне зависимости от их половой, расовой, религиозной и культурной принадлежности, мы говорим о миссии, касающейся не только нас, но и всех народов на Земле. Возможно,... истинная миссия Европы заключается в том, чтобы выйти за собственные рамки и поделиться со всеми тем, что нам удалось узнать о человеке. У меня не вызывает сомнений тот факт, что накопленное знание опирается на христианский образ человека. Возможно, духовная миссия Европы заключается в том, чтобы усилиями Европы христианские убеждения стали несущим столпом мировой культуры. Если это утверждение верно, то сохранение христианства, возможно, не являющегося по сути своей европейским, но прошедшего период становления в Европе и отложившего глубокий отпечаток на Европу, все более глубокое, непрерывное изучение христианской мысли и очищение ее носителей является истинной и основной миссией Европы»*.

Лучше и точнее описать суть предмета, пожалуй, невозможно.

---

* *Lobkowitz N.* Das geistige Vermächtnis Europas [Лобкович Н. Духовная миссия Европы] // Die historische Einheit Europas. Ideen, Konzepte, Selbstverständnis [Историческое единство Европы. Идеи, концепции, самопонимание] / hg. v. H. Hecker, S. Spieler. Bonn, 1994. S. 1–13, цит. S. 12.

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина,
*Политолог, преподаватель кафедры политических
и правовых учений Московской высшей школы
социальных и экономических наук (Россия)*

Россия и Европа: модернизация и контрмодернизация?

Сегодня большое значение приобретает проблема внутренних последствий европейского влияния на Россию, того, как Россия усваивала те импульсы, которые она получала из Европы, в особенности важнейший из них — *модернизационный*. В ходе многочисленных обсуждений проблем модернизации в России, как правило, отмечаются ее настоятельная необходимость для достижения мировой конкурентоспособности страны, с одной стороны, и неготовность к ней большей части российского общества — с другой. По этой логике потребность в модернизации выступает как функция экономического развития, которая задается извне российского общества, в результате действия императивов *глобализирующейся* мировой экономики.

Действительно, модернизация за пределами Западной Европы и Северной Америки выступает как процесс освоения «незападными» обществами того типа развития экономики, общества и государства (и взаимодействия между ними), который утверждается в Европе с конца XVII–XVIII вв. Исторически модернизация представляет собой процесс *внешний* по отношению к России, которая несколько раз на протяжении последних трехсот с лишним лет пыталась путем форсированного государственного вмешательства взять этот барьер и сделать страну конкурентоспособной в экономическом и, главное, военном отношении. Все эти попытки,

несмотря на краткосрочные успехи, в долгосрочном плане оказывались не только неудачными, но и усугубляющими именно те черты и особенности развития страны, которые препятствуют превращению ее в современное (модерное) общество. Более того, форсированное *экономическое* развитие по европейским, казалось бы, образцам, как правило, приводило в России к очевидной демодернизации *социальных* отношений.

Так, реформы Петра I, прорубившего, по выражению А. С. Пушкина, «окно в Европу», привели не только к усилению крепостничества и его распространению на прежде свободные категории крестьянства, но и к подчинению государству, власти всех остальных сословий общества: «Законодательство Петра загнало в крепостную неволю целые разряды свободных лиц и уравнило все виды неволи близко к типу полного холопства»*. По этой же модели происходила сталинская индустриализация: экономическое развитие и усиление военной мощи СССР осуществлялись за счет подневольного труда заключенных, фактического закрепощения крестьянства и тотальной несвободы всего населения. Включение России в мировую экономику как производителя сырья в конце XX — начале XXI вв. стало одним из факторов *политической демодернизации* — становления хищнического авторитарного режима, основанного на присвоении сырьевой ренты, а также демодернизации социальной, усиливающей зависимость от власти основной части населения страны.

В чем же дело? В чем причина этого порочного круга: чем сильнее Россия стремится в Европу, тем негатив-

---

* *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга вторая. М.: Мысль, 1997. С. 542.

нее в конечном счете оказывается результат? С моей точки зрения, исторические сбои и срывы в процессе модернизации связаны с тем, что она очень мало затрагивала *доминирующий в России тип человека* и совсем не затрагивала *механизмы общественной интеграции и взаимоотношения общества и государства*. Между тем именно изменение общества и человека является центральным звеном, ядром процесса модернизации в Европе и Северной Америке. Становление общества, обладающего собственными, внутренними (отличными от государственных и не сводимых к ним) механизмами интеграции, и появление автономного типа личности в развитых странах были не столько результатом рыночных отношений, сколько условием успешного развития капитализма. Модернизация, несомненно, комплексный процесс, с разной скоростью развивающийся в различных сферах: экономической, технологической, социальной, культурной, политической. Однако именно в социокультурной сфере совершается (или не совершается) та решающая трансформация, которая делает необратимыми технологическую, экономическую и политическую модернизацию. Смысл этой трансформации заключается в становлении **«свободной социальности»**, по выражению российского социолога Б. В. Дубина; иначе говоря, *общества, где преобладают горизонтальные связи и отношения и где государство является «продолжением» общества и подотчетно ему*. С этой точки зрения, становление современного общества является важнейшей предпосылкой и содержанием всех остальных модернизаций.

Л. Д. Гудков подчеркивает, что модернизация — это «не просто множество отдельных инноваций в виде внедрения отдельных технологий, изменения инфраструктуры (аэропорты, телевидение, Интернет и т. д.) или даже развитие отдельных секторов экономики, а непрерывно

идущие процессы *структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем* и появление более сложных систем интеграции и обмена, коммуникации между отдельными подсистемами»*. Усложнение общества, его структурно-функциональная дифференциация предполагает формирование устойчивых механизмов саморегуляции, где государственная власть, действующая в рамках правовых институтов, является лишь одним, хотя и очень важным, из таких механизмов.

Понимаемая таким образом модернизация очевидно противоречит исторической традиции и доминирующему в России типу властных отношений (отношений господства), при котором именно власть всегда была центральным и единственным организующим общество фактором. По сути дела, общество всегда принимало у нас ту форму, которую устанавливала для него власть, как тесто принимает форму квашни, или же кристаллизовывалось вокруг «стержней», опущенных властью внутрь массы, которую вряд ли корректно называть «обществом». Возникла очень устойчивая, воспроизводящая себя в разные исторические периоды система отношений господства, основанная на практически неограниченном произволе и насилии со стороны власти, ее институтов и персонифицирующих ее групп. Эта система господства, основанная на голых, неинституционализированных властных отношениях, в течение российской истории неоднократно воссоздавалась после краха и распада государства, как это произошло, например, в начале и в конце XX в. Эта система постоянно воспроизводится и на микросоциальном уровне, где практически не существует иных систем регуляции,

---

* Гудков Л. Д. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 9.

кроме права сильного, ограниченного лишь правом более сильного.

Вектор изменений, произошедших в последнее двадцатилетие в России, представляется прямо *противоположным* потребностям модернизации в ее ключевом звене — взаимоотношениях государства и общества. Осуществленная путинским режимом последовательная *деинституционализация* политической сферы: фактическая отмена федеративного устройства, ликвидация партийной системы и замена ее имитационной, превращение выборов в игру с предсказуемым результатом, в ритуал «церемониальной аккламации власти» лишили общество каких-либо средств легального воздействия на власть. В результате подчинения всех электронных и большей части печатных СМИ государственному контролю, постоянно усиливающемуся давлению на неправительственные организации и частный бизнес (не только успешность, но даже выживание которого напрямую зависит от наличия влиятельных покровителей и акционеров в лице государственных чиновников), произошла практически полная ликвидация независимых от власти центров влияния и активности. Будучи способной взаимодействовать только с полнотью подконтрольными ей фикциями — парламента, партий, общественных и предпринимательских организаций, СМИ, — именно власть решающим образом деструктурирует общество, превращая его в аморфную массу и постоянно вытаптывая те слабые ростки самоорганизации, которые в нем появляются. «Обесценивание любых значений автономного от власти существования, любых социальных образований, не имеющих маркировки лояльности к власти»,* ведет к очевидному процессу демодернизации существенной части рос-

---

* Там же. С. 29.

сийского общества. Она выражается в восстановлении (регенерации) — на новом витке исторического развития — традиционной модели растворения общества в государстве и постоянном подавлении автономных форм социальной организации.

Эти процессы особенно усилились после 2014 г. Принятая в этом году в связи с аннексией Крыма и развязыванием войны в Восточной Украине милитаристская мобилизация населения России, создание образа страны как осажденной крепости, противостоящей практически всему миру, оказали существенное (хотя и постепенно ослабевающее) воздействие на значительную часть населения. Антизападный, в меньшей мере — антиевропейский дискурс официальной российской пропаганды, постоянно раздражающей имперский ресентимент и имперские фантомные боли, до сих пор успешно выполнял свою основную задачу — сплочение населения вокруг власти. Время покажет, является ли отмечаемое социологами в самое последнее время сокращение антизападных настроений долговременным фактором*.

Существует ли выход из этой ситуации? Происходит ли в социальной жизни России что-либо, способное в будущем разблокировать потенциал модернизации общества? Каковы возможные факторы и акторы, способные обеспечить выход из нынешнего «модернизационного тупика»?

Обсуждая эти возможности, необходимо, на мой взгляд, поставить несколько более общих, связанных с ними

---

* См.: Отношение россиян к Западу резко улучшилось // Левада-центр. 3.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/03/otnoshenie-rossiyan-k-zapadu-rezko-uluchshilos/>; дата обращения 10.09.2019.

вопросов. Насколько вероятно, во-первых, что *частичная* модернизация — экономическая, технологическая, управленческая — может быть успешной или даже необратимой при сохранении традиционного типа властных отношений? С одной стороны, необратимости такой, частичной модернизации, несомненно, противоречит *отсутствие механизмов защиты прав собственности*. Переход к рыночным отношениям был осуществлен в России без формирования необходимой для рынка институциональной среды, обеспечивающей гарантии частной собственности и ее функционирование по публичным, общепризнанным и единым для всех правилам. Собственность в России по-прежнему функционально связана с властью и зависит от нее, причем в путинскую эпоху эта зависимость существенно усилилась. Правовые механизмы защиты права собственности становятся все менее эффективными, причем на всех уровнях — от крупной собственности до собственности на квартиру, дачный участок, ларек, мелкую фирму и т. д. Суды продажны и/или находятся в полной зависимости от федеральных, региональных и местных властей; кроме того, принимаются законы, которые позволяют «изымать» для «государственных» и «социальных» нужд дома и земельные участки, находящиеся в собственности граждан. Отсутствие институциональных механизмов защиты частной собственности — это не случайность, не «пережиток прошлого» и не «временное отступление». Это сущностное отношение, лежащее в основе системы господства, — зависимость собственности от власти.

Вместе с тем изменения в экономике принесли то, чего не было в советской системе: право и возможность *выбора* для отдельного человека — выбора между государственными и частными фирмами и предприятиями, выбора внутри частного сектора. На капилляр-

ном уровне это не может не ослаблять, как мне кажется, традиционалистские модели поведения, основанные на господстве-подчинении. Боязнь потерять квалифицированного работника и ориентация на потребителя как условия экономического успеха подрывают основы вертикальной системы власти на микросоциальном уровне. Таким образом, рынок, каким бы убогим он ни был, вынужденно меняет основы поведения, размывая властный контроль в прежних формах. В этом смысле экономические изменения значимы с точки зрения модернизации общества и дифференциации его институтов. Очевидно, что отмеченные тенденции — ослабление институциональных механизмов защиты права собственности и эрозия традиционной модели господства на микроуровне — не только противоречат друг другу, но развиваются в разных плоскостях, что позволяет им сосуществовать.

Второй вопрос касается перспектив *очаговой* (анклавной) модернизации — модернизации, затрагивающей лишь небольшую часть населения и территории страны. Социально-экономические процессы последнего десятилетия ведут к ускоренной концентрации наиболее молодых, динамичных, образованных групп населения со средними и высокими доходами в столичных регионах (Москва и область, Санкт-Петербург и область), других городах-миллионниках, на юге страны и регионах добычи нефти и газа. Одновременно на обширных территориях Европейской России, Сибири и Дальнего Востока образуется *внутренняя периферия*, включающая не только село и малые города, но и такие некоторые областные центры, где в результате миграционного оттока концентрируется наименее мобильное, лишенное ресурсов, традиционалистски и патерналистски настроенное население. Именно эти слои являются основной электоральной базой путинского режима.

Вопрос заключается в том, смогут ли немногие возникшие в России полюса роста «вытянуть» со временем эту гигантскую внешнюю и внутреннюю периферию? Может ли очаговая модернизация начать со временем (в средне- и долгосрочной перспективе) расширять свой географический и социальный ареал, постепенно распространяясь на все общество? Или же, напротив, возникновение современных анклавов консервирует социальную и экономическую отсталость остального населения, преобладание на периферии традиционного типа власти и отношений господства?

Наиболее важным в этой связи мне представляется третий вопрос. Каково обратное воздействие традиционалистской периферии на современные анклавы? Могут ли модернизационные изменения носить устойчивый характер и в особенности вести к становлению дифференцированного общества и автономной личности в таких анклавах? Или же, бесконечно повторяя дурную отечественную закономерность, вестернизация потребления, образа жизни городских средних слоев сочетается с их адаптацией к начальственному произволу и самодурству? Феномен «офисного рабства» может, на мой взгляд, рассматриваться как свидетельство живучести традиционной модели господства в самом современном (технологически и организационно) секторе российской экономики: вместо самостоятельного среднего класса мы рискуем получить слой высокооплачиваемых рабов.

Все перечисленное (и многое другое) не дает, на мой взгляд, возможности говорить о том, что в нынешней России существуют *социально-экономические факторы*, которые однозначно работали бы на преодоление модернизационных барьеров. Все эти факторы, по меньшей мере, амбивалентны, способны как ускорить струк-

турно функциональную и институциональную дифференциацию в обществе, так и препятствовать ей. С моей точки зрения, сами по себе социально-экономические процессы не могут разрушить традиционную систему господства и вертикальные механизмы социальной интеграции, для этого необходимы осознанные усилия общества по трансформации институциональной структуры власти. Поэтому вопрос о перспективах модернизации в России — это, по сути дела, вопрос о том, *кто*, какие силы или акторы заинтересованы в такой трансформации и способны ее осуществить. Частью этой проблемы является вопрос о том, какой тип модернизации — «сверху» или «снизу» (или та или иная комбинация того и другого) — наиболее вероятен или предпочтителен в России.

Опыт последних двадцати лет, с моей точки зрения, достаточно убедительно свидетельствует о том, что ресурсы авторитарной модернизации сверху исчерпаны. Сложившийся в России авторитарный режим, использующий реставрацию традиционной системы власти и господства в собственных, в том числе экономических интересах, является главным фактором, блокирующим структурно-функциональную дифференциацию общества и, как уже говорилось, появление автономных центров активности и влияния в экономике, политике и социальной жизни. Вертикальная система власти, в которой только и может функционировать нынешний политический режим, воспроизводит и консервирует в качестве сущностного отношения две важнейшие характеристики традиционной российской системы, препятствующие модернизации общества.

Первая из них — это *неразделенность власти и собственности*, которая именно в годы путинского правления достигла невиданных ни в советский, ни даже в ель-

цинский период масштабов и глубины. В результате процессов перераспределения собственности (часто — прямого ее захвата) основная часть наиболее прибыльных экономических активов оказалась под контролем одной, крайне узкой группы людей, или непосредственно занимающих высшие государственные должности, или коротко с ними связанных. Доступ к собственности через власть является не только наиболее надежным, как и прежде, но теперь фактически единственным. Уход от власти в такой ситуации ведет к неизбежной утрате не только собственности, но и связанного с ней общественного статуса, а часто — личной безопасности и свободы. Институциональное разделение власти и собственности, без которого невозможно создание современного общества в России, означало бы разрушение основ той системы, на которой базируется личное благополучие правящих и господствующих групп нынешней России. Надежды на то, что именно *эта* власть, *этот* режим (или его производные), *эти* правящие группы, смогут, проникнувшись модернизационными настроениями, обеспечить гарантии частной собственности, конкуренции, свободы предпринимательства и т. п., предполагают веру в эффективность того способа, которым барону Мюнхгаузену удалось извлечь себя из болота.

Вторым важнейшим изъяном российского развития, препятствующим становлению механизмов горизонтальной интеграции общества, является крайняя *слабость публичного измерения государственной власти*. Государство, государственные институты у нас не имеют публичного, то есть отдельного от их носителей, обезличенного, обязательного для всех характера. Эта черта еще больше углубилась в годы путинского режима, когда в ходе последовательного процесса деинституционализации предельно обнажились реальные конструкции российской власти, ее *частная природа*. По существу,

государство как система публичных институтов в России не существует. На его месте возникла частная по своей природе корпорация, действующая под вывеской «Государство Российское». Приватизация государственных функций, превращение их в наиболее доходный товар произошли на всех уровнях от федерального до муниципального, и охватывают все государственные институты — от правоохранительных до органов социальной защиты. Любой раскол в правящих группах, в том числе в высшем эшелоне власти, в таких условиях происходит не в институциональных (партийных или фракционных) формах, а как противостояние кланов и клик внутри исполнительной власти. Лидеры противостоящих группировок заинтересованы в том, чтобы подчинить исполнительную власть своему личному контролю. Рассчитывать, что из такого раскола может вырасти потребность в государственно-правовой институционализации или тем более в подотчетности власти обществу, по-моему, мало реалистично.

Каковы перспективы *модернизации снизу*? Есть ли в обществе силы, заинтересованные в институциональном закреплении процессов социальной дифференциации и институциональной трансформации власти? Следует сразу сказать, что ситуация приватизированного государства, слабость институциональной структуры власти обуславливает и слабость мотивов и побуждений к коллективному действию: большинство россиян склонны решать свои проблемы с представителями власти неформальным способом и на неформальном уровне. Формирование социальных акторов, способных добиваться подотчетности государственной власти обществу, в таких условиях крайне затруднено. Тем более ценными и интересными, на мой взгляд, представляются те попытки коллективного действия и самоорганизации снизу, которые существуют и развиваются в России начиная с 2005 г.

Речь идет о многообразных протестных движениях и гражданских инициативах: движениях в защиту жилищных прав и экологической среды обитания, выступлениях против поборов со стороны власти и сращенного с ней бизнеса (система «Платон»), протестах против пыток и полицейского произвола. Новые социальные движения и ассоциации появляются в наиболее массовых слоях, среди людей, «чьи доходы позволяют им сводить концы с концами до тех пор, пока в их ситуации не случаются существенные перемены (внезапное лишение социальных гарантий, риск потерять свое жилье, свое малое предприятие и т. д.). Эти люди, ежедневно сталкивающиеся с социальными рисками, составляют большинство населения, по меньшей мере в больших и средних городах»*. Отстаивая свои непосредственные жизненные интересы от угроз, так или иначе связанных с властным произволом, эти люди защищают и свои **права**. Защищая свои права, участники этих движений в большинстве случаев апеллируют к закону, требуя от государства соблюдения им самим установленных правил и норм. Мне это представляется очень важным шагом вперед в становлении правовой культуры российского общества. Эти организации и объединения являются фактически единственными, кто отстаивает в России закон и право. Именно они утверждают в нашем обществе такие ценности, как «права граждан», «равенство всех перед законом», «достоинство», и все больше формулируют свои цели именно в этих терминах.

С моей точки зрения, становление современного, то есть структурированного на основе горизонтальных связей

---

* *Клеман К.* Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Vyzov_vlast_otnosch_Kleman.pdf; дата обращения 13.10.2019.

и взаимодействий, общества в России необходимо связано, наряду с другими факторами, с развитием именно низовых движений самозащиты, социального протеста и их неизбежной в условиях приватизированного государства политизацией. Без этого патерналистские тенденции «низов» будут постоянно и неизбежно смыкаться с авторитарными тенденциями власти и питать их, блокируя гражданские формы солидарности, разрушая политическую демократию и, соответственно, перспективы модернизации в России.

Россия и Европа в Средние века и Новое время: общие истоки формирования государства и общества

---

*Андреас Каппелер, доктор.
Бывший профессор Института истории
Восточной Европы в Венском университете (Австрия)
и Кёльнском университете (Германия)*

Знакомство России с государствами Европы в XVI в. и ее включение в общеевропейское коммуникационное пространство в XVII и XVIII вв.

La Russie est une puissance européenne («Россия есть европейская держава»), — провозгласила императрица Екатерина II в 1767 г. в своем важнейшем программном труде, так называемом «Наказе»*. Данное мнение импе-

---

* *Instruction donnée par Catherine II. Impératrice et Législatrice de Toutes les Russies, à la Commission établie par cette Souveraine...* [Инструкция, данная Екатериной II Императрицей и Самодержицей Всея Руси Комиссии, созданной Государыней] Lausanne, 1769. S. 3; ср.: *Katharinä der Zweiten Kaiserin und Gesetzgeberin von Russland Instruction für die zur Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetzbuch verordnete Comission* [Инструкция Екатерины Второй Императрицы и Самодержицы Всероссийской Комиссии по подготовке проекта нового Свода законов]. Riga, 1768. Автор приводит источники исключительно на немецком, английском

ратрицы, которая вела переписку с Вольтером и Дидро, а в качестве источников «Наказа» использовала работы Ш. де Монтескьё и Ч. Беккарии, разделяли и современники, причем как внутри страны, так и за ее пределами. Как минимум со времен Петра Великого Россия стала постоянной участницей европейской системы международных отношений и была тесно связана с остальными странами Европы в политике, экономике, культуре и науке. Понятие «Европа» для Екатерины здесь имело в первую очередь не географическое, а нормативное значение и подразумевало просвещенную, христианскую, превосходящую все прочие регионы мира цивилизацию.

Действительно: Россия была (и остается) европейской державой. Ее история преимущественно протекала в рамках истории Европы. Связи России со странами Центральной и Западной Европы были и остаются гораздо более интенсивными, чем с Азией. Поскольку Россия с исторической и культурной точек зрения находится в Европе, сама формулировка «Россия и Европа» является проблематичной и имеет смысл, только если и термин «Европа» используется в нормативном смысле.

В принципе, есть только один разумный аргумент в пользу того, чтобы не относить Россию преимущественно к Европе, — это физическая география. С данным аспектом связан вопрос о восточной границе Европы. Античные географы проводили границу Европы на востоке по реке Дон, а с XVIII в. восточной границей Европы считается Урал. Так как с XVII в. большая часть российского (а позже и советского) государства лежит к востоку от Урала, географически Россия является евр-

---

и французском языках и отказывается от ссылок на гораздо более многочисленные русскоязычные работы по данной теме.

азийской страной. Однако основной для России всегда являлась ее западная, Европейская часть, которая во все времена ориентировалась в первую очередь на остальные европейские государства.

Так было еще со времен Киевской Руси, включавшей в себя крупные части сегодняшней европейской территории России, Украины и Беларуси и принявшей в конце X в. христианство (православие), а с XI в. поддерживавшей династические и торговые связи со многими европейскими странами. Северные территории Руси, ставшие впоследствии Россией, в XIII в. были подчинены Золотой Ордой, государством-преемником Монгольской империи, и освободились от этого господства лишь в XV в. Это привело к изоляции России от прочих европейских государств. Единственным исключением была торговля Ганзейского союза с Новгородской республикой через Балтийское море.

В конце XV в. началось постепенное восстановление связей России с Центральной и Западной Европой: сначала в форме дипломатических отношений со Священной Римской империей, культурных связей с Италией и торговых — с Англией и Нидерландами*. В ходе Ливонской войны 1558–1582 гг. Московское государство распростра-

---

* Ср. также: *Groh D.* Russland im Bild Europas. 300 Jahre historische Perspektiven [Гро Д. Россия в представлениях Европы. 300 лет исторических перспектив]. Frankfurt a.M., 1988; *Aust M.* Russland und Europa in der Epoche des Zarenreiches (1547–1917) [Ауст М. Россия и Европа в эпоху Российской империи (1547–1917)] // <http://ieg-ego.eu/de/threads/europa-und-die-welt/wissenschaft/martin-aust-russland-und-europa-in-der-epoche-des-zarenreiches-1547-1917>; дата обращения 15.11.2018; *Kappeler A.* Russland und Europa — Russland in Europa [Каппелер А. Россия и Европа — Россия в Европе] // Europa als Weltregion. Zentrum, Modell oder Provinz? [Европа как регион мира. Центр, модель или провинция?] / hrsg. Th. Erndl et al. Wien, 2014. S. 96–110.

нило свои владения практически до Балтийского моря, однако завоеванные территории вскоре вновь были утрачены. Державы-победительницы — Речь Посполитая и Швеция — заняли в начале XVII в. значительные территории России и даже на короткое время возвели на русский престол свою креатуру. После военных походов Швеции и Тевтонского ордена в XIII в. это была вторая из еще многих угроз для существования России со стороны Запада, оставившая в коллективной памяти глубокий след. На катастрофу т. н. Смуты в начале XVII в. Россия отреагировала временным охлаждением к связям с остальными европейскими странами. Однако это не означало полного разрыва отношений. Так, по-прежнему продолжалась торговля с Англией и Нидерландами через основанный в 1584 г. порт Архангельск на Белом море*.

В Центральной и Западной Европе современная Россия до XV в. считалась преимущественно *terra incognita*** , и открыта она была лишь в XVI в. Тогда Россию называли *Московия*, в противоположность термину *Руссия*, обозначающему восточнославянские территории Речи Посполитой (сегодняшние Украина и Беларусь). Судя по географическим картам и аллегорическим изображениям тех времен, Московию, как правило, относили к Европе, хотя и располагали на северо-восточной окраине последней.

---

* Troebst S. Handelskontrolle — “Derivation” — Eindämmung: Schwedische Moskaupolitik 1617–1661 [Трост Ш. Контроль торговли — «Деривация» — Подавление: политика Швеции в отношении Москвы]. Wiesbaden, 1997.

** См. также: Russen und Russland aus deutscher Sicht [Русские и Россия с немецкой точки зрения] / hrsg. M. Keller, G. Koenen = Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew [Вуппертальский исследовательский проект под руководством Льва Копелева, посвященный «образу чужого» в германо-русской истории]. Reihe A. Bd. 1–5. München, 1985–2000.

Сигизмунд фон Герберштейн, автор напечатанной в Вене в 1549 г. первой крупной публикации о России, ничего не говорит относительно европейского статуса Московии*. Этот австрийский дипломат, дважды посетивший Россию, подробно описывает географию, историю, религию, традиции и обычаи вновь открытой страны, которая представляется ему неким чужим миром. Он старается сохранять объективность, но не скупится на критику, особенно в адрес московского образа государственного управления, практически неограниченной власти великого князя московского над своим, как он пишет, «рабским народом». Труд Герберштейна послужил источником для большинства последующих книг о России и надолго сформировал научный дискурс о России в Центральной Европе, представлявший Россию как своего варварского антипода**.

В том же XVI в. была заложена основа популярного образа России как врага. После Ливонской войны ливонцы и поляки распространяли на немецкоязычных территориях многочисленные листовки, в которых жестокость военных действий «московских нехристей» сравнивалась с турками, «заклятыми врагами западной цивилизации». Затем к ним добавились публикации с описанием ужасов правления «тирана» Ивана IV, получившего впоследствии прозвище Грозный***. Этот негативный образ ориентализированной и изолированной от Европы Рос-

---

* https://www.dokumente.ios-regensburg.de/publikationen/Herberstein_gesamt.pdf; *Herberstein S. Das alte Russland [Герберштейн С. Древняя Россия]. Zürich, 1984.*

** *Scheidegger G. Perveres Abendland — barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse [Шайдеггер Г. Извращенный Запад — варварская Россия. Контакты 16 и 17 вв. и культурные различия]. Zürich, 1993.*

*** *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes [Каннелер А. Иван Грозный в иностранной литературе*

сии использовался и в последующие столетия, когда того требовала политическая конъюнктура.

Сложнее дать описание раннего образа Европы, распространенного в России*. До VII в. практически отсутствуют какие-либо свидетельства русских путешественников или данные о популярных представлениях о Европе. В Средние века конфессиональные границы были доминирующими. Центральная и Западная Европа были олицетворением римско-католического христианства, которому с момента Великой схизмы 1054 г. противостояло христианство православное. Государство Московское считалось центром православного мира и, таким образом, стояло наравне с латинской Европой с императором во главе. Недоверие со стороны «Святой России» по отношению к «латинянам» оставалось некоей константой восприятия Запада Россией.

С конца XV в. русские дипломаты и редкие путешественники сообщали о своих впечатлениях о некоторых европейских странах, но понятие «Европа» массово встречается в русскоязычных источниках только с середины XVII в.** В это время началось интенсивное сближение

своего времени. К истории образа России на Западе]. Bern, Frankfurt a.M., 1972.

* См. также: *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht* [Немцы и Германия с русской точки зрения] / hrsg. D. Herrmann = Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder unter der Leitung von Lew Kopelew [Вуппертальский исследовательский проект под руководством Льва Копелева, посвященный «образу чужого» в германо-российской истории]. Reihe B. Bd. 1–4. München, 1988–2006.

** *Glebov S.* „Unser Europa“. Russen über Europa und Russlands Platz in ihm (1607–1920) [Глебов С. «Наша Европа». Русские о Европе и месте России в ней (1607–1920)] // *Jahrbuch für europäische Geschichte*. 5 (2004). S. 83–111; *Klug E.* „Europa“ und „europäisch“ im russischen Denken bis zum frühen 19. Jahrhundert [Клуг Э. «Европа» и «европейское» в русской мысли до начала XIX в.] // *Saeculum* 38 (1987). S. 193–224.

России с Западом. Петр Великий и Екатерина II продолжили и ускорили этот процесс. То есть так называемая европеизация России началась не с Петра Великого.

В течение XVII в. вновь консолидированное Московское государство было интегрировано в европейскую систему межгосударственных отношений и признано на международном уровне. Вестфальский мир 1648 г. фиксирует *Magnus dux Moscoviae* как союзника Швеции*. В своих дипломатических отношениях Россия придерживается правил общей международной практики и в этом принципиально не отличается от прочих европейских стран**.

Немецкая публицистика внимательно следила за событиями в России в XVII в., причем с середины века можно отметить увеличение объема информации о России в газетах. В основном внимание уделяется политическим и военным событиям, но публикуется также информация общего характера для широкой общественности***.

В то же время и в России становится доступна информация о событиях в остальных частях Европы, а также ведутся размышления о месте Московского государства среди христианских стран****. Помимо дипломатических

---

* Acta Pacis Westphalicae. Serie III: Protokolle, Verhandlungsakten, Diarien, Varia. Abt. B: Verhandlungsakten [Акты Вестфальского мира. Серия III: протоколы, документы слушаний переговоров, дневники, varia. Отдел B: Акты слушаний]. Bd. 1. Teil 1. Münster 1998, S. 158.

** Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and Culture of Diplomacy. [Хеннингс Й. Россия и придворная Европа. Ритуал и культура дипломатии]. Cambridge, 2016.

*** Welke M. Russland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689). [Велке М. Россия в немецкой публицистике XVII в. (1613–1689)]. Wiesbaden, 1976; Forschungen zur osteuropäischen Geschichte [Исследования по истории Восточной Европы]. Bd. 23.

**** Lasarewa A. Ein Reich in der Peripherie? Russische Europawahrnehmung im Kontext der Sicherheitspraxis des 17. Jahrhunderts

отчетов, оценкой западных газет занимались так называемые «Вести-Куранты». Их писали от руки для Посольского приказа, выполнявшего функции Министерства иностранных дел, и широкого распространения они не получали.* Первая печатная газета («Ведомости») вышла в России только в 1703 г.

С середины XVII в. политические, дипломатические, экономические, культурные и научные связи России с остальной Европой усиливаются. Налаживается регулярное почтовое сообщение, и впервые в большом количестве в Россию приезжают иностранцы. Как правило, их приглашает правительство в качестве специалистов для развития экономики, например производства и переработки металла, медицины, а также для проведения военных, административных и прочих реформ**.

Первой группой, сделавшей значительный вклад в европеизацию России, были ученые, призванные в Москву из Украины и Белоруссии. Как раз в сфере образования и науки различия России и Центральной и Западной

[Лазарева А. Империя на периферии? Восприятие Европы в России в контексте практики безопасности XVII в.] // Konstruktionen Europas in der Frühen Neuzeit. Geographische und historische Imaginationen [Конструкции Европы в раннее Новое время. Географические и исторические представления] / hrsg. S. Richter et al. Heidelberg, 2017. S. 59–76. Ср.: статью А. Лазаревой в данном сборнике.

* *Waugh D. C., Maier I.* How well was Muscovy Connected with the World? [Во Д., Майер И. Как Московия была связана с миром?] // Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive [Сравнение империй. Примеры и подходы с точки зрения Восточной Европы]. Festschrift für Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2009. S. 17–38, Forschungen zur osteuropäischen Geschichte [Исследования по истории Восточной Европы]. Bd. 75.

** *Amburger E.* Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert [Амбургер Э. Привлечение иностранных специалистов в российскую экономику в XV–XIX вв.]. Wiesbaden, 1968.

Европы были особенно велики. К середине XVII в. в России отсутствовала секуляризованная система образования, не было ни университетов, ни научной традиции, нерелигиозная литература не издавалась. Это придает особенное значение первой волне европеизации, пришедшей через Украину.

В то время как Россия была изолирована от Запада, южные и западные территории Руси, находившиеся с XIV в. под польско-литовским владычеством, интегрировались в европейское коммуникационное пространство. Городское право, немецкие и еврейские поселения, гуманизм, реформация и контрреформация дошли до Украины и Белоруссии, но едва затронули окраину Московской России. Православные украинцы, приезжавшие в Москву, были выпускниками основанной в 1632 г. Киево-Могилянской коллегии — первой высшей школы в восточнославянском мире, примером для которой служила система образования иезуитов. Приезд ученых в Москву стал более интенсивным после того, как Киев и Левобережная Украина были подчинены Москвой в 1654 г.*

Благодаря знанию иностранных языков, что было редкостью для России, они работали в первую очередь над проверкой церковнославянской литургии. Некоторые из них оставались в Москве. Симеон Полоцкий, бывший родом из белорусского Полоцка и также окончивший

---

* *Torke H.-J.* Moskau und sein Westen. Zur „Ruthenisierung“ der russischen Kultur [*Торке Х.-Й.* Москва и ее Запад. К вопросу о «рутенизации» русской культуры] // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte* [Берлинский альманах по истории Восточной Европы]. 1996. Heft 1. S. 101–120. Ср.: *Kappeler A.* Ungleiche Brüder. Russen und Ukrainer vom Mittelalter bis zur Gegenwart [*Каннелер А.* Неравные братья. Русские и украинцы от Средневековья до современности]. München 2017. S. 54–75.

Киевскую коллегию, стал воспитателем старших брата и сестры Петра I — Федора и Софьи. До 1687 г. эти ученые принимали активное участие в основании первого высшего учебного заведения России — Славяно-греко-латинской школы, которая, однако, так и не смогла сравняться по значению со своим украинским образцом. Тот факт, что в названии помимо церковнославянского и греческого фигурирует также название языка литургии еретиков-«латинян», был отчетливым свидетельством открытия России по отношению к Западу.

Петр Великий также понимал, что для его политики европеизации полезны будут не только специалисты из протестантских стран Северной, Центральной и Западной Европы, но и получившие православное образование украинцы. В первую очередь это касалось церковной реформы под руководством ученого Стефана Яворского. Позже он стал президентом Святейшего правительствующего синода, нового «церковного министерства». Выдающимся примером украинца, сделавшего карьеру в России, является Феофан Прокопович, бывший ректор Киевской академии (так с 1701 г. стала называться Киевская коллегия). Он был призван в Санкт-Петербург, где стал важнейшим советником Петра Великого. В многочисленных трудах он, обращаясь к западным идеям естественного права и раннего абсолютизма, обосновывал неограниченную власть правителя как в мирских, так и в духовных вопросах.

В XVIII в. примерно 60 % епископов Российской империи были родом из Украины или Белоруссии. Кроме того, бывшие студенты Киевской академии принимали участие в развитии российской системы образования, как, например, П. В. Завадовский, ставший в 1802 г. первым министром народного просвещения России. Сотни выпускников Киевской академии служили в системе госу-

дарственного управления, в дипломатическом ведомстве и в армии, были журналистами, писателями, переводчиками и учеными. Важен был вклад украинцев и при знакомстве России с западной музыкой*. Украинизация или, если учитывать и белорусов, рутенизация русской культуры во 2-й половине XVII и в начале XVIII вв. открыла изолированную ранее Россию западным влияниям, например идеям гуманизма и барокко. Таким образом, по словам Ханса-Йоахима Торке: «Россия впервые оказалась включена в общеевропейскую культурную эпоху... С полным правом можно утверждать, что Новое время как эпоха пришло в Россию благодаря русинам»**.

В течение XVIII в. стремительный взлет переживали система секуляризованного образования и культура, которые ориентировались на Центральную и Западную Европу и вначале формировались преимущественно силами иностранцев. На смену Киевской академии пришли Петербургская Академия наук и Московский университет, а русинов сменили немцы и другие иностранцы из Центральной и Западной Европы.

Я относительно подробно остановился на первой фазе европеизации России через Украину, поскольку она, как правило, известна меньше. Что же касается европеизации России при Петре Великом и его последовательницах — это является общеизвестной темой исторического образования, поэтому я ограничусь лишь краткими замечаниями***.

---

* *Saunders D. The Ukrainian Impact on Russian Culture 1750–1850 [Сондерс Д. Влияние Украины на культуру России в 1750–1850 гг.]. Edmonton, 1985.*

** *Torke. 1996. Anm. 16, S. 119.*

*** О фигуре Петра Великого: *Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peter des Großen in seiner Zeit [Виттрам Р. Петр I, царь и император. К истории Петра Великого в его время]. Bd. 1–2.*

С основанием нового столичного города Санкт-Петербурга и выходом к Балтийскому морю Петр Великий «прорубил окно в Европу», как в 1739 г. заметил Ф. Алгаротти и позже — А. С. Пушкин. Прибалтийские провинции с их центральноевропейскими структурами и образованной протестантской элитой стали важным двигателем европеизации. Символами такой переориентации и разрыва с традицией стали переход от византийского к юлианскому календарю, упразднение Московского Патриархата, прилюдное отрезание бород и внедрение одежды иностранного кроя для высших слоев населения. Кроме того, царь Петр и своим личным примером олицетворял европеизацию России. С молодости он окружил себя иностранцами, сближения с которыми он искал в московской Немецкой слободе. Он стал первым русским правителем, отправившимся в 1697–1698 гг. за границу, но не официально, а предположительно инкогнито. Позднее он женился на иностранке низшего сословия, которая после смерти Петра взшла на императорский трон как Екатерина I.

При Петре трансфер знаний, идей, институтов и людей в Россию ускорился. Многочисленные специалисты — часто протестанты из Германии, Нидерландов, Швеции, Великобритании и других стран — поступали на государственную службу и работали в администрации, армии, экономике, горнодобывающей промышленности, в системе науки и образования.

Постепенно русские все больше начали посещать другие европейские страны. Наконец, Россия окончательно вошла в европейскую систему международных отно-

---

Göttingen, 1964. Также: *Hughes L. Peter the Great and the West: New Perspectives* [Хьюз Л. Петр Великий и Запад: новые перспективы]. Basingstoke, 2001.

шений и начала заключать различные союзы*. Русские войска продвинулись до Центральной Европы, границы страны расширились на запад и к началу XIX в. достигли основных полюсов. Таким образом постоянно увеличивался процент нерусских и неправославных жителей России — католиков, протестантов и евреев.

В XVIII в. Романовы впервые заключили династические браки с иностранными, прежде всего немецкими правящими домами. Дочь Ивана, сводного брата Петра, Анна, выданная замуж за немецкого князя, став императрицей, окружила себя немецкими советниками. Петр III, хорошо относившийся к Пруссии, был сыном немецкого князя и дочери Петра Великого, а его супруга София Ангальт-Цербстская, взошедшая на трон как Екатерина II в 1762 г., была чистокровной немкой.

Административные, экономические, военные и образовательные реформы Петра I и Екатерины II ориентировались на западные модели. Среди российского дворянства получили распространение одежда по иностранному образцу, зарубежные формы этикета, стиль жизни и менталитет, а также французский и немецкий разговорные языки**. Это проявилось в многочисленных терминологических заимствованиях из немецкого и других языков, например: *берг-привилегия*, *бурмистр*, *камердинер*, *кунсткамера*, *регламент*. Трансфер знаний и культуры сначала проходил с запада на восток. Впрочем, такая избирательная европеизация, насаждавшаяся сверху и в принудительном порядке, в определенной мере оставалась

---

* *Le Donne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire 1650–1831 [Ле Донне Дж. П. Великая стратегия Российской империи в 1650–1831 гг.]. Oxford, 2004.*

** *Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture [Кракрафт Дж. Петровская революция в российской культуре]. Cambridge, Mass. u.a., 2004.*

поверхностной и затрагивала только высшие слои общества, а не основную массу преимущественно крестьянского населения страны. Большинство священников и часть дворян и купечества с самого начала противостояли ускоренной европеизации, но их сопротивление было сломлено насильственными методами.

В ходе сближения с Западом Россия окончательно стала воспринимать себя как европейскую страну. Для Петра Великого, его последователей и для имперской элиты было бесспорным фактом, что Россия, как было процитировано вначале, является европейской державой. Бок о бок с другими христианскими странами антитурецкой Священной лиги Россия сражалась с османами, чтобы изгнать их из Европы.

Укоренная европеизация при Петре Великом изменила и образ России на Западе. Теперь Россия стала практически единогласно восприниматься как часть Европы*. В многочисленных описаниях и на портретах царь Петр изображается как герой, новатор и реформатор России. Рестриктивная информационная политика российского государства также способствовала сохранению преимущественно положительного образа России. Для Г. В. Лейбница Россия была *tabula rasa*, страной будущего,

---

* *Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum* [Малиа М. Россия в глазах Запада: от Медного всадника до Мавзолея Ленина]. Cambridge, Mass. u.a., 1999; *Blome A. Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert* [Бломе А. Представления немцев о России в начале XVIII в.]. Wiesbaden, 2000, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* [Исследования по истории Восточной Европы]. Bd. 57; *Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle* [Лортолари А. Представления о России во Франции в XIII в.]. Paris, 1951; *Cross A. Peter the Great through British eyes: perceptions and representations of the Tsar since 1698* [Кросс Э. Петр Великий глазами британцев: восприятие и репрезентация царя после 1698 г.]. Cambridge, 2000.

хотя и отсталой, но именно поэтому открытой к коренным переменам и просветительским идеям. Похожую оценку можно найти у Вольтера, восхищавшегося Петром Великим и Екатериной II. В конце XVIII в. И. Г. Гердер охарактеризовал ученый дискурс о России, спросив: «К чему отнести Россию: к Европе или к Азии?», и ответил: «К обеим. Хотя большая часть ее территории находится в Азии, сердце ее лежит в Европе»*.

Наряду с растущим признанием России как европейской державы негативный образ страны подспудно сохранялся в форме страха перед могущественной и неизведанной Россией.

Вообще, отнесение к Европе не означало, что население России перестало восприниматься как варварское и отсталое. Изобретение Восточной Европы (с Россией в качестве основной части) и ее отграничение от Европы Западной произошли в рамках цивилизационного дискурса эпохи Просвещения**. Внешне это выразилось в повороте когнитивной географической карты на 90° градусов: прежде Россию называли страной на севере Европы, а Екатерину II — Семирамидой Севера, но в XIX в. Россия стала частью европейского Востока, противопоставлявшегося также только что изобретенной Запад-

---

* Europa und Russland. Zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses [Европа и Россия: к проблеме западноевропейского и русского самосознания] / hrsg. D. Tschizewskij, D. Groh. Darmstadt, 1959. S. 25.

** Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment [Вольф Л. Изобретение Восточной Европы. Карта цивилизации глазами эпохи Просвещения]. Stanford, Calif., 1994; Lemberg H. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom "Norden" zum "Osten" Europas [Лемберг Х. К истории понятия «Восточная Европа» в XIX в. От «Севера» до «Востока» Европы] // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas [Альманахи по истории Восточной Европы]. 33 (1985 г.). С. 48–91.

ной Европе. Идеология прогресса эпохи Просвещения объявила специфические особенности Запада нормой. Запад наделялся цивилизаторской миссией на востоке и ставил своей целью перенос собственных ценностей на весь остальной мир. Западный дискурс о России теперь ориентируется исключительно на нормативное понятие Европы. Западная Европа конституируется за счет отграничения от Востока, от России, от Балкан как от некой «Азии».

В XVIII в. недовольство таким асимметричным отношением к Западной и Центральной Европе проявилось в рядах российской дворянской интеллигенции. Здесь складывался образ прежнего русского национального сознания в противовес доминированию европейцев, прежде всего немцев, в российской политике и науке*. В связи с этим разгорелся так называемый спор о норманнской теории происхождения династии Рюриковичей. Находившиеся в России немцы отстаивали тезис о том, что так называемые варяги имели норманнское происхождение, а русские ученые, например М. В. Ломоносов, противопоставляли этому идею о русском происхождении династии. Тот факт, что основатели российского государства, давшие ему и его жителям имя Русь, были якобы «немцами», был раздражающим фактором для той части русского населения, которая обладала наиболее острым чувством национального самосознания.

Кроме того, насильственная европеизация России, Петр Великий и его реформы не пользовались популярностью в широких слоях населения, по-прежнему укорененного в традициях «Святой Руси». Это демонстрируют

---

* *Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia* [*Роггер Х. Национальное сознание в России XVIII в.*]. Cambridge, Mass., 1969.

народные легенды и слухи, встречающиеся в записях политической полиции, Преображенского приказа, где подобные настроения народа внимательно отслеживались. Царь Петр рассматривался как Антихрист на троне и порой даже считался нерусским: его якобы подменили еще ребенком во время пребывания за границей. Он *немец* (то есть немец или иностранец), исповедующий немецкую/иностранную веру*. Споры относительно оценки фигуры Петра Великого и форсированной европеизации страны ведутся в современной России до сих пор.

Подведем итоги

В XVI–XVIII вв. Россия все больше интегрировалась в европейское коммуникационное пространство. Эти связи продолжились и в XIX в. До Первой мировой войны Россия оставалась равноправным членом европейской системы международных отношений. Развивались экономические связи, продолжался трансфер идей и человеческого капитала, причем теперь все больше в направлении с востока на запад. Об этом свидетельствуют такие имена, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, П. И. Чайковский и М. П. Мусоргский, вошедшие в XIX в. в канон европейской литературы и музыки. Новые реформы по западному образцу осуществлялись с целью преодоления отсталости России по сравнению с Западной и Центральной Европой, чтобы сделать Россию силой, равнозначной прочим европейским государствам.

---

* *Kappeler A. Nationalismus im Vielvölkerreich Russland? [Kappeler A. Национализм в многонациональной Российской империи?] // Nationalismus in vorindustrieller Zeit [Национализм в доиндустриальную эпоху] / hrsg. O. Dann. München, 1986. S. 83–99, hier S. 90.*

Постоянно усиливающиеся связи России и Европы, с моей точки зрения, являются исторической константой, которая оформилась в конце XV в. и, несмотря на временное дистанцирование, сохраняется до сих пор. И ни временное отчуждение между СССР и Западом, ни сегодняшняя антизападная риторика Российской Федерации не могут принципиально изменить это.

Образцы взаимного амбивалентного восприятия, сформировавшиеся в раннее Новое время, действуют до сих пор. На Западе представления о варварской, отсталой, азиатской России вновь возникали в преддверии и в ходе Первой мировой войны, во времена национал-социализма и холодной войны. С другой стороны, наблюдались уважение перед могущественной империей на Востоке, противостоявшей революционным переменам или поддерживавшей их в советское время, и восхищение чужим православным миром, так называемой русской душой.

Можно проследить и обе линии восприятия Европы в России.

В XIX в. наиболее показательными в этом отношении были споры западников и славянофилов, марксистов и народников. Хотя одни ориентировались на Европу и добивались европеизации, а другие обращались к русской традиции, оба направления сходились в том, что Россия относится к Европе. Сохранился и вражеский образ агрессивного Запада, угрожающий независимости России. После шведско-«немецких» военных походов XIII в. и польско-шведской интервенции во время Смуты состоялся поход Наполеона в Россию, западные державы приняли участие в Крымской и в Первой мировой войнах, в интервенции Антанты во время Гражданской войны в России, а затем войну на уничтожение вела гит-

леровская Германия. И хотя в рамках панславизма были попытки представить образ евразийской России, дальнейшего распространения евразийство не получило.

Европейский дискурс в России и российский дискурс на Западе оказывали влияние друг на друга и нередко были прямо противоположны. При этом в обоих случаях речь идет преимущественно о дискурсах элит, в то время как для широких слоев населения образы России и Европы вплоть до XX в. оставались в тени.

*Арина Владимировна Лазарева, к. и. н.
Доцент кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова (Россия)*

Образ Германии в Московском государстве в первой половине XVII в.*

Первая половина XVII в. — «это эпоха кризиса и перелома в отношениях между Западной и Восточной Европой». К такому основополагающему заключению пришел в своей монографии «Тридцатилетняя война и вступление в нее Московского государства» один из крупнейших отечественных исследователей раннего Нового времени Б. Ф. Поршнев**. Идея, выдвинутая исследователем еще в конце 1970-х гг., представляется актуальной даже спустя почти полвека. Действительно, в первой половине XVII в. было нарушено традиционное равновесие в Европе: обострившаяся под влиянием «общего кризиса» XVII в. борьба за гегемонию в Европе достигла своего апогея в 1618–1648 гг. Ведущие европейские державы начали искать точки опоры и новых союзников, что в итоге окончательно разделило Европу в политическом смысле на два противостоящих блока — Габсбурги и антигабсбургские силы. Все это привело к становлению качественно нового уровня международных связей. «Традиционные

---

* Сокращенный вариант статьи опубликован в журнале «Родина»: Лазарева А. В. «И где ныне цесарь»? Что знали в Москве XVII в. о Священной Римской империи // Родина. № 2. 2015. С. 34–37. Настоящая статья представляет собой значительно переработанную и дополненную публикацию.

** Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Московского государства. М., 1976. С. 6.

связи не исчезли, но они стали частью более обширного целого, они под воздействием общеевропейской ситуации подверглись определенной перестройке, возникли иные соотношения сил, требовавшие принятия принципиально новых политических решений. Перестройка этой системы отношений связана с процессом активного вовлечения Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы в общеевропейское развитие»*. Важнейшим потенциальным партнером западноевропейским политикам в XVII в. начинает видеться Россия.

Несмотря на многообразие подходов к проблемам взаимоотношения России и Западной Европы, сегодня тот факт, что уже с конца XVI в. Россия постепенно, правда, крайне медленно, вовлекается в сферу западноевропейских интересов, не ставится под сомнение**. Первые

---

* *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 4.

** Здесь следует обратить особое внимание как на современные труды отечественных специалистов, например Б. Н. Флори [*Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010], так и на фундаментальные исследования зарубежных ученых, прежде всего немецкую историографическую традицию, заложенную в исследованиях Л. Копелева (*Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 11.–17. Jahrhundert* [Немцы и Германия с русской точки зрения XI–XVII вв]. München, 1988). Подробнее см.: *Herrmann D.* Russen und Russland aus deutscher Sicht 11.–17. Jahrhundert [*Херрманн Д.* Русские и Россия с немецкой точки зрения XI–XVII вв]. München, 1989; *Scheidt G.* Das Eigene im Bild vom Anderen: Quellenkritische Überlegungen zur russisch-abendländischen Begegnung im 16. und 17. Jahrhundert [*Шайдтеггер Г.* Свои черты в образе другого: критические размышления о контактах России и Запада в XVI–XVII вв.] // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [Альманахи по истории Восточной Европы]. 35 (1987). S. 339–355; *Roll Ch.* Hatten die Moskowiter einen Begriff vom Reich? Beobachtungen zu den Kenntnissen und Vorstellungen von der politischen Ordnung des Alten Reichs am vorpeterischen Zarenhof [*Ролл Ч.* Было ли у москвитов понятие империи? Наблюдения о знаниях и представлениях о политическом устройстве Священной Римской империи в допетровском Царском дворе] // *Imperium*

шаги в этом направлении происходили в экономической сфере: Европа торговала с Россией, продавая в русские города ткани, предметы роскоши, вино, оружие и получая взамен лес, хлеб и лен. На рубеже XVI–XVII вв. Россия постепенно выходит на европейскую арену, что выразилось в проявлении интереса не только к ближайшим соседям и оппонентам — Речи Посполитой и Швеции, — но и к тем странам, с которыми у России не было непосредственных границ. Самым интересным и притягательным партнером в этом контексте становится Священная Римская империя германской нации.

Интерес к Империи был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, выяснилось, что у России и Империи есть общий враг — Османская империя. Турецкая угроза была для России не столь очевидна, однако традиционный союзник османов — крымский хан — был одним из самых давних и значительных противников Москвы, так как он блокировал выход к Черному морю и разорял постоянными набегами южнорусские рубежи. Таким образом, еще с середины XVI в. и для императора (борьба с Османской империей принадлежала к традиционным направлениям внешней политики Габсбургов), и для России идея совместной борьбы с Турцией была привлекательна. Во-вторых, существовала еще одна причина русского интереса к Империи: император был единственным европейским монархом, который, по представлениям русских, был «равен» царю — титул императора был созвучен царскому титулу, а доктрина «Москва — Третий Рим» переплеталась с библейской легендой о Четырех царствах, широко используемой в Империи

Romanum — Irregulare Corpus — Teutscher Reichs-Staat: Das Alte Reich im Verständnis der Zeitgenossen und der Historiographie [Imperium Romanum — Irregulare Corpus — Teutscher Reichs-Staat: Священная Римская империя в восприятии современников и историографии] / hrsg. von Matthias Schnettger. Mainz, 2002. S. 135–165.

для идеологического обоснования различных политических претензий. Таким образом, крепкие политические связи с Империей считались в России, безусловно, важными уже с точки зрения престижа. Эти два обстоятельства привели к тому, что с XVII в. русские цари начинают обращаться к императорам, делая попытки привлечь Империю на свою сторону для решения непосредственных главных внешнеполитических задач, ведущими из которых были борьба за выход к Балтийскому морю и попытки объединения всех восточных славян под властью Москвы. В русском правительстве справедливо понимали, что Империя могла оказывать важное политическое воздействие на главных соперников России и в Восточной Европе — на могущественную Речь Посполитую, и в Балтийском регионе — на Швецию. Поэтому попытки завязать контакты с Империей были важным дипломатическим шагом для России. Таким образом, Россия именно через контакты с Империей, преследуя свои традиционные внешнеполитические интересы, вовлекается в клубок европейских противоречий и становится с XVII в. частью европейской политики.

Интерес к Империи как потенциальному союзнику постепенно стал одним из приоритетов царского двора. В русских источниках раннего Нового времени названия «Империя» и «Германия» были тождественно равны: это была земля, в которой живут немцы, официальные документы Посольского приказа называют Империю «Римскою или Немецкою». Поэтому, говоря о политических контактах с Империей возможно нарисовать общую картину представлений русских о Германии, об особенностях ее внутривнутриполитического уклада, ее внешнеполитического развития. На первый план, однако, должны выходить вопросы, связанные с политическим восприятием Германии в России. Это политическое восприятие обуславливало и тот образ Германии, который отразился

в русских источниках XVII в. Черты этого образа в последние века стали принадлежать к политическим стереотипам и установкам русских, что в дальнейшем часто обуславливало отношение к немцам в целом.

Откуда же русское правительство получало необходимые сведения о Священной Римской империи? Главными источниками были переводы западноевропейской прессы и донесения русских дипломатов и купцов, сообщавшие об их поездках. Современные исследователи установили, что «непериодические печатные брошюры, т. н. “реляции” (по-немецки *Relationen* или *Neue Zeitungen*), нерегулярно доходили до Москвы еще с середины XVI в., как показывают переводы того времени. Кажется, в XVI в. (и даже в XV в.) особенно большой популярностью пользовались тексты о природных катастрофах — землетрясениях и наводнениях»*. Постепенно в Москву начинают проникать иностранные газеты, в первую очередь немецкие и голландские, из которых для царя составлялись выжимки с описанием самых значимых европейских событий. Так зарождается традиция составления «Вестей-Курантов» (название «Куранты» происходит от употреблявшегося в иностранных заголовках термина *Couranten*, что с некоторыми оговорками можно переводить как «события») — первых газетных сводок, составляемых при царском дворе с начала XVII в. Путь иностранных вестей в Россию мог составлять от 150 до 50 дней**. По имеющимся данным, цари придавали полученной информации очень большое значение. От Посольского приказа требовали

---

* *Майер И.* Иностранные газеты в Московском государстве // Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1. М., 2008. С. 53–54.

** *Schibli R.* Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vestikuranty), 1600–1650 [*Шибли Р.* Переводы старейших русских газет (Вести-Куранты), 1600–1650]. München, 1986. S. 74–75.

незамедлительно перевести и переписать пришедшие новости из Европы^{*}. На протяжении всего XVII в. царь и бояре во многом выстраивали внешнеполитический курс, ориентируясь на данные, сообщаемые зарубежной прессой и иностранными корреспондентами. Это даже заставило императорского посла Августина Мейерберга в 1661–1662 гг. презрительно заметить, что «что наибольшая важность доказательств (на переговорах) зависит у них (у русских) только от известий, напечатанных в “еженедельных Меркуриях” прусаков и голландцев, занесенных в Москву, да еще в превратном виде, иноземными купцами; они слушают их точно ответы с треножника Дельфийского оракула»^{**}.

Безусловно, такое заявление ошибочно. «Вести-Куранты» были не единственным источником информации. Не меньшую, а, вероятно, бóльшую роль играли донесения русских дипломатов, отправлявшихся в различные страны. Эти донесения — статейные списки — оформлялись в виде отчетов после каждого посольства, подавались царю, а затем хранились в Посольском приказе. Каждое посольство было обязано собирать информацию о политическом раскладе сил в Европе. Так, например, отправляемому за границу послу в 1621 г. предписывалось узнать: «И как цесаря обрали на государство: всеми ли немецкими курфистрами и государствами, как бывало прежде, или же один папа и иные государи, которые римской веры. И где ныне цесарь и на цесарство коронуван ли и коронуван на королевство угорское ли, чешское ли, римское ли. И чего вперед меж цесаря и пальсграфа чаять, кто кому силен и кто будет сильнее или меж ими миру чаять. И кто ныне в угорской земле государем, и кому послушен, цесарю ли турецкому ли? И кому помо-

---

^{*} Ibid. S. 83.

^{**} Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. М., 2009. Ч. 2.

гают короли Англицкой и датцкой и свейской и поморские князи и голандские статьи. И что делается во французской земле, любят ли короля на государстве и которой веры король и мать его живет ли с ним на месте и нет ли во французской земле в людех и в вере розни. И где ныне Кундея князь, что стоял против короля и кому французский король помогает, цесарю ль или пальсграфу»*. Все сообщаемые данные в XVII в. начали разбивать на регионы, составляли в книги и хранили в специальных сундуках в Посольском приказе. О том, насколько обширными становятся связи с Европой в целом и с Германией в частности, сообщают следующие данные. Если в XV в. была составлена одна книга по связям с Империей, две книги по связям с Польшей, две по связям с Крымом, одна — по связям с Ногайской ордой, то уже в середине XVI в.: три книги по связям с Империей и Пруссией, три — с Польшей, три — с Ногайской ордой, девять — с Крымом, одна книга по связям с православными иерархами, одна — с Турцией. В начале XVII в. резко увеличивается и количество стран, с которыми у России складываются дипломатические отношения, и сами данные, получаемые от дипломатов. Десять 10 книг было составлено о взаимоотношениях с Империей и Пруссией, 24 — с Польшей, 10 — с Ногайской ордой, 21 — с Крымом, с Турцией — три, с православными иерархами — три, с Римом — три, с Персией — пять, со Швецией — семь, с Англией — две, с Данией — две, с Грузией — две**. Таким образом, видно, что не считая непосредственного соседа и оппонента в лице Польши, главное место среди европейских партнеров для России занимали Империя и гер-

---

* Отправление купца Московского, Немца Юрья Родионова в Германию, Францию и Англию, в 1621 г. // Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею (далее — ПДС). Т. 2: С 1594 по 1621 г. СПб., 1852. С. 702.

** История внешней политики России. Конец XV-XVII вв. М., 1999. С. 355.

манские государства — 10 книг во 2-й половине XVII в. Из приведенной статистики видно также, что связи с Империей из европейских государств были самыми продолжительными.

Всего в 1598–1654 гг. в Империю из России было послано пять посольств и гонцов. Вся тематика переговоров, среди которой важнейшую роль играли три главные темы — отношения с Польшей, отношения с Турцией, а со 2-й половины XVII в. отношения со Швецией — решения и задачи русского внешнеполитического курса в отношении Империи находились в прямой зависимости от тех представлений о «Германии», которые уже были сформированы или формировались при Русском дворе в XVII в. Необходимо обратить внимание на то, что политически Империя представлялась до начала Тридцатилетней войны потенциальным союзником России. Такое представление было связано с дружескими отношениями между Борисом Годуновым и императором Рудольфом II. Борис якобы хотел «послати к Цесарю на помочь против Турского рати своей десять тысяч стрельцов»*. Однако после прихода к власти императора Матиаса в 1612 г. отношение со стороны Империи изменилось: новый император поддерживал польские претензии на русский престол**. Тем не менее в России какое-то время игнорировали новую расстановку сил в Европе, опираясь на ставшие уже традиционными представления об Империи.

Первым вопросом, на котором следует остановиться в этой связи, является вопрос о географических границах

---

* Отчет посланника, думного дьяка Власьева о посольстве его к Императору Рудольфу II и к Эрцгерцогу Максимилиану / ПСД. Т. 2. С. 356.

** *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание... С. 22.

Империи и составляющих ее частях. Несмотря на то что первые самостоятельные русские карты появились в России лишь в XVIII в., география принадлежала к той области знаний, которую стремились развивать, что спровоцировало в эпоху научной революции настоящий поток переводной литературы по географии. Широкой популярностью в образованных и придворных кругах пользовались иностранные карты и атласы. В России были переведены сочинения Дж. Ботеро, А. Ортелия, Г. Меркатора, знаменитый атлас Я. Блау — то есть сочинения ведущих европейских географов раннего Нового времени. Особой популярностью пользовались космографии — описания и изображения всего света, всех стран мира, всех земель и рек, островов и омывающего их океана*. Географические издания составляли «необходимую принадлежность дворцов и домов частных людей; так, например, у крупнейшего церковного иерарха России XVII в. патриарха Никона в описи его библиотеки значатся “270 фряжских листов”, среди которых несколько космографий**». Географические труды помогали упорядочить картину мира и понять место той или иной страны в нем. Осо-

---

* Подробнее см.: *Kosta P. Eine russische Kosmographie aus dem XVII. Jahrhundert* [*Коста П. Русская космография XVII в.*]. München, 1982. Ср.: *Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старого карт. М., 1985; Суперанская А. В. Географические представления по данным топонимики, Космография XVII в. // Вопросы географии: Топонимика на службе географии. 112 (1979). С. 172–184; Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVII вв. М., 1992; Roll Ch. Die kartographische Aneignung der septentrionalischen Länder und die Erfindung Osteuropas [*Ролл Ч. Картографическое освоение отдельных стран и изобретение Восточной Европы*] // Aufsicht — Ansicht — Einsicht: Neue Perspektiven auf die Kartographie an der Schwelle zur Frühen Neuzeit [Осмотр — Наблюдение — Познание: новые перспективы картографии на пороге раннего Нового времени] / hrsg. von Tanja Michalsky, Felicitas Schmieder und Gisela Engel, Frankfurter Wissenschaftliche Beiträge, Bd. 3. Berlin, 2009, S. 161–178.*

** *Борисовская Н. А. Указ. соч. С. 183.*

знание важности получения географических сведений подчеркивает то, что расширение этих данных входило в обязанности Посольского приказа, а переводами занимались лучшие переводчики. С их помощью русские политики составили свою специфическую мировую иерархию, которая сочетала в себе религиозные представления с конкретными географическими данными. Эти представления накладывали сильный отпечаток уже на саму организацию посольства, потому что страны ранжировались на главные и второстепенные. Посольства в ведущие страны всегда требовали больше затрат не только из-за географической удаленности, а скорее из-за того, что русские послы должны были произвести там лучшее впечатление. Империя, безусловно, принадлежала к главным странам. В русском переводе космографии 1670 г., в которой собраны главные географические представления из разных эпох и стран, об Империи сказано следующее: «Германия сииречь немецкое королевство, все земли, которые немецким языком говорят, Германию именуют. А та германия много господарствъ и уделов и князствъ славных и сильных содержит в себе. И имеют свою широту от моря немецкогои венецицкаго до гор великих алпес именованных»*.

Маршруты, выбираемые русскими дипломатами на пути в Империю, могли складываться двумя основными путями — морским: из Москвы через Вологду в Архангельск, оттуда на корабле в Гамбург, далее в Любек — Магдебург — Лейпциг — Дрезден — Регенсбург, откуда по Дунаю плыли до Линца или дальше в Вену; и сухопутным — из Москвы в Смоленск, оттуда в Вильно, Краков, Варшаву, Прагу, Линц и Вену**. Выбор пути, безусловно,

---

* Козмография // *Kosta P.* Op. cit. S. 181.

** См., напр.: Отчет посланника, думного дьяка Власьева... С. 335–387; Статейный список 1614 г. о посольстве Ушакова и За-

зависел от политической ситуации, поэтому морской путь — гораздо более долгий — являлся единственно возможным в 1-й половине XVII в., когда Польша не пропускала русские посольства по своим землям. Второй же путь стал возможен только после удачной русско-польской войны 1654–1667 гг. Стоит упомянуть, что дорога могла занимать несколько месяцев; так, например, если сосчитать, сколько шло русское посольство с объявлением о воцарении Михаила Романова до императора, то получится, что только путь из Москвы до Гамбурга составил два месяца, по немецким княжествам послы продвигались еще почти полтора месяца, пока не дошли до Линца*.

Анализ статейных списков показывает динамику расширения географических знаний русских об Империи и немецких землях. Если в первых посольствах среди крупных немецких городов фигурируют Гамбург, Любек, Магдебург, Лейпциг, Дрезден и Регенсбург, то к концу века наряду с этими городами упоминаются Гейдельберг, Брауншвейг, Мюнхен, Берлин, Нюрнберг, Вюртемберг, Франкфурт-на-Майне. Увеличивается и количество князей и курфюрстов, о которых послы или слышали, или лично с ними сталкивались. Ко 2-й половине XVII в. в России давно знали курфюрстов Бранденбургского и Саксонского, со времен Тридцатилетней войны — курфюрста и пфальцграфа Рейнского, известны были земли церковных иерархов архиепископа Бременского, Кёльнского, Майнцкого, герцога Вюртембергского. Но несмотря на знание о территориях, русские послы достаточно смутно представляли себе протяженность земель тех или

боровского // ПСД. Т. 2. С. 531–541; Отчет Ивана Фомина о посольстве, писанный в 1617 г. // ПСД. Т. 2. С. 588–626.

* Статейный список 1614 г. о посольстве Ушакова и Заборовского... С. 531–541.

иных владельцев, плохо, а иногда и совсем не знали, кто с кем граничит. Об этом свидетельствует, в частности, просьба, обращенная в 1614 г. к властям Любека «проводить послов и дать им прокорму до самой Цесаревой границы», на что в Любеке ответили: «им того учинить невозможно, для того, что до цесаревы границы многие курфистры и удельные князи и города вольные и им через те города провожать их не мочно»*.

Географические представления русских во многом расширились за счет переводной периодики. Начиная с 1645 г. в сводках новостей все время звучат Мюнстер и Оснабрюк. Благодаря «Вестям-Курантам» в Москве знали и о других городах, в частности есть несколько записей, рассказывающих даже о событиях в таких маленьких городках, как Марбург. Так, в марте 1620 г. царю рассказывали, что «В Марбурге два духовных чину засажены, называются пророци, а говорят, что они посланы проповедати покаяние и что будет единая вера, и что турки и жида обратятся в христианскую ж веру, только будет наперед страшная война и голод и мор, то исход нечестивым будет которых есть с две трети вселенные, а учение и житие их что безверников»**. В итоге среди достаточно известных регионов находились торговые города севера Германии, Бранденбург, Брауншвейг, Саксония, Пфальц, Гессен. Гораздо меньше знаний было о южногерманских регионах.

Вторым вопросом, который формировал представления о Германии, является вопрос о происходивших в немецких княжествах событиях. Здесь на первый план выходят новости, доставляемые из-за границы. Даже в 1-е десятилетие XVII в. — времени Смуты,

---

* Там же. С. 533.

** Вести-Куранты. 1600-1639 гг. М., 1972. С. 33.

династического кризиса, голода, народных выступлений — царь и бояре следили за тем, что происходит в Германии. Об этом свидетельствуют архивные документы, в которых, например, в записях за 1600 г. рассказывается, что в немецких княжествах начал дорожать хлеб, и города из-за этого «в великом страховане стоят, а покупают хлеба четвертину по 12 карлусовых золотых и хлебу цены прибудет»*. С началом Тридцатилетней войны, русские постоянно следили за ее событиями, даже не принимая активного участия в европейской политике, двор Михаила Романова был в курсе многих событий. Царя интересовала роль религиозного фактора для начала Тридцатилетней войны, при этом Михаил пытался скорее связать причины войны с общей борьбой за власть в империи, нежели с религиозной рознью: «За что у цесаря с пальсграфом ренский война, чего пальсграф хочет, королем ли чешским быть или цесарства хочет и кто ему помогает»**. В Москве с ужасом читали о военных реалиях: «Что за беду и злую нужду и великое престрашное и нужное пребывание мы от Валенстейнского собрание видим того немочно ни пером описати или языком изрещи. Многие ратные люди в полках гладом помирают а они тому помочи не могут»***, «Баиерские люди испроторились, испроелись. В окольные деревни поставлены грабят и разбивают что им попадетсся, т. к. не сполна им платеж давали и король велел сыскат и велел пяти начальников повешати и хочет король сам в поле ехать да расспрашивать последнего солдата сполна ли ему его платеж идет и будет приказных, которых воровство откроется и тем быть повешенными»****. Постепенно все

---

* Там же. С. 24.

** Отправление купца Московского, Немца Юрья Родионова в Германию, Францию и Англию, в 1621 г... С. 702.

*** Вести-Куранты. 1600-1639 гг. С. 83.

**** Там же. С. 39.

чаще стали поступать данные о раскладе сил, о военных союзах: «Цесарев воевода Тили поволит солдатам своим места разоряти и шарпати и позорит и над теми людьми много наругались и курфюрст Саксонский все то видел и терпел, а ныне и сам вооружился и с евангельскими в союзе»*. О расстановке политических сил и о противниках императора повествовала так называемая «молитва некоторого баиерландского езовитского попа», в которой перечислялись все враги Империи: «Смилуйся высокохвальная и славная Дева Мария, помилуй нас от искони вечного турецкого недруга и от свейского чорта и от его финских и лопарских людей от того страшного мучителя и чорнокнижников, которые летают что стрелы из лука и от кровопивцев от Статов Голланских и от ирлянских и шкотских и от английских морских змеи да и ото всех люторских нищих князей»**.

Много подробных сообщений сохранилось про осады городов, и, конечно, как и вся Европа, Москва прекрасно представляла себе осаду Магдебурга, про который писали, что город «подобен каменной куче»***. С 1645 г. царский двор напряженно следил за началом мирных переговоров. Новости из Мюнстера и Оснабрюка преваляли над всеми остальными европейскими новостями. Фактически сразу после подписания мира, в конце октября 1648 г., царю читали: «Мировой договор учинен меж цесаревыми и французскими и свейскими послы и всеми курфирсты и настоятелями и тот договор подписали и печати свои приложили. И мир объявили и учили по барабанам бить и по монастырям в колокола звонить и из наряду стрелять и молебен петь и Бога хвалить, чтоб Господь Бог отец дал и в остальном доб-

---

* Там же. С. 143.

** Там же. С. 227.

*** Там же. С. 140.

рое и счастливое совершение для любительного сына своего Иисуса Христа»*. Кроме этого, русские архивные документы содержат полный текст мирных договоров в Оснабрюке и Мюнстере, которые были переведены на русский язык. Важное место в новостях занимало послевоенное устройство империи, однако здесь новости носили больше общий характер.

Во второй половине XVII в. новости продолжают рассказывать о крупнейших политических событиях, в которых участвовали германские земли. Например, в 1660 г. появляется сообщение о начале войны за Пфальцское наследство: «А французское воиско стоит в Эльзасе двадцать шквадронных конных и пеших и говорят, что им иди в Цесарскую землю только ожидают ответу от послов из Вены курфюрста Келенского и Менческаго»**. В 60–70 гг. XVII в. основные события, связанные с именем императора, разворачиваются в контексте турецкой угрозы. Этих сообщений очень много, они крайне подробны. Примечательно, что в это время все чаще в новостях звучат имена немецких курфюрстов, которые активно проводят свою внешнюю политику: «Ссоры меж объма курюирстами Геиделберскимъ и Меинским також меж иными князями над Реною дале и паче распространяютца и чаять что меж ими к такому розрыву придетъ что иные чюжие гсдри к тому пристануть»***. Частыми становятся новости про курфюрста Бранденбургского, который, пожалуй, с этого времени начинает занимать важное положение в российской внешней политике из-за войны с Польшей и Швецией.

---

* Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М., 1983. С. 65.

** Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996. С. 75.

*** Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг... С. 131.

Наряду с политическими новостями большой интерес в Москве вызывало все, что связано с повседневным бытом императора, его приближенных и курфюрстов. Возвращавшиеся в Москву послы подробнейшим образом описывали дворцы знати и те дворы, на которых должны были жить сами. Очень подробно рассказывалось о повседневной жизни императора. Например, в 1658 г. вернувшиеся послы рассказывали о въезде в Линц императора Леопольда: «Перед ним ехали рейтары шесть рот, да вели 23 лошади простых его и дяди его Леопольдуса, да затем ехали дворян его человек сто, а цесарь ехал верхом; платье на нем суконное дымчатый цвет, шляпа на главе серая, с пером белым; около его ехали ближние люди, а перед ним дядя его Леопольдус, да около ж его шли пешие люди без ружья, да за ним его ближних людей карет двадцать. А как он пришел к городу за версту, и на поле стрельба была из мелкого ружья да подле города на горе с башен выстрелили из большого наряду. А как пришел в город свой, из большого наряду и из мелкого ружья выстрелили трижды. А в городе мещане перед его цесарским двором на площади устроили ворота на честь ему, цесарю, золотым выписаны, а на столбах вырезано и вызолочено персоны прежних бывших арцухов и бискупов Леопольдов, а на воротах орел двоеглавый с коруною, да посторонь особо на столе устроили вызолотя на коне персону царя Александра Македонского*». Вести, приходившие из Германии, повествовали и о повседневной жизни князей и курфюрстов. Русские знали, что в Европе в это время большой популярностью пользовался театр («тешились тешью, которая слывет комедией»**), что любили во время и после еды слушать музыку («тут при столе вся-

---

* Статейный список Лихарева и Пескова (1658–1660) // ПСД. Т. 3. С. 979.

** Вести-Куранты. 1648–1650 гг... С. 185.

кие музыки были»*) и любили танцевать («После ужина пошли все в большую палату и учили танец водить»**). Таким образом, знания в Москве о происходящем в Германии были вполне достаточны для того, чтобы составить себе ясную картину о жизни германских земель.

Несмотря на все собранные сведения о географии и событиях, происходящих в Империи, представления о политическом укладе германских государств, о взаимоотношениях императора и курфюрстов были весьма специфическими. Русские относились с огромной щепетильностью ко всему, что каким-либо образом было связано с фигурой императора, могло задеть его честь, поэтому в двусторонних отношениях огромную роль играли этикет и церемониал. По существующей в европейском дипломатическом этикете традиции титул императора при каждом упоминании в грамотах прописывался полностью***. Для подчеркивания значения двусторонних контактов к императору всегда посылали подарки, хотя такой обязательной традиции не было в европейском дипломатическом этикете, скорее это соответствовало восточным образцам. Обычно посылали меха — чаще всего соболей, реже лисиц, горностаев и белок. В ответ, как правило, получали золотую и серебряную посуду. Интересно отметить, что желание произвести хорошее впечатление в России доходило до того, что при проезде имперских посланников даже по отдаленным от Москвы городам воеводам предписывалось «едучи дорогою наперед себя посылати им по дороге детей боярских и розсылщиков, которые едут с приставом, чтоб

---

* Вести-Куранты. 1600–1639 гг... С. 54.

** Там же.

*** На языке даров. Правила символической связи в Европе: 1000–1700 гг. / Под ред. Г. Альтоффа и М. Бойцова. М., 2016. Ср.: Komter A. E. *Social Solidarity and the Gift* [Комтер А. Е. Социальная солидарность и дары]. Cambridge, 2005.

на дороге нищих и больных не было, куды гонцу ехать; а будет где на дороге больной и нищий и тех в те поры влети ссылати в сторону»*, а на улицы — сгонять людей, одетых «чисто и урядно»**. Настолько почтительное отношение к императору было вызвано в первую очередь спецификой русских представлений о верховной власти.

Еще при Иване Грозном впервые в официальной титулатуре русских монархов стал употребляться сам термин «царь», происходивший от цесарь, цесарь, лат. *caesar*, др.-греч. καῖσαρ). До этого времени их называли лишь «великий князь». Широко известно, что принятие царского титула должно было уравнивать московских князей именно с римскими императорами. На повышение статуса московского княжеского дома была направлена и политическая доктрина, появившаяся еще в XV в., провозгласившая Москву Третьим Римом. Согласно этой философии, «все христианские царства сошлись в Московское», «что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»***. Для русского религиозного сознания, при-

---

* Распоряжение о встрече цесарского посла Логау (1604) / ПСД. Т. 2. С. 411.

** Там же. С. 420.

*** Подробнее см.: *Синицина Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. Ср.: *Halperin Ch. J.* Kiev and Moskow: An Aspekt of Early Muscovite Thought [Гальперин Ч. Я. Киев и Москва: аспекты ранней московитской мысли] // *Russian History* [Русская история] / *Histoire russe* 7 (1980). S. 312–321; *Nitsche P.* Moskau — das dritte Rom? [Ницше П. Москва — Третий Рим?] // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht* [История в науке и преподавании] (1991), S. 42; *Roll Ch.* Politisches Kalkül und diplomatische Praxis. Zu den Verträgen und Vertragsverhandlungen zwischen Zar und Kaiser im 16. und 17. Jahrhundert [Ролл Ч. Политическое исчисление и дипломатическая практика. О договорах и переговорах между царем и императором в XVI и XVII вв.] // *Kalkül — Transfer — Symbol: Europäische Friedensverträge der Vormoderne* [Исчисление — Расчёты — Символы: европейские мирные договоры о Вормодерне]. Mainz, 2006; *Roll Ch.* Drittes Rom

выкшего сверять свои мысли и поступки с авторитетом истинной веры, нерушимым оплотом почитался второй Рим — Константинополь. Падение этого оплота, сначала духовное, вследствие согласия греческих иерархов на Флорентийском соборе 1439 г. на унию с католической церковью, а затем и политическое — захват города турками в 1453 г. — было равносильно вселенской катастрофе. Москва, одержавшая в недавнем прошлом победу над «неверными», выступившая собирательницей русских земель и защитницей всех православных народов, предстала как вполне достойная восприемница второго Рима — Константинополя. В русском сознании царь наследовал Константинополю, в то время как Германская империя была наследницей Рима. В этом смысле император являлся единственным достойным царя монархом Европы.

Даже лингвистические особенности сочинений, оставшихся от раннего Нового времени, описывают русских царей и императоров в схожих выражениях. Так, например, фактически идентичны описания посольских приемов. Русские послы, повествовавшие об увиденном, все время старались вписать его в традиционные рамки восприятия царского двора, не стремясь выйти за их границы. Из описания приема имперского посла Г. фон Логау Борисом Годуновым: «А государь (и его сын) сидели в золотой полате на своих царских местах в смирных в бархатных в глатких шубах и в черных шапках. А при государе сидели бояре и дворяне в опашнях и в однарядках смирных в вишневых и багровых и в чер-

---

[Ролл Ч. Третий Рим] // Europäische Erinnerungsorte 2: Das Haus Europa [Европейский мемориал 2: Дом Европа] / hg. v. P. den Boer, H. Duchhardt, G. Kreis, W. Schmale. Berlin, 2012. S. 291–298; *Бойцов М. А.* «Центры» и «периферии» как субъективные переживания исследователей и исследуемых // Центры и периферии европейского мироустройства. М., 2014. С. 50–83.

ных шапках. А рынды при государе стояли по правую сторону, а по левую сторону стояли в смирном же платье в приволочках бархатных в вишневых и черных шапках и в золотых чепях»*. Из описания приема у императора русских послов И. П. Михайлова и И. И. Баклановского: «(На императоре) платье Немецкое, долгое, сукно черное. А сидел в креслах, а кресла и стены в палате обиты, и пол услан сукном черным. А при цесаре стояли по правой руке дворецкий и комнатный боярин (и еще высшее дворянство, 3 человека), а по левой руке — думной канцлер и вольной господин»**. Существовали и схожие формулы для рассказов о несчастьях, постигших императорский и царский дома: «Его цесарское величество о смертном преставлении жены своей от сердешной кручины не ест и не пьет и не мочно его от той кручины ничем утешить»***. «Великий государь наш, Борис Федорович, по великой государыне нашей ныне в великой жалобе и сетовании»****.

Самой большой дипломатической обидой и неудачей считалось, если при дворе императора не оказывали тех почестей при упоминании русского царя, которые ожидалось. Среди обязательного протокола, который необходимо было соблюдать, значилось: император обязан спросить о здоровье царя, при этом встать, посла император должен отпустить обратно только лично, пере-

---

* Распоряжение о встрече цесарского посла Логау (1604)... С. 422. Подробнее о посольских обычаях: *Юзефович Л. А.* Путь посла: Русский посольский обычай XV–XVIII веков. СПб., 2011; *Schweiger H. Schenken: Entwurf einer sozialen Morphologie aus Perspektive der Kommunikationstheorie [Швайгер Х. Дары: Эскиз социальной морфологии с точки зрения теории коммуникации].* Konstanz, 2011.

** Статейный список посланников Баклановского и Михайлова (1654) // ПСД. Т. 3. С. 108.

*** Вести-Куранты. 1648–1650 гг. С. 54.

**** Распоряжение о встрече цесарского посла Логау (1604)... С. 421.

дав ему грамоту для царя. Несоблюдение этих жестких правил могло привести просто к срыву переговоров. Из неудачных русских миссий, которые были сорваны из-за нарушения правил церемониала, на первое место выходит посольство гонца Ивана Фомина, отправленное к императору в 1614 г. Фомин должен был взять на себя сложную миссию: как-то урегулировать вопрос об избрании Михаила Романова после неудачного посольства 1613 г. В грамоте от царя к императору объяснялась ситуация с избранием Владислава русским царем и порицались действия послов, которые изначально не объяснили ситуацию императору. При упоминании имени царя Матиас лишь дотронулся до шляпы, не сняв ее, и не встал. В ответ на это Фомин отвесил императору очень неглубокий поклон и сказал, чтоб император вставал, когда упоминают царя. После этого Фомина вывели из дворца и приставили стражу. Император после этого инцидента «не давал гонцу отпуска», не звал к себе в течение полутора лет. Лишь в 1616 г. Матиас написал ответную грамоту Михаилу, но не обозначил в ней полного титула царя. Такую грамоту Фомин не взял и уехал обратно без нее в 1617 г. (Правда, стоит заметить, что так долго Фомина держали в Вене в основном из-за того, что император хотел дождаться, чем закончится русско-польский конфликт, но нарушение этикета и попытка отстоять честь царя, безусловно, формально были удобным предлогом для столь длительного удерживания гонца)*.

Для укрепления династических контактов между Россией и Империей, а также в качестве демонстрации равенства значимости царя и императора российская сторона была готова пойти на заключение брака с домом Габсбургов. Эта идея не была чужда и некоторым имперским

---

* Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание... С. 25–27.

сановникам, например кардиналу Мельхиору Клезлю*. Впервые эта идея появилась у Бориса Годунова. Москва предлагала брак между его дочерью Ксенией и братом Рудольфа II эрцгерцогом Максимилианом. Чтобы заинтересовать Империю, русские послы должны были говорить, что в случае смерти царя русский престол перейдет к Ксении и Максимилиану**. Однако переговоры закончились неудачно. Позже идея брака прозвучала в 1614 г., когда Клезль, без ведома императора, спрашивал русского посла Фомина, «не хочет ли царь у цесаря жениться»***. В 1621 г. из Москвы в Германию был отправлен урожденный немец купец Юрий Родионов****. Цель поездки заключалась в поисках жены для Михаила. Родионову было велено говорить, что «слышал доподлинно, что государь хочет жениться у Немецких государей. А ныне в Московском государстве тишина и покой со всех сторон»*****. Однако из этой идеи ничего не вышло ни в 1614-м, ни в 1621 г. По мнению Родионова, которое он составил по итогам поездки, «никоторый государь дочь свою, или сестру, или племянницу в такую дальнюю землю не отпустит»*****.

Таким образом (и это следует подчеркнуть), практически до 70-х гг. XVII в. русские политики однозначно считали императора единственной значимой политической фигурой в Германии. Из всех германских земель политические контакты пытались установить только с импе-

---

* *Leitsch W.* Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jh. [*Лайч В.* Москва и политика Имперского двора в XVII в.] Teil 1. 1604–1654. Graz, 1960. S. 70.

** История внешней политики... С. 198.

*** Отчет Ивана Фомина о посольстве, писанный в 1617 г. / ПСД. Т. 2. С. 597.

**** Отправление купца Московского, Немца Юрья Родионова в Германию... С. 697–715.

***** Там же. С. 699.

***** Там же. С. 706.

ратором, потому что исходили из того, что курфюрсты и князья не могут без императора вести самостоятельную политическую линию. На отношение и восприятие курфюрстов и князей опять накладывались русские реалии и представления о том, как могут складываться взаимоотношения царя и подданных. Ко всему прочему сюда добавлялись трудности перевода, поскольку в русском языке не было адекватной замены термину «курфюрст»*. Однако главная трудность заключалась в традиции взаимоотношений царя и его подданных, которая полностью проецировалась на отношения в империи. В России взаимоотношения царя и подданных строились на основе своеобразной модели, окончательно сформировавшейся в период правления Ивана Грозного, то есть в середине XVI в. Иван Грозный впервые в русской истории сформулировал доктрину, что все подданные — это «холопы государевы», которых он волен казнить, или миловать**. Удельные князья, боярская аристократия — все находились в прямой зависимости от воли царя. Он мог в любой момент отобрать их вотчины, сослать в ссылку или же просто лишить жизни. Подобная установка возносила русского царя надо всеми. Слово «князь» или «курфюрст» не подразумевало в России какой-то самостоятельной политики. К XVII в. в России уже не существовало даже так называемых удельных княжеств, которые при общем подчинении центральной власти в Москве сохраняли остатки независимости. Вся страна подчинялась царю, а все ее население — от родовой знати до крестьян — зависело только от расположе-

---

* Вопросы о понимании в России специфики Империи уже затрагивались в работах Кристины Ролль. См.: *Roll Ch. Hatten die Moskowiter einen Begriff vom Reich?..*

** Подробнее о становлении российского самодержавия см.: *Шмидт С. О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973.*

ния и воли царя. Переводы пришедших из-за границы новостей делали в соответствии с русскими реалиями. Так, например, в 1620 г. русский перевод рассказывал о рейхстаге, на котором от собравшихся потребовали, «чтоб они кесарю крест целовали»*. В существовавших реалиях Священной Римской империи такая практика не была расхожей, в отличие от России. В итоге интереса к контактам ни с курфюрстами, ни с князьями, ни тем более с церковными иерархами при русском дворе не существовало вплоть до 60–70-х гг. XVII в.

Однако русский двор знал, что князья и курфюрсты являются территориальными правителями**, которые вне зависимости от воли императора могут запретить проезд по своим землям. Поэтому при русском дворе существовала традиция посылать именные грамоты к курфюрстам с просьбой о разрешении проезда послов по их территориям. На протяжении первой половины XVII в. такая грамота посылалась курфюрстам Бранденбургскому и Саксонскому. Так, например, приближенные курфюрста Саксонского в 1614 г. говорили русским послам, что курфюрст «слышал про вас, что вы великого государя послы и велел вас принять честно и подворье и корм дати и проводить вас велел на своих кочах. Велели вас спросить: есть ли с вами от великого государя грамота к курфистру»***. Имя Саксонского курфюрста вообще является одним из самых часто встречающихся на страницах как статейных списков, так и новостных сообщений. Как правило, он без отказа помогал русским послам, кормил их и давал лошадей для дальнейшего проезда. Однако политических взаимоотношений не складывалось, неко-

---

* Вести-Куранты. 1600–1639 гг. С. 36.

** Козмография // *Kosta P.* Op. cit. S. 182–183.

*** Статейный список 1614 г. о посольстве Ушакова и Заборовского... С. 540.

торым послам даже запрещалось посещать курфюрста даже в том случае, если он будет приглашать*.

Отношения императора и курфюрстов живо интересовали Царский двор. Практически каждое посольство начиная еще с 1601 г. должно было узнать «И нет ли у Цесаря с Курфюрсты какой розни?»**. Знали в России и о религиозных войнах. Тридцатилетняя война постепенно начала менять русские представления о взаимоотношениях в Империи и о месте курфюрстов, князей, ландграфов в общеевропейской политике. Безусловно, здесь важную роль сыграли сведения о союзах, которые князья и курфюрсты самостоятельно заключали с иностранными державами во время войны. Так с удивлением русские узнали, что «Его курфюрстское пресветлость Баирской тот мирной договор держать не хотел», т. е. не хотел подписывать Вестфальские соглашения. На мысли о важности и самостоятельности владельцев империи должно было навести сообщение о приеме ландграфа Гессенского при Шведском дворе: «А против их навстречу послали пятьдесят карет, а в карете по шести коней да двести пятьдесят человек шляхетных людей велми нарядны и так их в город проводили. А потом с кораблей из наряду по дважды выстрелили для почести также и двенадцать рот латников по дважды из мушкетов выстрелили а городские жильцы также великою радостью оказали»***. Таким образом, постепенно в России стали понимать самостоятельность и значимость политики отдельных княжеств империи. Особую роль здесь сыграли связи с Бранденбургом, которые начали развиваться из-за противоречий с Польшей после 1654 г.

---

* Статейный список посланников Баклановского и Михайлова... С. 60.

** Приезд в 1601 г. Цесарского посланника Михаила Шеля // ПСД. Т. 2. С. 396.

*** Вести-Куранты. 1648-1650 гг. С. 230.

Не всегда адекватное понимание реалий политической жизни Германии было обусловлено в первую очередь спецификой развития русского государства в первой половине XVII в. Несмотря на достаточно хорошие географические представления и осведомленность о происходящем в Германии, при русском дворе идеологические соображения играли часто большую роль, по сравнению с теми фактами, которые сообщались русским государям*. Доктрина «Москва — Третий Рим», обуславливавшая претензии России на европейское лидерство, возводила лишь императора в ранг равных политических партнеров. Территориальные князья и курфюрсты недооценивались и фактически до конца XVII в. не представлялись потенциальными и весомыми союзниками. Полноте русских представлений о Священной Римской империи не способствовали и те политические реалии, которые сложились в России между монархом и подданными. Переводы иностранных газет и новостей были обусловлены русской действительностью и отражали не существовавшую в Германии практику взаимоотношений между императором и имперскими чинами, а адаптировались с учетом традиционного понимания взаимоотношений царя и подданных. Тем не менее расширение контактов с Западом и формирование представлений о ведущих европейских державах стали важной внешнеполитической задачей в первой половине XVII в., а эпоха Петра I привнесла в них и новое содержание.

---

* *Scheidegger G. Das Eigene im Bild vom Anderen... На схожую тему рассуждения Гюнтера Штёкля: Stöckl G. Imperium und imperiale Ideologie-Erfahrungen am Beispiel des vorpetrischen Rußland [Штёкль Г. Империя и опыт имперской идеологии на примере допетровской России] // Vom Staat des Ancien Regime zum modernen Parteienstaat [От античного государства к современному партийному государству] / Festschrift für Th. Schieder, hg. v. H. Berding. München, 1978. S. 27–40.*

Россия и Европа в XIX в.: основы размежевания

Дмитрий Андреевич Цыганков, к. и. н.

Доцент кафедры истории России XIX — начала XX вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия)

Русское западничество в академических кругах: московские историки

В либеральной историографии рубежа XIX–XX вв. «обновление» Московского университета связывалось с эпохой 30–40-х гг. XIX в.* Во многом эта позиция объясняется тем, что именно в этот период времени сформировались нравственные и этические ценности университетской корпорации, а своего рода «культурным» героем этого периода, сделавшим эти ценности актуальными, традиционно считался Тимофей Николаевич Грановский. Как бы ни относиться к этому либеральному мифу о Грановском**, созданному прежде всего в трудах его наследни-

---

* См., например: *Кизеветтер А. А.* Московский университет (исторический очерк) // Московский университет. 1755–1930. Юбилейный сборник. Репринтное издание / Под ред. И. И. Тучкова, А. Ю. Шутова. М., 2017. С. 99–118.

** *Свешников А. В.* Миф о Грановском. Попытка дискурсного анализа // Тимофей Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. М., 2006. С. 69–81.

ков по кафедре всеобщей истории Московского университета (В. И. Герье, Н. И. Кареева и П. Г. Виноградова*), одну из особенностей развития Московского университета он передает точно. В эту эпоху истории этого высшего учебного заведения его молодыми профессорами была предпринята одна из первых в российской университетской практике попыток создать единую систему корпоративных ценностей и распространить ее на весь университет. При этом, в отличие от более ранних примеров адаптации европейских университетских идей в России, это попытка была осуществлена новой культурной силой в русских университетах. Если раньше миссия по европеизации русских университетов была в руках попечителей-основателей** или иностранных профессоров на русской службе***, то в этот хронологический период развития русских университетов эта задача была перехвачена русскими учеными, вкусившими плоды европейской науки в ходе европейских стажировок.

Насколько реализация этой новой миссии была для московских профессоров удачной? Как она соотносилась с политикой министра народного просвещения

---

* *Кирсанова Е. С.* Образ Т. Н. Грановского в российской историографии второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Томского университета. 2014. Т. 387. С. 121–126.

** *Цыганков Д. А.* Университетский попечитель в России: между ценностями европейской науки и государственной службы (вторая половина XVIII — первая треть XIX вв.) // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. Чебоксары, 2010. С. 515–527; *Андреев А. Ю., Цыганков Д. А.* Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 4. С. 70–97.

*** Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Биографический словарь. М., 2011.

С. С. Уварова и попечителя Московского университета С. Г. Строганова в деле модернизации Московского университета, имевшей первоначально также европейский вектор?*

С 1835 по 1848 г. в Московском университете появились 37 новых преподавателей**, большинство из которых на практике ознакомились с институтами, но прежде всего с профессорами европейских университетов не в условиях российской реальности, а в родной для иностранных профессоров инфраструктуре европейской науки. Заграничные стажировки русских ученых объясняются тем, что разработчики нового университетского устава пытались с помощью университета решить проблемы устранения последствий западного влияния на русское образованное общество***. Одной из вскрытых следственной комиссией по делу декабристов причин распространения радикальных идей называлось влияние частных европейских учителей и пансионов на русское

---

* См. об этом: *Цыганков Д. А.* Старое и новое в университетских конфликтах // XVIII Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. Т. 2. Материалы. М., 2008. С. 74–79.

** Подсчитано на основе: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. М., 2003. Таблица 1: Профессора российских университетов, прошедшие заграничную стажировку и занявшие кафедры после устава 1835 г. С. 521–552.

*** О заграничных стажировках см.: *Трохимовский А. Б.* Политика Министерства народного просвещения по подготовке молодых ученых за границей. 1856–1881 гг. // ВМГУ. Серия 8: История. 2007. № 1. С. 67–76; *Свешников А. В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX — начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 849–887; *Цыганков Д. А.* Заграничные стажировки московских всеобщих историков в последней четверти XIX в. // Прикосновение к вечности. Сборник статей. М., 2017. С. 220–246.

дворянство. Для устранения этих последствий разрабатывались меры по централизации системы образования, целью которой было воспитание унифицированного российского подданного с заданным набором характеристик, важнейшими из которых должны были быть: лояльность Государству, Церкви и службистско-сословные идеалы*. Однако для реализации этой идеи требовались новые учителя, которые могли бы пользоваться нравственным влиянием у представителей благородного сословия. Этим характеристикам не отвечала профессорская корпорация Московского университета 1820-х гг. Чтобы сделать обучение в университете частью карьеры благородного человека, нужно было сами университеты вывести из бурсацких, семинаристских нравов предыдущей эпохи. А эти нравы насаждались прежде всего самой старой университетской профессурой, представители которой были выходцами из духовного звания, транслировавшими ценности ученического знания, в чьих идеалах не присутствовала наука как исследование. Между тем учитель в университете должен был отвечать на запросы новых благородных студентов, он должен был вписаться в дворянскую культуру Москвы, а его поведение и этикет должны были позволять ему на равных общаться со студентами. Вполне возможно, что новый тип профессора должен был в глазах министра С. С. Уварова и попечителя С. Г. Строганова стать своеобразным русским заменителем иностранцев-учителей и владельцев частных пансионов для дворян. Согласно знаменитой формуле Уварова, русский ученый должен был быть «русским по духу и европейцем по образованию»**, что, по всей

---

* См.: *Шевченко М. М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

** См. соответствующий сборник, подготовленный по материалам конференции в Санкт-Петербурге, проведенной ГИИМ: «Быть

видимости, с точки зрения Уварова должно было гарантировать русских студентов-дворян от крайних социальных и политических идей, исходящих от Запада. В этой схеме обязанные своей карьерой университетскому и министерскому начальству русские профессора должны были воспитывать русских студентов-дворян в традициях «православия, самодержавия и народности», соединяя это воспитание с наукой.

Однако на практике эти служебные задачи, четко поставленные министром, пришли в соприкосновение с ценностями самозабвенного служения и отречения ради науки, о чем осознанно писал Грановский* и что символизировали собой в университетском преподавании новые профессора. В результате в соприкосновение пришли ценности нового поколения профессоров и задачи, поставленные перед университетом его начальством. Причем и та и другая стороны апеллировали к традициям Просвещения. Но если руководство Московского университета находилось в рамках «регламентированного просвещения» австрийского образца, то русские профессора привезли ценности классического университета**. Это привело к очень своеобразной эпохе в истории Московского университета, которая оказалась внутренне противоречивой.

русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009.

* *Цыганков Д. А.* Традиции Т. Н. Грановского и формирование «московской школы историков»: складывание профессиональной научной среды в Московском университете как проблема трансфера культур // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»... С. 244–262.

** О модели университетов австрийской империи в сравнении с Берлинским университетом см.: *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX вв. в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 285–302, С. 503–524.

Во-первых, неустойчивой оказалась конструкция, в которой попечитель округа, сделав ставку на молодых ученых университета, готов был жертвовать старой профессурой. Резче всего это расхождение проявилось в серии конфликтов молодых профессоров с М. П. Погодиным*.

Главная причина расхождения между Погодиным и молодыми профессорами — разное представление о роли профессора в университете. Погодин считал в своих профессорских обязанностях главным именно службу государству. Хорошо ее выполняя, воспитывая студентов, в том числе и наукой (чего хотя бы стоят занятия в его доме с рукописными памятниками), он рассчитывал на ответные любезности со стороны государства. Молодые профессора идее службы государству противопоставляли идею служения науке ради науки. Служба была им неинтересна, они готовы были ею жертвовать. Даже под угрозой уголовного преследования один из молодых профессоров В. С. Печерин писал попечителю Строганову о невозможности своего возвращения на службу — он хотел оставаться в науке и ради этого принял решение эмигрировать, поскольку считал, что заниматься наукой в России невозможно. В письме к своему непосредственному начальнику он сообщал, что страшится «превратиться в «благонамеренного старого профессора, насыщенного деньгами, крестиками и всякою мерзостью», называл старых профессоров «людьми без верований, без Бога, живущими лишь для того, чтобы копить деньги, откармливаться, как животные»**. Безусловно, позиция Печерина — позиция очень своеобраз-

---

* См. об этом: *Цимбаев Н. И.* Сергей Соловьев. М., 1990. С. 150–171; *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 165–170; *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003. С. 76–158.

** *Печерин В. С.* *Apologia pro vita mea*. СПб., 2012. С. 797; *Он же.* *Замогильные записки*. М., 1972. С. 173.

разного человека^{*}. Однако ровно те же мысли о несоответствии идеалов профессорского служения и практики профессорской службы в России будут повторены в письме-манифесте от имени молодых профессоров Московского университета в 1847 г. Грановским^{**}.

Еще один повод к расхождению «молодых» профессоров со «старыми» заключается в их отношении к молодежи. Для Погодина молодежь была источником дополнительных доходов. С ее помощью он поправлял семейный бюджет, устроив у себя на дому пансион для подготовки к поступлению в университет. Студенты выступали для Погодина переводчиками иностранной литературы. Любил Погодин и студенческое прислуживание (проводы до дома, подношение подарков, изъявления почтения). Молодые профессора, напротив, пытались служить студентам и создавали не существующую в Москве инфраструктуру научных исследований. Они приглашали студентов на беседы домой, допускали их к пользованию собственными библиотеками, заставляли участвовать в салонных спорах в семейном кругу. Задача молодой профессуры заключалась не в том, чтобы заработать на студентах, а в том, чтобы приобщить студентов к новым ценностям, воспитать у них научный императив. Профессора не зарабатывали на студентах деньги, но пытались заработать у них авторитет, славу нравственной личности, в услугах которой нуждается просвещенное общество, а следовательно, сделать науку ценностью в процессе формирования личности. При этом московским профессорам, прежде всего Грановскому, казалось, что он поступает точно

---

* О влиянии Печерина на студентов см.: *Гершензон М. О. Жизнь В. С. Печерина*. М., 1910; *Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России*. Т. 4. Ч. 1. М., 2003. С. 149–152.

** Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 386–387.

так же как его учителя — немецкие профессора, например, как Нибур, статью о котором Грановский написал*, или как Вердер, с которым его связывала близкая дружба**. Собственная деятельность Грановского в Москве — это попытка перенести идею профессорского служения из Германии в Россию. Суть этого подхода еще до начала своего служения в Москве Грановский объяснил в письме из Берлина: «у этих людей, кроме знания, есть еще нечто, чего нельзя объяснить... бескорыстная любовь к науке. Здесь есть ученые, которым выгоднее было бы переводить статьи для журналов, шить сапоги даже, а они умирают с голоду, работают и не думают о перемене своих житейских обстоятельств»***. Это и делал Грановский в Москве. Через 4 года после возвращения из Берлина он писал в письме Вердеру: «Я так много пережил в эти четыре года, так много радости и печали, столько потерял и столько приобрел, что я стал другим человеком. Никогда я так хорошо не понимал того, что Вы мне в то время так часто говорили: работать и отрекаться. В конце концов, я не позволяю себе делать ничего другого»****.

Отречение Грановского дошло до предела к началу 1848 г.***** Для поддержания высокого нравственного авторитета профессора Московского университета он

---

* Грановский Т. Н. Бартольд Георг Нибур // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения... С. 127–161.

** Корева Н. С. Т. Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. С. 118–137.

*** Григорьев В. В. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. Т. 2: Жизнь за границей // Русская беседа. 1856. Кн. IV. С. 18.

**** Письмо Т. Н. Грановского Карлу Вердеру от 4 октября 1843 г. // Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. С. 440.

***** См.: Цыганков Д. А. Упившись винами до бесстыдства... // Родина 2014. № 9. С. 73–76.

стал инициатором коллективной отставки своих коллег в 1847 г. в результате так называемой крыловской истории*. Кульминацией этого события, которое почти прямо отсылает к коллективной отставке профессоров Гёттингенского университета**, стало написание письма молодых профессоров Московского университета попечителю С. Г. Строганову***. Прочитируем его полностью: «Поскольку профессор Редкин сообщил нам результаты последнего разговора с Вашим Сиятельством, я беру на себя смелость написать Вам, чтобы дать знать, так как Вы этого хотели, что послезавтра мы будем иметь честь представить наше прошение в руки ректора. Наши мотивы Вам известны, господин граф. Не без внутренней борьбы и огорчения решили мы действовать таким образом, как мы поступаем. Мы ставим под удар не только наше материальное состояние, но, возможно, мы разрушаем и наше душевное состояние, отрекаясь от деятельности, которую мы не имеем надежды обрести где-нибудь еще. Однако я могу сказать за себя, так же как и за моих друзей, что эти соображения имеют на нас только то влияние, что мы боимся поставить Вас в неловкое положение. Эта боязнь заставила

---

* Мемуарные свидетельства о крыловской истории см.: Афанасьев А. Н. Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 249–280; Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Ростов-на-Дону, 1997. С. 121–123, 125; Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. М., 1994. С. 63–64.

** Lampe J. H. Politische Entwicklungen in Göttingen vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Vormärz [Лампе И. Х. Политические события в Гёттингене с начала 19 в. до революции 1848 г.] // Vom Dreißigjährigen Krieg bis zum Anschluß an Preußen: Der Wiederaufstieg als Universitätsstadt: 1648–1866 [От Тридцатилетней войны до присоединения к Пруссии: Возрождение как университетский город: 1648–1866] / hg. v. E. Böhme, R. Vierhaus. Göttingen, 2002. Bd. 2. S. 91.

*** Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения... С. 386–387.

нас колебаться и ждать до сего момента. Теперь, когда наши рапорты об отставке отправлены, мы можем говорить открыто о нашем уважении и преданности к Вам лично. Мы бы организовали разбирательство и не прибегая к Вашему вмешательству, но характер профессора Крылова сделал это невозможным. Не пеняйте нам на то, что мы этого хотели. Мы научились ценить счастье служить под началом такого человека, как Вы, и, каковы бы ни были наши дальнейшие жизненные пути, мы пронесем глубочайшую благодарность, как потому что каждый из нас лично обязан Вам, так и за все то, что Вы сделали для образования и будущего нашей страны. Мы оградили бы Вас от вмешательства в эту печальную историю. Таковы были наши намерения с самого начала. Однако бесстыдство профессора Крылова сделало это невозможным. Его навязчивое желание сохранить место, которое, по нашему мнению, он обесчестил, наложило на нас обязанность публично протестовать. Мы очень хорошо осознаем все последствия поступка, который стоит вне обычаев нашего общества. Не личная ненависть вооружила нас против профессора Крылова. Он находил в нас пламенных защитников до тех пор, пока его вина не была доказана. Даже в настоящий момент мы готовы отдать справедливость его талантам, но мы полагаем, что мы можем сказать без выпренности, что он не достоин того, чтобы мы были его коллегами. Можно было бы упомянуть других членов университета, качества которых вызывают сомнения, но это люди другого поколения, люди устарелые по сравнению с нами, и с которыми мы не можем иметь ничего общего. Но случай профессора Крылова другой. Он был одним из тех, кто внес наибольший вклад в возрождение университета. Он был одним из самых замечательных представителей новых научных тенденций; он не может скрыться за своим возрастом и за своей ничтожностью. Тем не менее этот человек допустил грубое обращение

со своей женой и посвятил весь город в секреты своих постыдных сделок со студентами. Покидая университет, мы уносим с собой сознание, что оказали ему некоторые услуги нашим присутствием и, возможно, еще более — тем, как удаляемся из него. Мы знаем, что наши места недолго останутся незамещенными. Мы сделали все что могли, чтобы приготовить своих преемников. Более молодые, более богатые в средствах к развитию, которых мы были лишены с самого начала (в начале нашего пути), они не заставят сожалеть о нас с точки зрения науки и талантов, но они отдадут должное примеру, который мы им передаем. Этот пример не пропадет для юных поколений. Они увидят, что отныне профессор не может быть порочен безнаказанно, если даже, по-видимому, внешне наказание и не настигнет его. Они будут иметь более веры в своих будущих воспитателей, вспоминая о тех, которые принесли в жертву все свое настоящее и будущее чувству своего долга относительно университета»*.

Впрочем, окончание событий крыловской истории (С. Г. Строганов до окончания событий ушел в отставку; новый попечитель Д. П. Голохвастов оставил на службе Н. И. Крылова и уволил протестантов, кроме Т. Н. Грановского, поскольку тот не отработал положенный за заграничную стажировку срок в университете) хорошо показывает, что молодые профессора явно переоценили свои силы. В глубине души они считали, что попечитель поддерживает распространение в университете новых европейских научных ценностей и тех норм профессорского поведения, которые стоят за этими ценностями. Более того, себя они считали той силой, которая с течением времени распространит свои идеалы среди

---

* Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения... С. 386–387.

косной, буруеваемой службистским духом устаревшей профессорской корпорации. В результате для группы молодых профессоров стало разочарованием, что Строганов поддерживал их как «свою» партию, своеобразную клиентулу, лично ему обязанную, а не их как носителей новых европейских взглядов на профессорское служение. Следствием этого и стала неразрешимость конфликта вокруг профессора Н. И. Крылова. Результатом ухода молодых профессоров стало вытеснение ценностей европейских норм поведения профессора, исповедуемых этими профессорами, из университетской в салонную околоуниверситетскую жизнь, создание насыщенной общественной реальности рядом с университетом. И, конечно, студенческое поклонение профессору, мученику ради науки. Это поклонение и вызывало интерес к Грановскому, заставляя заинтересованных лиц дать ответ на вопрос: что оставил после себя Грановский?

Значение преподавания Грановского для русского общества и становления науки истории в России оценивалось по-разному. Противники видели в деятельности Грановского вызов духовным ценностям русского человека. Популярность профессора, по их мнению, приводила Грановского к заигрыванию с публикой, превращала его в артиста на кафедре, ищущего одобрения от слушателей*. Мировоззренческие установки Грановского, «его Псалтырь по Западу» во время чтений лекций заставляли его «врагов» вводить идеологический контроль за его лекциями. Митрополит Филарет, получивший донос об идеях, высказываемых Грановским с кафедры, попытался вразумить молодого профессора и вызвал его на беседу. Как вспоминал об этом событии Грановский в письме к Я. М. Неверову, архиерей то ли обвинил, то ли

---

* Григорьев В. В. Указ. соч.

попросил объяснения у профессора: «О вас говорят, что вы вредный профессор, что вы затемняете умы верных сынов государя нашего». «В вашей деятельности есть что-то скрытное. Мне надо знать ваши верования». Грановский был резок в ответе: «Я ему ответил, что до моих верований ему нет никакого дела»^{*}.

Наконец, были вопросы и к академической составляющей лекций и трудов Грановского. Его оппоненты отмечали селективность, партийность и субъективность построения синтетической картины всеобщей истории на лекциях Грановского. В целом они считали преждевременным обобщение большого количества исторического материала без монографического изучения отдельных проблем прошлого. Более того, например, Погодин полагал, что вне схем во время изложения исторического процесса Грановским останутся знаковые события для понимания какой-то определенной и еще существующей традиции, которой будет пожертвовано ради задуманного целостного образа истории. К. Н. Бестужев-Рюмин, правда, имея в виду близких к Грановскому С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, писал в воспоминаниях: «Русскую историю преподавал тогда только что начинавший С. М. Соловьев, и рядом с ним историю русского права читал К. Д. Кавелин, в изложении которого история права обращалась в историю общественного быта с преобладанием юридического элемента: он даже начинал свою историю (в курсе 1847/48 года, последним из читанных в Москве) изложением общественного, юридического и религиозного быта древних славян. Под влиянием его чтений у многих молодых людей сложилось убеждение, что история права есть самая важная часть истории,

---

^{*} Письмо Т. Н. Грановского к Я. М. Неверову от 28 декабря 1849 г. // Тимофей Николаевич Грановский. Публичные чтения... С. 391–392.

что смена институтов и понятий юридических вполне выражает собою все историческое движение. Впрочем, мнение это тогда высказывалось и за университетскими стенами. Под влиянием подобного мнения зашел я раз (в 1847 году) к М. П. Погодину и начал развивать эту мысль. Выслушал меня М. П. и ответил мне одной фразой, верность и глубину которой я понял только гораздо позднее: “А св. Сергия куда Вы денете с вашим юридическим характером?”. В самом деле, куда деть св. Сергия, то есть всю нравственную, всю религиозную сторону общественного сознания?»*.

В дальнейшем противники идей Грановского попытались связать его преподавание и формирование идеологии поколения 1860-х. Именно об этом роман Ф. М. Достоевского «Бесы», где прототипом одного из центральных героев романа — Степана Трофимовича Верховенского — идейного учителя молодого поколения, был Т. Н. Грановский**. Противники Грановского отказывали профессору в академической значимости и крайне низко оценивали воспитательное значение его преподавания.

Сторонники Грановского, анализируя преподавательскую деятельность кумира студентов 1840–1850-х гг., указывали на мировоззренческое значение его лекций, отмечали значение профессора Московского университета в формировании ценностей науки в жизни человека. Владимир Иванович Герье (преподавал в университете с 1865 по 1904 гг.) и вовсе создал культ Грановского среди историков, подчеркивая прежде всего воспитательное значение преподавания знаменитого московского про-

---

* *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 249–250.

** См.: *Левановский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989.

фессора. Герье полагал, что, в отличие от европейца, который изначально пристрастен (он католик или протестант, француз или немец), русский человек изучает историю Европы как историю единой цивилизации — историю «страны Святых чудес»: он радуется прогрессу мирового исторического процесса и скорбит тогда, когда тот запаздывает. В этом смысле изучение всеобщей истории для русского человека — это прорыв к свободе, высоким идеалам, к подлинному проявлению человека. В этом контексте миссия профессора Московского университета, с точки зрения Герье, — формирование уважения к этим общецивилизационным европейским ценностям в русском обществе.

Наконец, под лозунгом сохранения наследия Грановского в университете Герье начал создание системы подготовки ученых в университете. Миф о Грановском нужен был ему для формирования новой академической реальности. Герье реформировал систему преподавания в университете, добившись соподчинения всех курсов, читавшихся на историко-филологическом факультете, и введя в действие в Московском университете систему семинарских занятий (с 1869 г.). Герье создал систему подготовки студентов к научной работе, включавшую в себя этапы селекции, протекции, введения в научный мир молодого ученого (в ходе последнего этапа ученики Герье совершали образовательную поездку в Европу для ознакомления с европейскими университетами и работой в библиотеках и архивах)*.

Таким образом, благодаря деятельности наследников Грановского сообщество московских историков все более

---

* *Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Школа В. И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 176–177.*

институализировалось. В результате возникала особая, не совсем устойчивая, малая социальная группа, функцией которой было распространение профессиональной информации и пополнение рядов ее членов.

Подобная система организации академической жизни отразилась на общем характере работ представителей московской исторической школы. Целью этого объединения ученых было производство и распространение нового знания об истории, построенного на архивных источниках. При этом это новое знание об истории должно было давать обнадеживающие примеры для формирования активной жизненной позиции граждан, быть экспертным заключением к различным процессам общественно-государственного сотрудничества, способствовать общественным и научным дискуссиям об истории как научной дисциплине и предмете университетского преподавания. В целом имелось в виду воспитание человека университетской культуры, призванного активно включиться в общественные преобразования. Определенное внимание при этом уделялось европейским идеям о миссии университета.

Воспринятую в Германии идею служения науке и это поведение ученого, восходящее к Грановскому, его преемники удачно адаптировали к российской действительности, создав весьма продвинутую инфраструктуру для занятий историей в Московском университете во 2-й половине XIX — начале XX вв.

*Матиас Штадельманн, хабилиитированный доктор.
Внештатный профессор кафедры новой и новейшей
истории Восточной Европы Университета Фридриха
и Александра в Эрлангене и Нюрнберге (Германия)*

Западник-славянофил, консервативный либерал: великий князь Константин и политика России в середине XIX в.

Политика России XIX в. развивалась в системе координат, сложившейся еще в начале XVIII в. Царь Петр I в молодости был столь очарован непривычным Западом, что принял решение превратить традиционное и своеобразное Московское царство в сильную и современную европейскую державу. Провозглашение перемен еще не означает их реализацию, что неоднократно можно было наблюдать при правителях, следовавших за Петром в XVIII в. И тем не менее начатое им развитие в сторону «европеизации» России, по крайней мере в государственном управлении, в политике, при Дворе, в «лучших» слоях общества представляется необратимым. Знакомство с идеями Просвещения, укрепление системы образования, рост благосостояния империи и ее подданных, территориальная экспансия и проникновение системы административного управления вглубь территории, а также, не в последнюю очередь, и культурное развитие столичного общества, от галантного этикета до придворного театра — политические программы русских императриц XVIII в. были амбициозны и не отставали от европейских.

Даже в 1-й половине XIX в. оставались важные точки соприкосновения между Российской империей

и Западном. Так, в Россию проникали ужасы или надежды (в зависимости от точки зрения) Французской революции, страна была вовлечена в наполеоновскую смуту, император Александр I вошел в Париж как «освободитель Европы». После его смерти в 1825 г. заговорщики из числа дворянства под влиянием европейских идей свободомыслия предприняли попытку восстания. Тот факт, что декабристы потерпели полное поражение, а новый император Николай I остался твердым приверженцем авторитарного стиля правления, отнюдь не означал отказа от европейских ценностей. Напротив: в то время как в Европе «домартовского периода» Революция 1848–1849 гг. окончательно вышла из-под контроля и грозила обернуться хаосом, Россия представлялась единственным гарантом старых европейских ценностей, того самого *Ancien Régime*. Такое представление не противоречило и знаменитой триаде николаевской эпохи «Самодержавие, православие, народность». Активное участие в жизни Европы вовсе не должно было означать нивелирования всех различий.

Отнюдь не все представители образованных слоев населения разделяли мнение Николая о том, что благом для России является именно наследная абсолютистская автократия. Новому поколению образованных молодых людей было очевидно, что Россия должна меняться, реформироваться в поиске новой и подлинной силы. Но как? И какую роль в этом должен был играть положительный или отрицательный пример Европы? Как следовало рассматривать Россию в ее взаимоотношениях с Западной и Центральной Европой? В чем заключались желанные сходства и необходимые различия? Куда следовало стремиться: на петровский путь сближения с Западом или к возврату к прежней мнимой независимости от него?

С 1840-х гг. западники и славянофилы по-разному отвечали на вопрос о призвании России, однако и те и другие осознавали принципиальную необходимость реформ. Славянофилы были убеждены в различии между Россией и Западом, а также в духовном и нравственном превосходстве России и ее народного характера. Россию для движения славянофилов, неслучайно зародившегося именно в Москве, прежде всего олицетворяли допетровская эпоха и те элементы культуры и общественной жизни, которые не были затронуты петровскими реформами или изменились под их влиянием лишь незначительно. Образ России для них — это коллективность, общинность, гармония, свои внутренние ценности, духовность и близость к богу, в то время как Запад, а вместе с ним и Санкт-Петербург, в концепции славянофилов символизировали эгоистичный индивидуализм, борьбу и спор, гипертрофированный рационализм и холодный материализм. По их мнению, семья, сельская община и церковный приход были основными организационными единицами настоящих славян, в которых и должна была реализоваться та всеобъемлющая общественная гармония. Соборность, то есть некая общность, была волшебным словом, с помощью которого стремились описать специфику русского социума и, исходя из некоего конструкта прошлого, найти решение всех проблем страны в настоящем и будущем.

Западники, в свою очередь, были интеллектуалами и литераторами, видевшими верный для России путь в единстве с Европой, причем внутри этого движения их позиции могли различаться — от буржуазного либерализма до раннего социализма. Однако западники были едины в том, что русского крестьянина нельзя идеализировать, а нужно срочно бороться с его отсталостью, просвещая по европейскому образцу. Россия должна не оглядываться на собственное прошлое XVII в., а про-

должать движение по пути петровских реформ, воспринимать и применять прогрессивные идеи Западной Европы, родившиеся после Французской революции. В широком понимании, выходящем за трактовку, бытовавшую в салонах 1840-х гг., в России были и системные западники, считавшие желательным дальнейшее сближение русской автократии с западными монархическими формами государственного и общественного устройства.

В эпоху тех дискуссий в Царской семье Романовых подрастал молодой человек, интересовавшийся идеями о будущем России сильнее, чем большинство его родственников. Получив с детства великолепное образование и обладая живым умом, он начал общаться с интеллектуалами своего времени, несмотря на уготованную ему карьеру в военно-морском флоте. Константин Николаевич, родившийся 9 сентября 1827 г., был 2-м сыном будущего императора Николая I. Когда ему не было и четырех лет, маленький Костя уже получил призвание на всю жизнь: он был назначен генерал-адмиралом Российского флота. После того, как в семь лет ему впервые было позволено выйти в море, Константин уже прочно идентифицировал себя со своим флотом. Пройдя по всем званиям морской Табели о рангах, в 1855 г. в возрасте 28 лет он стал во главе российского флота.

Деятельность Константина на этом посту была столь необычна и сопровождалась такой энергией и энтузиазмом, что для него практически не представлялось возможным ограничиться командной должностью только во флоте. Еще в 1850-е гг. новый император Александр II ввел своего брата в общеполитическую жизнь страны, и младший Романов также стал государственным мужем, что было нехарактерно для Российской империи. На протяжении всего срока правления брата Константин принимал участие в решении почти всех важнейших поли-

тических вопросов, заседаая и в комиссиях, традиционно создаваемых для обсуждения крупнейших задач, и в центральных постоянных институтах власти, таких как Комитет министров или Государственный совет, председателем которого, также впервые для Романовых, великий князь стал в 1865 г.

Константин провел реформу Военно-морского флота, сделал его в 1850-е гг. лидером модернизации. Его борьба против излишней тяжеловесной бюрократии, против коррупции и nepотизма, против низкопоклонничества и боязни ответственности, против лжи и интриг, его убежденность в необходимости экспертного мнения и конструктивной критики, в том числе и для руководителя из императорской семьи, его приверженность принципам прозрачности и партиципативности — все это проявилось в его руководстве Военно-морским флотом и вскоре сделало брата Александра II лидером движения по реформированию автократии, к восхищению большинства интеллектуалов России того времени, причем как в лагере славянофилов, так и среди западников. Представители обеих групп видели в нем решающую фигуру для политического будущего России. Одни считали его бесстрашным продолжателем ориентированной на Запад модернизации в соответствии с принципами Петра и Екатерины, другие — русским патриотом, сильно отличавшимся в своей бескомпромиссной борьбе за новую мощь России от собственных родственников и предков из императорской семьи.

Вскоре великий князь приобрел право решающего голоса в консультациях своего правящего брата Александра. Он подталкивал императора к тому, чтобы после проигранной войны, впервые за несколько десятилетий продемонстрировавшей недостаточную конкурентоспособность России, наконец заняться проблемой крепост-

ного права. Когда оказалось, что сдвинуть этот вопрос с мертвой точки непросто, Константин лично принял огромное участие и продавил это решение против заметного сопротивления со стороны политического истеблишмента. При этом он, помимо прочего, пользовался теми «современными» средствами, которые уже успешно применял и в управлении военно-морским флотом: привлечение экспертов и прозрачность решений, по крайней мере в ограниченном кругу участников. Благодаря усилиям своего брата Константина Александр II смог в феврале 1861 г. провозгласить освобождение крестьян.

Уже снискавший славу бескомпромиссного защитника реформ после нестандартного подхода к руководству ВМФ и активной поддержки отмены крепостного права и даже считавшийся некоторыми *enfant terrible* в Императорской Фамилии, Константин принял активное участие и в последующих реформах. Разумеется, в реформе местного самоуправления, призванной, помимо прочего, заполнить пробел в правах помещиков, он выступал за систему выборных представителей общества, в которой и крестьяне, как тогда считалось, могли принять надлежащее участие. И даже в крупной Судебной реформе 1864 г., сделавшей Российскую империю, пусть и с некоторыми оговорками, настоящим правовым государством, мы видим великого князя среди либеральных реформаторов.

Присутствие Константина и его влияние были столь велики, что начались разговоры о «партии великого князя». Так это политическое понятие впервые появилось в российском политическом дискурсе. Вокруг великого князя собралась целая плеяда «константиновцев» — молодых амбициозных государственных деятелей — причем некоторые из них начали карьеру еще в Морском министерстве. Его петербургская резиден-

ция, Мраморный дворец на берегу Невы, стала символом новой либеральной политики, стремившейся устранить старые недостатки и догнать в развитии западные страны. Для одних — символ нового, для влиятельных консерваторов Мраморный дворец был обителью зла, где ковались безответственные планы во вред Империи. В зависимости от политических убеждений слова «Константин» и «Мраморный дворец» вызывали либо восхищение, либо презрение.

Константин Николаевич продемонстрировал необычный для того времени либерализм и еще в одной сфере: в 1862 г. он сподвиг своего брата Александра отправить его наместником в Варшаву. В Царстве Польском, находившемся после Венского конгресса в личной унии Российского императора и лишенном всех привилегий после восстания 1830-х гг., дела обстояли не лучшим образом. Настроения были раздражены, в особенности среди молодого поколения, испытывавшего влияние националистических идей, а прежние наместники ничего не могли предпринять, кроме сдерживания ситуации. Помимо этого, в последние годы наместники по разным причинам часто сменялись. Константин имел другие планы: будучи братом императора, он хотел своим примером показать, как сильно Александр II ценит своих польских подданных. Как сильный, справедливый, но все же либеральный наместник он планировал кардинальным образом изменить представления польского населения, которое воспринимало себя как угнетенный народ. Вместо приказов из Петербурга Константин хотел примирения между поляками и русскими, между подданными и правителями.

Однако впервые брата князя ожидало полное поражение. Радикально настроенные круги стремились всеми средствами предотвратить возможный успех либеральной политики примирения. Уже вскоре после его приезда

в Варшаву на нового наместника было совершено покушение, и лишь благодаря удачно сложившимся обстоятельствам великий князь отделался легким ранением. В последующие месяцы зрели планы восстания, начавшегося в 1863 г. Мятеж в Польше продолжался больше года и сопровождался крайне ожесточенными действиями со стороны восставших, в то время как либеральный наместник, дабы не дискредитировать свой проект по примирению, действовал сдержанно. Причем настолько, что брат-император в Санкт-Петербурге вынужден был поставить его перед выбором: либо решительно и жестко подавить восстание, либо освободить пост наместника. Константин сдался, а его преемник генерал-фельдмаршал граф Ф. Ф. фон Берг сделал все остальное.

Враги Константина в Петербурге торжествовали: наконец-то этот безответственный и наглый либерал на себе испытал, что бывает, когда отступаешься от таких устоявшихся и традиционных принципов, как беспрекословная дисциплина в руководстве. В то время как возмущение неблагодарными и строптивыми поляками демонстрировалось открыто, наслаждаться поражением непопулярного великого князя старались с тайным удовлетворением. К разочарованию ретроградов из стана врагов Константина, Александр II, несмотря на свои гневные и злые письма и телеграммы в Варшаву, принял потерпевшего неудачу брата со всеми почестями и через два года, в 1865 г., назначил его председателем Государственного совета. В политике Российской империи этот институт играл важную роль. Государственный совет, основанный в 1810 г. Александром I, отвечал за все законодательные вопросы Российской империи. И хотя решения Государственного совета не были обязательными для монарха, все же это был центр политической мысли и дебатов, и состав участников совета нельзя было недооценивать даже в условиях российского самодержавия.

Константин занимал пост председателя Государственного совета в течение почти 16 лет, вплоть до 1881 г., когда после убийства брата террористами-революционерами новый император освободил его от этой должности. Ни для кого не стало неожиданностью, что ретроград Александр III, шокированный убийством отца, отстранит от дел своего дядю-либерала. Молодой император, окруженный консервативными советниками, был глубоко убежден в том, что именно либеральные реформы, инициированные при значительной поддержке Константина, стали причиной трагедии, случившейся с отцом. «Если бы неблагодарное общество не получило излишних уступок, всего этого бы не произошло», — звучал незамысловатый тезис в окружении Александра III. Радикальная смена политического курса после 1881 г. была отмечена и тем, что после отставки Константина оставшиеся либеральные министры также были принуждены подать в отставку, будучи демонстративно лишены доверия. И, разумеется, никаких шансов на реализацию уже не имел проект совещательного органа из общественных представителей, уже давно разрабатывавшийся Константином Николаевичем и в 1881 г. предложенный его единомышленником, новым министром внутренних дел графом М. Т. Лорис-Меликовым, императору. Подошел к концу период либеральных реформ, с помощью которых российская автократия пыталась оставаться современной новой эпохе, не отстать от других европейских государств и подготовиться к новым вызовам.

Я озаглавил свою краткую заметку о фигуре великого князя Константина и российской политике середины XIX в. «Западник-славянофил, консервативный либерал». То, что Константин был либералом для своего времени и политического окружения, способствовал значительным переменам в политическом истеблишменте России, не вызывает сомнений. Стремления Константина также

в основном соответствуют западным идеям политической модернизации, повышения эффективности власти и участия общества в принятии политических решений. Даже некоторые русские политические эмигранты в изгнании встречали Константина восторженно. Но что же с другими двумя эпитетами? Почему я назвал его *консервативным* либералом и *западником-славянофилом*?

В заключение я хотел бы оставить для дискуссии несколько вопросов, существенных для темы взаимодействия России и Европы. Великий князь Константин, могущественный либеральный реформатор, снискал славу человека, питавшего симпатии к славянофилам. При любой возможности он демонстрировал свою «русскость», относительно редко использовал в речи французский язык, а говоря по-русски, часто не стеснялся просторечных оборотов. Во время Крестьянской реформы Константин подвергал острейшей критике европеизированное, но, по его мнению, ограниченное дворянство, и необычайно активно выступал в защиту крестьянства. При этом для него сохранение крестьянской общины как основы регулирования жизни в деревне было необходимым условием отмены крепостного права.

Определенные круги выступали за упразднение общины, которая занималась перераспределением земель, коллективным сбором налогов и несла своего рода солидарную ответственность. Константин же хотел сохранить этот орган в интересах крестьянства. Если не все прочее, то уж это точно является показателем его близости и к славянофилам, которые также считали крестьянскую общину центральным и соответствующим русскому характеру институтом, отличавшим русское общество от западного эгоистичного индивидуализма. Так что в отношении крестьянского мира Константин Николаевич, прогрессивный реформатор, был не только консервативен,

но и вполне приемлем для лагеря славянофилов. Это подтверждает и слава великого князя как приверженца православной церкви, уделявшего ей больше внимания, чем кто-либо из Романовых, ведь для философии славянофильства православие было одной из основ.

Амбивалентность между консерватизмом и прогрессивностью наблюдалась и в дворянской среде. Этот слой имперского общества, отвечавший за государственный порядок и управление, оставался во время крестьянской реформы на консервативных позициях, желая сохранить отжившие свое социальные и имущественные порядки в сельской местности. После отмены крепостного права, воспринимавшейся несмотря на значительные уступки дворянству все же как удар по собственному сословию, многочисленные дворяне приняли сторону прогрессивной политической концепции, требуя изменения автократии в сторону представительской формы правления. Важным мотивом при этом было желание изменить процесс принятия новых законов, чтобы предотвратить подобные необдуманные решения в дальнейшем. Это можно выразить такой формулой: прогрессивная трансформация политической системы ради сохранения традиционных привилегий.

Активные представители дворянства старались даже создать своего рода «партию» как представительство собственных интересов против нападков государства. Эта дворянская партия, позиционировавшая себя как противовес «демократам», «цезаристам» и «крестьянам», планировалась как «консервативная». В России 1860-х гг. этим планам, как вскоре стало очевидно, не суждено было сбыться: дворянство было расколото, а самодержавная власть резко пресекала любые фантазии о политическом участии в принятии государственных решений. Самодержавной властью был не только император Александр, но и его брат Константин. Либеральный западник

с крестьянскими и славянофильскими симпатиями, чтобы усложнить историкам задачу, был еще и непоколебимым сторонником архаической автократии. И все же активные дворянские круги несколько лет спустя попытались донести до великого князя идеи консервативной дворянской партии. Из этих идей ничего не вышло, однако интересно обратить внимание на условия, которые выдвинул великий князь во время переговоров: не изменять текущее законодательство в отношении крестьянства и не вести речь о какой-либо конституции. Этому соответствует и тот факт, что великий князь всегда старался реализовать свои представления о модернизации вполне императивно, что даже его современники, привыкшие к самодержавию, воспринимали как деспотизм.

Как видно, если речь идет о политике России в XIX в. и о ее блестящих представителях, терминология представляется расплывчатой: либерал, консерватор, западник, славянофил — эти понятия приобретают конкретное значение только в определенной связи и в соотношении друг с другом. Их значения часто переплетаются и не всегда отвечают нашему желанию получить четкую классификацию. Как мне кажется, в этом скрыта принципиальная проблема вопроса об отношениях России и Европы или, говоря иначе, вопроса о позиционировании России в Европе. Бесспорно, Россия была и остается частью Европы. Но даже применительно к XIX в. вполне правомерно задаваться вопросом о трактовке понятия «Европа» и о «разнообразии» европейских государственных, общественных и культурных формаций. Россия не отворачивалась от Европы, но обладала своими предпосылками развития, своими вызовами и попытками их решения, с которыми и вступила в XX в.

Андрей Юрьевич Андреев, д. и. н.
*Профессор кафедры истории России XIX —
начала XX вв. исторического факультета Московского
государственного университета им. М. В. Ломоносова,
заведующий кафедрой церковной истории Общецерковной
аспирантуры и докторантуры им. святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия (Россия)*

Российский самодержец в поисках долговечного мира: «Европейский проект» Александра I

Российский император Александр I царствовал почти четверть века, за которые европейский политический пейзаж успел кардинальным образом измениться. Если один из первых своих международных договоров осенью 1801 г. Александр I подписал с главой Французской республики, ее первым консулом, «гражданином Бонапартом»*, то во второй половине царствования царю уже необходимо было иметь дело с восстановленной французской монархией и династией Бурбонов, а в целом — с так называемой Венской системой, одной из целью которой была консервация легитимных монархических режимов в Европе, предотвращение революций и появления новых республик. Переход от «турбулентного состояния» Европы после Французской революции к последующему замораживанию политических процессов во имя легитимизма произошел через череду кровопролитных войн в первые десятилетия XIX в., вошедших в историю как Наполеоновские, хотя в какой-то мере их

---

* Парижский мирный трактат от 26 сентября (8 октября) 1801 года, в кн.: *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 13: Трактаты с Францией. 1717–1807. СПб., 1902. С. 263–265.

можно было бы называть и Александровскими, ибо Александр I участвовал в большинстве из них, причем не только в роли союзника, но и инициатора военных действий, а после их окончания получил безоговорочный статус победителя и возможность влиять на послевоенное переустройство Европы.

И тем не менее, несмотря на воинственный ореол, окружающий этого российского самодержца, необходимо подчеркнуть, что в течение всего своего царствования он стремился к миру. При этом практически с самого начала его стремление относилось не только к тому, чтобы предохранить от войн собственную страну, но и чтобы попытаться создать такую систему международных отношений, в которой мир и безопасность были бы надолго гарантированы всей Европе. В этом смысле Александр I был одним из первых правителей, который мыслил в категориях «общеевропейского дома» и общих ценностей, объединяющих все страны Европы во имя поддержания мира, в определенном смысле предвосхищая здесь идеи, которые окончательно утвердились только на политическом поле XX в.

Выделим прежде всего основные черты системы, которая бы по представлениям российского императора обеспечивала долговечный мир в Европе. Во-первых, это должен был быть союз — то есть не просто договор, не просто поддержание мира путем какого-либо коллективного органа для разрешения споров (примерами такого рода органов, существовавших со Средних веков, служили Рейхстаг Священной Римской империи германской нации или высший орган Швейцарской Конфедерации — Сейм представителей ее кантонов) — это должен был быть именно европейский союз, предусматривающий регулярные встречи, общение, доверие его сочленов и их «братскую» взаим-

ную помощь. Во-вторых, этот союз должен был иметь «нравственные основания», которые первоначально у Александра I связывались с идеей «чистой совести», которую необходимо иметь правителю, а позже им же были сформулированы религиозные принципы союза, основанные на общей приверженности христианству. Наконец, в-третьих, это должен был быть союз монархов, то есть в его основание следовало положить личные узы людей, «отвечающих перед Богом» за свои народы. Такая «персонализация» союза и самой проблемы безопасности в личностях монархов и их взаимной дружбе была очень важна для Александра. Образно формулируя, скажем, что если для Фридриха Шиллера в знаменитой оде «К Радости» (1804) важно было, чтобы «все люди стали братьями» (*нем.* Alle Menschen werden Brüder), то для Александра I необходимо было сперва, чтобы «все Государи стали братьями» (*нем.* Alle Fürsten werden Brüder), а затем уже из этого возникнет и братство подвластных им народов (и любопытно, что в первоначальном варианте данной строфы, написанном в 1785 г., стояло: Bettler werden Fürstenbrüder — «Нищие станут братьями Государей», то есть Шиллер как будто специально и провокативно не противопоставлял, а соединял два вышеупомянутых варианта «всеобщего братства» в одно целое).

Если хронологически рассматривать развитие названных принципов во внешнеполитических декларациях Александра I, то принцип Fürstenbruderschaft — «Братство Государей» — можно обнаружить очень рано. Уже в 1802 г. Александр I направляет частное письмо Наполеону Бонапарту (оно было написано 7 мая 1802 г. и вручено уезжавшему из Петербурга в Париж швейцарцу Ф.-С. Лагарпу, бывшему воспитателю царя, с тем, чтобы тот передал бы его первому консулу Французской республики при личной встрече). В письме Александр

предлагал Наполеону установить отношения самые тесные и близкие и через взаимное доверие устранять все, что могло бы таким отношениям помешать*. Спустя всего месяц, в начале июня 1802 г., в Мемеле Александр I в первый раз встретился с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, и главным результатом их встречи (притом, что ее политические последствия остро дискутировались современниками) стало возникновение именно их личного дружеского союза, не тождественного политическому союзу России и Пруссии, которые в тот момент скорее находились в противоположных лагерях**.

Однако то, что удалось Александру в 1802 г. с Фридрихом Вильгельмом III, не получилось в отношении Бонапарта, и последний вскоре превратился для российского царя в главную европейскую угрозу. Обратим внимание на эту особенность восприятия Александром I европейской безопасности: тот, кто не хочет войти с ним в «дружеский союз», почти автоматически «удалялся из друзей» и становился угрозой для этого союза, с которой царь борется сперва декларативными, а затем и военными методами. В отношении Наполеона последовательное развитие этой линии вполне очевидно. В мае 1804 г., после нарушения французскими жандармами суверенитета Бадена для ареста герцога Энгийенского, именно Александр I, единственный из европейских монархов, выступил с громкими протестами о том, что Наполеон попирает международное право, причем сформулированы эти

---

* Андреев А. Ю., Тозато-Риго Д. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы. Т. 1: (1782–1802). М., 2014. С. 750.

** Мемуары и переписка князя А. Чарторыйского с императором Александром I. Т. 2. М., 1912. С. 172; Искюль С. Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 44.

протесты были именно в рамках концепций общеевропейского мира. Действия Наполеона, по мнению Александра, представляли собой угрозу для «безопасности и независимости» как Германской империи, так и Европы в целом, а потому требовали немедленной реакции со стороны всех европейских правителей. «Насколько непрочными были бы будущее спокойствие и безопасность империи и каждого из ее членов, если бы подобные насилия были признаны допустимыми и осуществлялись беспрепятственно и безнаказанно [...]», — гласила нота, врученная российским представителем рейхстагу 6 мая 1804 г.*

После неудачных попыток заставить Рейхстаг присоединиться к этим декларациям Александр I направил свои усилия на привлечение к союзу других правителей. Ему удалось это в отношении австрийского императора Франца, но также очень важным было обращение царя осенью 1804 г. к английскому правительству. В составленной для этого инструкции доверенному лицу царя, Н. Н. Новосильцеву, направлявшемуся для переговоров в Лондон в сентябре 1804 г., Александр I впервые в четком виде сформулировал свое видение не только угроз европейской безопасности — сейчас они исходили от политического произвола Наполеона, — но и будущей системы, которая должна поддерживать «вечный мир». Именно такая формулировка в духе знаменитого трактата аббата Ш. Сен-Пьера содержалась в данном тексте, отражая глубинные стремления российского самодержца. И хотя авторство текста инструкции историки обычно приписывают князю А. Чарторыйскому, выполнявшему в тот момент функции главы Внешнеполитического ведом-

---

* Внешняя политика России XIX и начала XX вв. (далее — ВПР). Сер. 1 (1801–1815). Т. 2 (1804–1805). М., 1961. С. 7–8.

ства Российской империи^{*}, не вызывает сомнений, что основные мысли и положения в нем принадлежат именно Александру I, который обсуждал их со своими «молодыми друзьями», поручая тогда им реализацию своего заветного внешнеполитического проекта.

Итак, в инструкции Новосильцеву Александр I предлагал Англии не просто временный союз против Наполеона, но союз, который «будет существовать и потом, после установления мира, чтобы достичь еще большего — договора, который стал бы основой международных отношений европейских держав и который призван заменить сепаратные мирные договоры между отдельными странами». Цель такого договора — приблизиться к благам, которые ожидаются от «вечного мира», и после «всеобщей войны» сформулировать заново точные и ясные требования международных отношений, создать новый «кодекс международного права», соблюдение которого стало бы основой союза главных европейских монархов. Как формулировалось в тексте, «после стольких тревог, испытав все неудобства непрочной призрачной независимости, бóльшая часть правительств пожелает примкнуть к союзу, который надежно гарантировал бы их безопасность и спокойствие». При этом выясняется и еще одна важная черта такого союза во имя общей безопасности — он должен нести либеральные принципы, поскольку введение во внутреннее устройство стран «задатков миролюбия» должно будет «ограничить возможность необузданных действий самовластия» и способствовать «успехам просвещения», так что, наконец, после всеобщего распростра-

---

^{*} *Menger Ph.* Die Heilige Allianz. Religion und Politik bei Alexander I: 1801–1825. Historische Mitteilungen Beiheft 87. [Менгер Ф. Священный союз. Религия и политика Александра I: 1801–1825. Исторические выпуски. Приложение 87] Stuttgart, 2014. S. 118–125.

нения «духа благоразумия и справедливости» Европа сможет «в течение длительного времени наслаждаться спокойствием и благополучием, каким никогда еще не пользовалась»*.

Новизну данной концепции можно оценить, если сравнить ее с традиционным понятием внешнеполитического «равновесия», которое утвердилось в дипломатической практике XVIII в.** Это понятие было заложено по окончании Войны за испанское наследство, став краеугольным принципом Утрехтского мира (1714), результаты которого осмыслялись в дальнейшем как необходимость сохранения «баланса сил» между ведущими странами. Равновесие достигалось примерным равенством военных, людских и материальных ресурсов у противостоящих коалиций. Именно это делало, по мнению дипломатов, невыгодной новую большую войну. Тем не менее, когда в силу каких-либо причин это равновесие нарушалось, то обретение нового состояния равновесия происходило только через конфликт — подчас затяжной и кровопролитный, как это видно на примере многочисленных «войн за наследство» в XVIII в., а также Семилетней войны. При этом малые европейские государства в рамках этой концепции играли роль «гирек на весах», их включение в один из альянсов или присоединение путем прямой аннексии служило лишь средством достижения нового равновесия между «великими державами», а интересы самих этих малых владений, естественно, не учитывались.

---

* ВПР. Т. 2. С. 148.

** *Schroeder P. W.* The transformation of European Politics 1763–1848 [*Шрёдер П. В.* Трансформация европейской политики 1763–1848]. Oxford, 1994; *Duchardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785 [*Духардт Х.* Баланс сил и Венская система международных отношений. Международные отношения 1700–1785]. Paderborn, 1997.

Концепция безопасности Александра I, развитая в инструкции Новосильцеву 1804 г., исходила совершенно из иных предпосылок. Если в концепции «баланса сил» предполагалось, что вражда альянсов носит перманентный характер, а единственный способ избежать их прямого столкновения состоит в поиске такого состояния, при котором это столкновение было бы невыгодно для всех, то Александр I — впервые в истории! — выдвигает идею «общего союза», основанного на договоре, к которому бы присоединились все страны и который бы заменил их отдельные соглашения между собой (то есть, по сути, аннулировал бы характерные для XVIII в. альянсы держав). При этом к данному союзу могли бы примкнуть не только великие державы, но и «большинство правительств Европы», а это значит, что «безопасность и спокойствие» гарантировались бы и малым государствам, так же как и учет их интересов при вступлении в союз. Таким образом, на место постоянного соперничества и вражды, а также господства «сильного над слабым», признававшихся законами внешней политики в XVIII в., Александр I предлагал принципиально иные отношения — дружественный союз всех стран, общее соблюдение ими «кодекса международного права», основанного на «справедливости» (по отношению ко всем странам, и большим, и малым) и «миролюбии».

Реализацию всех этих намерений Александра I пришлось отложить до окончания борьбы с Наполеоном. И здесь заметно, насколько последовательным оказался российский император: при оформлении принципов Священного союза летом-осенью 1815 г. он подхватывает те же идеи своей инструкции Новосильцеву 1804 г., но дополняет их одним важным и новым обоснованием — религиозным. Так появляется Акт создания «братского христианского союза», подписанный 14 (26) сентября 1815 г. тремя монархами — австрийским, прусским и рос-

сийским, но составленный лично Александром I при участии его ближайших сподвижников того времени — Иоанна Каподистрии и Александра Стурдзы*.

Стоит подробно разобрать этот важнейший в идеологическом отношении документ, чтобы вычленил лежащую в его основе концепцию европейского мира. Она включает прежде всего все ту же идею Fürstenbund и Fürstenbruderschaft, которая здесь оправдана более широким принципом — братством во Христе. «Соответственно словам Священных Писаний, повелевающих всем людям быть братьями, три договаривающихся монарха пребудут соединены узами действительного

---

* О создании и интерпретации Акта Священного союза см.: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1–5. Рига, 1886–1892; *Пресняков А. Е.* Идеология Священного Союза // *Анналы*. 1923. № 3; *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция первой четверти XIX в. Л., 1925; *Büchler F.* Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz [*Бюхлер Ф.* Духовные корни Священного союза]. Freiburg im Breisgau, 1929; *Schraeder H.* Autokratie und Heilige Allianz nach neuen Quellen [*Шрэдер Х.* Самодержавие и Священный союз: новые источники]. Darmstadt 1963; *Ley F.* Alexandre I et sa Sainte-Alliance (1811–1825) [*Ле Ф.* Александр I и его Священный союз]. Paris, 1975; *Ley F.* Madame de Krüdener (1764–1824). Romantisme et Sainte-Alliance [*Ле Ф.* Мадам Крюденер (1764–1824). Романтизм и Священный союз]. Paris, 1994; *Martin A.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I [*Мартин А.* Романтики, реформаторы, реакционеры: русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I]. De Kalb, 1997; *Орлик О. В.* «Европейская идея» Александра I // *Новая и новейшая история*. 1997. № 4. С. 46–68; *Зорин А. Л.* «Звезда Востока». Священный союз и европейский мистицизм // «Кормя двуглавого орла...» Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX вв. М., 2001. С. 297–335; *Ghervas S.* Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance [*Шерва С.* Переосмысление традиции. Александр Стурдза и Европа Священного союза]. Paris, 2008; *Гончарова О. В.* «Для охранения спокойствия и благоденствия...»: европейская политика России в посленаполеоновскую эпоху // *Россия*. XXI. 2014. № 3. С. 6–33.

и неразрывного братства и, почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». В отношении своих подданных монархи подобны «отцам больших семейств»: следовательно, раз Священный союз объявляет о братстве монархов, то родственниками между собой становятся и все подчиненные им народы. Выказывая взаимные «доброжелательство и любовь», братские монархи — а вместе с ними и их подданные — будут почитать себя «членами единого народа христианского», подлинным самодержцем которого является «Божественный Спаситель Иисус Христос»*. Характерно, что в черновике данного Акта, написанном рукой Александра I (но вызвавшем возражения у австрийского императора и Меттерниха), не только народы Европы объединялись в одну семью, но и отдельные европейские армии составляли «часть одной армии, призванной охранять религию, мир и справедливость»**.

Важно подчеркнуть, что Священный союз в данном Акте объявлялся окончательной, и в этом смысле вечной системой европейской безопасности. Ее соблюдение приравнивалось к «выполнению правил и деятельному утверждению обязанностей, в коих наставил человек Божественный спаситель». Следовательно, такая система уже не могла подлежать пересмотру — любое ее нарушение становилось нарушением «божественных заповедей», то есть собственно богоборчеством, и в этом явно усматривается эсхатологический характер идеологии Священного союза. (Ведь, как подчеркивают исследователи, ключевым элементом мистической эсхатологии, характерной для начала XIX в., являлся союз всех «верных

---

* Тратат братского христианского союза. 14/26 сентября 1815 г. // ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 25943.

** ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 502–504, 692–693.

чад» перед лицом тех, кто борется со Христом и служит его врагам «в последние времена»^{*}.) Помимо этого, нарушение европейской безопасности, то есть отступление от Священного союза — иными словами, «братства», — еще и потому объявлялось преступным, что было равносильно выступлению одного брата против другого, а это фактически приравнивалось к греху Каина в Священном Писании.

Итак, добавление к идее монархического союза религиозной подоплеки делало такой союз во имя европейской безопасности окончательной, «вечной» ценностью, равносильной соблюдению заповедей христианства, а любое нарушение мира трактовалось как нарушение «братского союза», то есть грех, подлежащий наказанию. Подчеркнем еще раз, насколько далеко такая идеология отстояла от предшествующей практики внешнеполитических договоров, где безопасность договаривающихся сторон покоилась на взаимных уступках и соблюдении политического равновесия. Священный же союз был провозглашен как сугубо идеологическая конструкция, не вписывавшаяся в привычную внешнеполитическую реальность. Отсюда вытекало его резко негативное восприятие европейскими политиками-прагматиками — такими как австрийский канцлер князь К. фон Меттерних, определявший Священный союз как «громкозвучное ничто», и английский госсекретарь по иностранным делам виконт Р. Каслри, называвший его «смесью возвышенного мистицизма и чепухи»^{**}. И отсюда же следовала и главная особенность политики Священного союза: она являлась целиком декларативной, то есть была направ-

---

^{*} Зорин А. Л. «Звезда Востока»... С. 307–308.

^{**} *Paulmann J. Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Regime und Erstem Weltkrieg [Паульманн И. Пышность и политика. Встречи монархов в Европе с античности и до Первой мировой войны]. Paderborn, 2000. S. 108.*

лена именно на создание «дискурса европейской безопасности». Иными словами, основным пространством, где существовал Священный союз, были манифесты, воззвания, декларации и меморандумы, к разбору которых мы и переходим ниже; однако их переход в практическую плоскость международных договоров оказался весьма затрудненным.

Чтобы верно оценить новизну идей Священного союза в области строительства долговечного мира по сравнению с традиционной дипломатической практикой, стоит подчеркнуть их отличие от представлений о «концерте великих держав», сложившемся в Европе после 1815 г.* На основе договора в Шомоне от 1 марта 1814 г. и Парижского мира от 20 ноября 1815 г. в европейской внешней политике был зафиксирован так называемый Четверной союз, включавший Россию, Пруссию, Англию и Австрию. Его главной задачей являлась коллективная опека над Францией (выражавшаяся в том числе в продолжавшейся оккупации ее территории войсками союзных держав) с целью не допустить там в любой форме повторения событий «ста дней» 1815 г., то есть не только нового прихода к власти во Франции Бонапарта и кого-либо из представителей его семейства, но и вообще любых революционных потрясений. Парижский мир содержал гарантии со стороны союзных держав поддерживать эти условия во Франции как мирными, так и военными средствами. Но, кроме этого, четыре державы брали на себя обязательства и по ряду других общих вопросов вне-

---

* *Pyta W.* Konzert der Mächte und kollektives Sicherheitssystem. Neue Wege zwischenstaatlicher Friedenswahrung in Europa nach dem Wiener Kongress 1815 [*Лума В.* Концерт силы и системы коллективной безопасности. Новые пути межгосударственного миротворчества в Европе после Венского конгресса 1815] // *Jahrbuch des Historischen Kollegs* [Ежегодник исторического колледжа]. 1996. S. 134.

шней политики — в частности, принять меры к полному уничтожению работорговли, поддерживать «вечный нейтралитет» Швейцарии и т. д.*

Таким образом, «концерт держав» 1815 г. естественным образом являлся доминирующей силой в европейской внешней политике после окончания Наполеоновских войн, и в его власти было диктовать свои решения другим государствам — не только Франции, но и, например, малым немецким княжествам (например, Баденскому герцогству в 1816 г. в его споре с Баварией и Австрией**). Насколько при этом учитывались интересы самих «малых государств», это целиком и полностью зависело от доброй воли отдельных членов «концерта». Анализируя этот вопрос летом 1818 г., статс-секретарь Александра I граф Иоанн Каподистрия подчеркивал, что Англия и Австрия постоянно выражали стремление ограничить круг стран, «имеющих право на исключительное руководство общей политикой и решение всех спорных вопросов», лишь четырьмя державами-победительницами, подписавшими Парижский мир, тогда как Россия придерживалась другой точки зрения и готова была вести переговоры и принимать во внимание мнение других стран***.

В таком открытом господстве «права сильного» Каподистрия видел отрицательную черту Четверного союза и даже «опасность» для всей Европы. Поэтому российский статс-секретарь выступил с проектом кардинально изменить архитектуру европейской безопасности, переходя в ней от Четверного союза ко «всеобщему союзу»,

---

* Парижский мирный трактат от 8 (20) ноября 1815 года в кн.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 14: Трактаты с Францией. 1807–1820. СПб., 1905. С. 290–302.

** *Paulmann J.* Pomp und Politik... S. 115.

*** ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 424.

причем если первый основывался на Парижских мирных договорах, то последний — на «Акте братского христианского союза» от 14 (26) сентября 1815 г. Таким образом, Каподистрия в явном виде противопоставил внешнеполитическую идеологию Четверного и Священного союзов, призывая сделать выбор между ними в пользу последнего, т. е. признать «всеобщий союз» фактически существующим (что должно было закрепить проведение всеобщих конгрессов и принятие коллективных деклараций), и подчеркивая, что «Россия уже на практике ведет политику Всеобщего союза, соблюдает взаимные интересы всех в духе братства»*.

Эти новаторские (а потому — сразу вызвавшие неприятие у политиков других стран) внешнеполитические идеи были воплощены в ряде текстов Каподистрии, которые были явно согласованы им с Александром I. Первый из них был опубликован в официальной газете *Consevateur impartial* в марте 1817 г. под названием *Observations sur les véritables intérêts de l'Europe* («Замечания об истинных интересах Европы»). Уже в первых строках статьи указывалось на «наступление новой, не имеющей примеров политической, религиозной и моральной эры для всех наций», которая зиждется не только на дипломатических договоренностях, подписанных в 1815 г. в Вене и Париже, но и на «дополнительной гарантии» — Акте от 14 (26) сентября 1815 г. Он-то и является «точкой опоры для всеобщего умиротворения, независимой от всех интересов и поставленный вне их досягаемости», то есть впервые в истории дипломатии служит не «частным интересам отдельных кабинетов», а «объединению всех сил Европы, желающих сохранения мира». Каподистрия далее указывал, что на место «права сильного» теперь приходит коллективное влияние «великих держав» на

---

* Там же. С. 427.

«государства второго и третьего ранга», и оно будет благотворным, так как «не стремится увеличить власть сильных и уменьшить независимость слабых». Тем самым коллективная ответственность держав за общий порядок, включающий малые государства, придает системе бóльшую степень безопасности, чем если бы малые страны подчинялись влиянию какой-либо одной державы, действующей в своих интересах. Косвенным образом последняя мысль отвечала на уже раздававшиеся тогда в европейском общественном мнении упреки в адрес России относительно того, что с помощью Священного союза она якобы хочет проводить именно собственные интересы в европейской политике — российский статс-секретарь стремился подчеркнуть, что истинные интересы России как раз состоят в укреплении коллективной безопасности и «справедливости для всех» на равных условиях*.

Эта же мысль еще более четко была им сформулирована в переданной на личное рассмотрение Александра I записке от 24 июня (6 июля) 1818 г., которая была посвящена задачам российской политики на предстоящем конгрессе в Ахене. Записка замечательна тем, что для подкрепления своих тезисов Каподистрия постоянно ссылался на собственные мысли царя, которые тот, очевидно, не раз с ним обсуждал. Каподистрия подчеркивал, что стремление России к построению системы коллективной безопасности, воспринятое лондонским и венским кабинетами как русское «всемогущество» и «вмешательство во все европейские дела», естественно вытекает из общих принципов либерализма, характерных для идеологии александровского царствования. «Либеральные идеи, которые удостоиваются одобрения В. И. В., Ваше личное участие, приведшее к принятию этих идей на

---

* *Conservateur Impartial*, № 18, 2/14 mars 1817. P. 99–100.

переговорах в Вене и Париже, удачное применение их в деле примирения законного королевского режима с внутренним положением во Франции, обеспечения Швейцарии ее независимости и вечного нейтралитета, возвращения Польше ее государственности и для внушения надежды на лучшее будущее многим другим странам Европы, наконец, Акт от 14/26 сентября — все эти причины в совокупности укрепили узы, которым недоверие пыталось противопоставить планы всеобщего господства, якобы утвердившиеся в помыслах В. И. В.»*

Развитием этих идей и служит концепция «всеобщего союза», излагая которую Каподистрия также ссылаясь на представленную в марте 1816 г. записку Фридриха Ансильона, известного прусского идеолога, до 1814 г. воспитывавшего наследника престола, а затем ставшего сотрудником Министерства иностранных дел и членом Государственного совета. Эта записка была тогда лично одобрена Александром I и служила укреплению русско-прусских отношений в контексте Священного союза**. Согласно Ансильону из Акта 14 (26) сентября 1815 г. следует, что страны, присоединяющиеся к этому Акту, могли бы принимать взаимные обязательства, во-первых, по соблюдению территориальной целостности государств и нерушимости границ, установленных венскими и парижскими соглашениями, а во-вторых, по сохране-

---

* ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 425.

** *Markert W.* Preußisch-russische Verhandlungen um einen europäischen Sicherheitspakt im Zeichen der Heiligen Allianz. Zu einer unveröffentlichten Denkschrift Ancillon aus dem Winter 1815/16 [*Маркерт В.* Прусско-российские переговоры о заключении Договора о европейской безопасности под эгидой Священного союза. Неопубликованные мемориалы Ancillon от зимы 1815] // *Preußen — Deutschland und Rußland vom 18. bis zum 20. Jahrhundert (Abhandlungen des Göttinger Arbeitskreises; Bd. 9)* [Пруссия — Германия и Россия с 18 по 20 вв. (Трактаты рабочей группы Гёттингена; Т. 9]. Berlin, 1991. S. 27–46.

нию «законного суверенитета» внутри каждой из стран, то есть противодействию любым посягательствам на него, производимым «снизу вверх», путем революций. «Если в какой-либо стране возникнут волнения, грозящие законной верховной власти, и будут предприняты попытки свергнуть ее или препятствовать, действуя вопреки ей, и представители этой власти обратятся к державам-гарантам, то последние будут иметь право и обязанность оказать этой стране защиту и поддержать в ней общественный порядок»*.

Ссылаясь на одобрение этих идей Александром I, Каподистрия перед конгрессом в Ахене настаивал на том, чтобы там был принят такой «гарантийный договор» или декларация для всех держав, поддержавших принципы Священного союза, с основным девизом — *«все за одного, один за всех»*. Тем самым возникла бы «охранительная система», работа которой выражалась бы в виде периодически созываемых «конгрессов с участием всех заинтересованных сторон» (а не только великих держав) в лице государей или их министров для того, чтобы путем арбитража решать межгосударственные споры и предупреждать конфликты. Понимая трудности принятия такого нового договора и противодействие Англии и Австрии, Каподистрия далее рекомендовал форму декларации, которая отсылала бы вновь к Акту от 14/26 сентября, лишь «уточняя его обязательства»**. Как отмечает В. Пита, воплощение в жизнь этих предложений России, то есть замена Четверного союза на «всеобщий», и означала бы переход от политики «концерта держав» к системе коллективной безопасности в Европе, которая, по мнению историка, являлась самой передовой и даже опережала бы свое время, поскольку пере-

---

* ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 426.

** Там же. С. 428.

кликнулась с гораздо более поздними идеями В. Вильсона, которые легли в основу создания Лиги Наций после Первой мировой войны*.

Подчеркнем также, что актуальность и даже неотложность создания такой системы обосновывалась российской политикой исходя из определенного образа врага, который постоянно угрожает «спокойствию в мире». Уже 1 января 1816 г., то есть спустя всего неделю после обнародования Александром I Акта Священного союза, которое состоялось под Рождество 1815 г., император подписал манифест, обращенный не столько к российским подданным, сколько к европейским странам, где он широко читался и комментировался**. Данный манифест выступал своего рода «негативом» по отношению к Акту Священного союза: если в последнем рисовались контуры «идеала мира и безопасности» в следовании учению Христа, то в манифесте от 1 января 1816 г. выдвигался противоположный образ «нарушителя мира», который был наделен всеми чертами преступника и богоборца. В этом образе врага подразумевался, естественно, Наполеон, но его фигура предельно обобщалась. Он был представлен здесь как «порожденное злочином нравственное чудовище», «млеком лжемудрости воспитанное» и «под личиной ума и просвещения из страны в страну скитавшееся». Легко узнать в этом символ Французской революции, а точнее, революции вообще, которая, как подчеркивалось в манифесте, может лишь выдавать себя за «восстановителя благонравия и порядка», на самом же деле является смертельной угрозой, «терзает» и свою собственную страну, и все ее окружающие страны и народы.

---

* *Pyta W.* Konzert der Mächte und kollektives Sicherheitssystem... S. 171–173.

** ПСЗ-I. Т. XXXIII. № 26059.

В марте 1816 г. опять-таки лично Александр I попытался объяснить иностранным политикам, что именно желание бороться с революцией, ее духом и последствиями, которые еще живы в Европе, послужило главным толчком для провозглашения Священного союза. В рескрипте от 22 марта (3 апреля) 1816 г., адресованном посланникам нескольких европейских государств, российский император писал: «Злой гений, низвергнутый высшей волей провидения, которое определяет судьбу государей и народов, видимо, снова пытается приписать этому соглашению некие политические виды, столь же мало совместимые с продиктовавшими его чистыми намерениями, сколь и противные той благотворной цели, к достижению коей оно предназначено. Мои союзники и я, проникнутые великой идеей, направлявшей события последней битвы в Европе, имели в виду более действенным образом приложить принципы мира, согласия и любви, которые являются плодами христианской религии и морали, к гражданским и политическим отношениям». Акт от 14 (26) сентября 1815 г. ставил задачей «еще глубже проникнуться охранительными принципами» (*préceptes consevateurs*). «Его единственная цель состоит в том, чтобы способствовать внутреннему процветанию каждого государства и всеобщему благосостоянию, к коему должна привести дружба между государями, ставшая тем более неразрывной, что она не будет зависеть от случайных обстоятельств. Еще меньше оснований рассматривать акт такого характера как завоевательный, ибо его цель не может быть достигнута силой оружия [...]. В нем нет ничего принудительного и угрожающего, потому что он покоится на охранительных и неизменных принципах. Торжественная дань уважения, которую только что воздали этим принципам, представляется тем более необходимой, что забвение их повлекло за собой бесчисленные бедствия, и то время, когда по политическим

соображениям дальше всего отошли от них, было в равной мере самым пагубным для спокойствия и нравственности наций. Я пожелал совместно с моими союзниками путем откровенного признания этой важной истины отметить наступление новой эры, менее бурной для наших народов и более благоприятной для человечества»*.

Наконец, и в цитированной выше программной записке Каподистрии от 24 июня (6 июля) 1818 г. «революция низов против верхов» названа первой и наиболее опасной тенденцией, угрожающей Европе, которая происходит из «желания народов, или, вернее, их главарей, установить новые отношения между государствами и монархами». По мнению российского статс-секретаря, именно Священный союз всех государств, но отнюдь не Четверной союз великих держав, способен справиться с этой тенденцией: «Путем предоставления взаимной гарантии целостности территориальных владений государств братский и христианский союз навсегда покончит с главной причиной любых гражданских и политических революций, которая служила всем завоевателям и самому Бонапарту, соблазнявшим народы завоеваниями, а армии — грабежами»**.

Однако революции помогала и вторая опасная тенденция современной политической жизни, которую формулировал Каподистрия, — желание некоторых монархов «незаконным путем возрождать или поддерживать старую политику, а именно самовластие во внутреннем управлении и замкнутые союзы во внешних сношениях». Именно поэтому, по мысли статс-секретаря, нужно было всячески развеивать «ложное впечатление» от Акта, что

---

* ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). С. 116.

** ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 430–431.

«эта священная лига есть союз государей против народов». Указанный Каподистрией выше «либеральный» (в смысле его соответствия общей либеральной политике Александра I) характер Священного союза должен рассеять такие опасения: «всеобщий союз не противился бы развитию общественных институтов, но служил бы средством предупреждения насильственных нововведений», предохраняя все страны от революций, тогда как Четверной союз с этой задачей не смог бы справиться. Именно «всеобщий союз» должен противостоять тенденции к самовластью отдельных государей, так как эти государи, став его членами, придерживались бы его общего духа. В противном случае, будучи вне «союза держав», они всегда искали бы помощь и поддержку своих интересов у одной из стран Четверного союза, расщепляя его единство*.

Может показаться, что Каподистрия слишком сильно здесь делал акцент на либерализме Священного союза, его задачах «противостоять реакции», так что статс-секретарь исходил при этом скорее из собственных взглядов, нежели из политической практики Александра I. Также хорошо известно довольно радикальное высказывание Каподистрии в письме герцогу Ришелье, датированном сентябрем 1820 г., когда новая череда европейских революций была уже в самом разгаре, — здесь русский дипломат целиком и полностью возлагал ответственность за начавшиеся революции на правительственную реакцию соответствующих стран: «Везде, где правительство поставило себя в изоляцию нелепым и произвольным направлением, мятежники победили, и они отражены всюду, где мудрые учреждения противопоставили их оболъщениям непобедимую силу законов, которые обеспечивают вместе с существованием силь-

---

* Там же. С. 432.

ной и необходимой власти законные права и интересы народов»^{*}.

Тем не менее и сам Александр I не раз подчеркивал ответственность государей, совершающих ошибки в своей внутренней политике, за ослабление безопасности в масштабах всей Европы. В письме к Р. Каслри от 21 марта (2 апреля) 1816 г. он приравнивал между собой угрозы миру, исходящие как от революции, так и от реакции: «Есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру. Кажется, что там хотят трудиться только ради ушедших поколений или ради поколения, которое вот-вот угаснет, не думая о том, сколь важно прежде всего заручиться расположением нынешнего поколения, наиболее заинтересованного в настоящем, ибо оно готовит будущее». Здесь же замечательным образом Александр I вновь формулировал главную цель Священного союза в терминах дискурса о долговечном и прочном европейском мире: все его конечные стремления направлены на то, чтобы «мир и безопасность утвердились бы без каких бы то ни было ограничений, без того, чтобы частные нарушения могли причинить им ущерб»^{**}.

На практике попытки России противодействовать в рамках Священного союза реакционной политике, проводимой отдельными странами, можно проследить на примере ее отношений с Испанией. Александр I, как кажется, пытался здесь воплотить в жизнь мысль, сформулированную еще в инструкции Новосильцеву 1804 г. (причем тогда еще без всякой религиозной рито-

---

^{*} СИРИО. Т. 54. СПб., 1886. С. 548.

^{**} ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). С. 112–113.

рики), о том, что с помощью «братского союза» один монарх помогает другому идти к «успехам просвещения» и способствовать «либеральным установлениям». Действительно, испанский король Фердинанд VII относился к тем монархам Европы, которые после Реставрации 1814 г. пытались целиком и полностью вернуться к Ancien Régime, Александр же полагал, что может исправить эти «заблуждения». Русский посол в Мадриде Д. П. Татищев в 1817–1818 гг. осуществлял «плотную опеку» над королем, получая инструкции из Петербурга по влиянию на его политику в либеральном духе. При этом Каподистрия призывал Татищева воздействовать на испанского короля так, чтобы тот принимал это как совместное действие в рамках «европейского союза» и не считал бы исключительным влиянием со стороны России*.

Фердинанд VII оказывал ответные знаки «братского почтения» Александру I, но также требовал содействия в решении собственных проблем, в частности — в отношении латиноамериканских колоний. Александр I призывал короля к мирному и конституционному разрешению конфликта Испании с колониями, т. е. дарованию заокеанским подданным короля собственной конституционной хартии**. Тем не менее Россия была вынуждена оказать Испании и военную помощь в этом вопросе — единственная из всех европейских стран, — предоставив свои корабли (эскадру из пяти линейных кораблей и трех фрегатов) для участия в экспедиции испанской армии в Латинской Америке: договор был заключен 30 июля (11 августа) 1817 г.*** Формально эскадра была продана испанцам, но на кораблях оставались русские

---

* ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 91.

** Там же. С. 67.

*** ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). С. 629–630.

экипажи, и это вызвало открытое беспокойство англичан из-за возможного участия России в войне в Новом Свете* — и это тогда, когда большинство европейских политиков уже неофициально (а Англия даже и официально) согласны были признать независимость новых южноамериканских государств. Таким образом, в целом, шаги Александра I в поддержку Испании и укрепления «братского союза» с ее королем лишь ухудшили общие российские дипломатические позиции накануне Ахенского конгресса.

Важнейшим результатом этого конгресса, сформулированным в ряде протоколов и деклараций от 3 (15) ноября 1818 г., были решения о выводе оккупационных войск союзников из Франции и ее возвращении в число «великих держав», то есть фактическом превращении Четверного союза в Пентархию**. Принятый же в Ахене заключительный протокол апеллировал к идеям «братского христианского союза» европейских монархов в целом. В нем подчеркивалось, что союз направлен на прочное сохранение мира, благоденствия и «тишины всеобщей», не преследуя при этом никаких конкретных политических, «временных» выгод для отдельных стран***. Но никаких конкретных гарантий мира, включая соблюдение территориальной целостности стран и незыблемость их режимов, в заключительном протоколе не содержалось. Многие историки видят здесь компромисс, если не полную победу позиции Англии, которую активно отстаивал Р. Каслри, над идеями Александра I и Каподистрии по превращению Четверного

---

* ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). С. 35.

** *Pyta W.* Konzert der Mächte und kollektives Sicherheitssystem... S. 146.

*** *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1878.

союза во всеобщий*. Английская дипломатия категорически отказывалась брать на себя обязательства, связанные с подавлением возможных революций в Европе и соблюдением нерушимости границ. России так и не удалось превратить сам конгресс в Ахене в совещание представителей большинства европейских государств — да, фактически они там находились, но все решения и протоколы были подписаны лишь четверкой (а затем пятеркой) ведущих держав.

Таким образом, в Ахене в конце 1818 г. не произошло утверждения системы коллективной европейской безопасности в виде провозглашения «всеобщего союза» на гарантийных условиях — так, как ее продвигали Александр I и Каподистрия. Тем не менее все предшествующие декларации и записки русской дипломатии по этому поводу продемонстрировали, на мой взгляд, важнейшую тенденцию: при формулировании концепций общеевропейского мира постепенно стиралась граница того, что следует относить к «внутренней» безопасности конкретного государства, а что — к «внешней». В рамках идей Священного союза, приведенных выше, основная угроза миру между государствами — то есть их «внешней» безопасности — происходила от распространения революций, недопущение которых в отдельных странах являлось предметом их «внутренней» безопас-

---

* *Bourquin M. Histoire de la Sainte Alliance [Буркин М. История Священного союза]. Genève, 1954. P. 228–243; Webster Ch. The foreign policy of Castlereagh. T. 1. 1812–1815. Britain and the reconstruction of Europe; T. 2: 1815–1822. Britain and European Alliance [Уэбстер Ч. Внешняя политика Каслри. Т. 1. 1812–1815. Британия и реконструкция Европы; Т. 2: 1815–1822. Британия и «европейский концерт»]. London, 1963. P. 149–152; Schaefer H. Op. cit. S. 90–91; Чернов А. В. Проекты «вечного мира» и «европейского союза» во внешней политике России первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2013, № 4. С. 35.*

ности. По этой причине внешнеполитическая концепция Священного союза, порожденная, по признанию самого Александра I, противостоянием революции («всемирному Наполеону»), неявным образом с самого начала оказывалась ориентирована на вмешательство во внутреннюю политику стран. Причем и Александр, и Каподистрия первоначально трактовали это вмешательство самым либеральным образом как «помощь» в проведении «просвещенных реформ» и установлении правления, «справедливого для всех подданных» — такого, которое сможет предотвратить в будущем любые революции.

Подобное влияние России было показано выше на примере ее испанской политики, а после Ахенского конгресса европейские дипломаты, и в первую очередь Австрия, обратили внимание на попытки в русле той же риторики либерализовать итальянские государства. Так, в ходе частной поездки по Италии, предпринятой весной 1819 г., Каподистрия, к удивлению собеседников из местных правящих кругов, не скрывал резко отрицательных отзывов об австрийской реакционной политике в этом регионе, которая провоцирует всплеск национального движения; австрийцы же, напротив, выдвигали против русских агентов в Италии серьезные обвинения в том, что те якобы поддерживают контакты с организациями карбонариев*. Английский посол во Флоренции в донесении к Каслри делал неутешительный вывод: «Великодушие служит русским плохую службу: они питают безосновательные надежды своими высокими словами. Сам император Александр всегда защищал обиженных и проповедовал великодушное учение. Но его ученики в Ита-

---

* Подробнее о политическом восприятии русского присутствия в Италии в 1819 г. см.: *Андреев А. Ю.* Образовательное путешествие великого князя Михаила Павловича по Италии (1818–1819): организация, идеи, контекст // Клио. 2017. № 10. С. 27–39.

лии с меньшим умом решили подражать ему, забежав далеко вперед своего учителя». Меттерних же с нескрываемым раздражением писал Ф. фон Гентцу 9 апреля 1819 г., после получения известий об убийстве немецкого писателя на русской службе А. фон Коцебу в Мангейме: «В то время, как в Германии русских агентов убивают как обскурантов, в Италии другие русские агенты председательствуют в клубах карбонариев»*.

Итак, развитие «дискурса о безопасности» в российской дипломатии к концу 1810-х гг. привело к тому, что тенденция, которая была подспудно, то есть на уровне общих идей, заложена еще в Акте Священного союза, стала абсолютно явной. Ведущим критерием внешней безопасности, то есть прочного мира и «тишины» в Европе становилось внутреннее спокойствие и безопасность отдельных государств — участников Священного союза. Политически эта конструкция так и не выразилась в виде обязывающего соглашения по «всеобщему» европейскому союзу. Но идеологически она опиралась на «деконфессионализованное», то есть объединяющее представителей всей конфессий христианство и противопоставляла ему «общего врага» — революцию как воплощение всех «антихристианских», богоборческих и преступных сил. Провозглашенные принципы вполне уже подготовили то, что на следующем этапе деятельности Священного союза они послужат обоснованием для коллективных военных интервенций с целью подавления революций в отдельных странах. С 1820 г. Александр I со всей очевидностью встал перед печальным для его

---

* *Philips W. A. The confederation of Europe. A study of the European alliance, 1813–1823 as an experiment in the international organization of peace [Филлипс У. Э. Европейская конфедерация. Исследование «европейского концерта» 1813–1823 гг. как эксперимента в области формирования мировой международной организации]. New York, 1966. P. 198–199.*

«европейского проекта» по поддержанию мира фактом: несмотря на все декларации, на все громогласные обличения «лжемудрствующих чудовищ», он оказался не в состоянии предотвратить вспышки новых революций. Поэтому стремление к «вечному миру» вынужденно вело к развязыванию в Европе начала 1820-х гг. новых вооруженных столкновений (в частности, к кровопролитной войне в Испании в 1823 г.). Александр I не мог не чувствовать такого противоречия, и это наложило заметный отпечаток на личный кризис его политики в конце царствования.

Россия и Европа в первой половине XX в.: «Большой раскол»

---

*Хельмут Альтрихтер, хабилитированный доктор.
Профессор кафедры новой и новейшей
истории Восточной Европы Университета Фридриха
и Александра в Эрлангене и Нюрнберге (Германия)*

Разделение мира? Россия и Европа в межвоенный период

Даже современники считали Первую мировую войну эпохальным событием, перевернувшим весь ход мировой истории. Оглянувшись назад, мы увидим, что историки называли это событие «цивилизационным разрывом» и «кризисом Нового времени», началом «европейской гражданской войны» (Э. Нольте), второй «Тридцатилетней войной» (Х.-У. Велер и Й. Кершоу), продлившейся до 1945 г., «пракатастрофой XX века» (Дж. Ф. Кеннан). Первая мировая война превратила Европу в «темный континент» насилия (М. Мазовер), ее даже сравнивали с открытием «ящика Пандоры» из античной мифологии (Й. Леонхард). Если в античной мифе с открытием ящика Пандоры в мире появилось зло, то после Первой мировой войны в Европу пришли экстремизм, фанатизм, массовая нищета и смерть, превратив ее в безотрадное место.

Если следовать предложенной аргументационной линии, то в список бед, обусловленных Первой мировой войной,

входит и Великая Октябрьская революция 1917 г., положившая начало «разделению мира» — модели, определившей ход мировых событий в XX веке и доминировавшей на протяжении всего периода холодной войны. Можно провести параллель между новым «разделением мира» и «пентархией великих держав» XVIII–XIX вв.

Но существовала ли данная биполярность в период между двумя мировыми войнами? Является ли биполярность ключом к пониманию и в первую очередь — внутреннему осознанию данного исторического периода? Лично я в этом сомневаюсь. Мне хотелось бы изложить свои сомнения по трем пунктам: 1) в отношении Европы; 2) в отношении довольно запутанной цепочки событий в Советском Союзе в период до конца 1920-х гг.; 3) в отношении начала сталинской эпохи и ее восприятия на Западе, то есть в отношении 1930-х гг. Позвольте теперь более подробно остановиться на каждом из вышеуказанных пунктов.

I. Европа в межвоенный период

В Первой мировой войне приняло участие в общей сложности 40 стран и более 65 млн солдат — около 25 млн со стороны Центральных держав и более 40 млн со стороны Антанты. Развитие промышленности и технического прогресса изначально подавалось как величайшее достижение XIX в., но оно же превратило войну в масштабное действие с участием массы людей, техники и оружия массового поражения. Хотя все стороны изначально рассчитывали на «короткую» войну и готовились именно к такому сценарию, производительная мощность современных национальных экономик позволила войне продлиться четыре года. Количество погибших оценивается в 9–10 млн человек, а количество жертв среди гражданского населения — в 6–7 млн человек. Хотя к этим

цифрам стоит добавить еще около 20 млн раненых, многие из которых были искалечены до неузнаваемости.

Война с каждым днем все отчетливей приобретала черты всеобщей войны. Проблемы, возникавшие перед государствами-участниками, требовали коренных перемен политического, экономического и общественного строя. Лозунги «Все для войны» и «Все для фронта» говорят о том, что к решению проблем привлекали и частный сектор. Гражданское население было готово к определенным лишениям до тех пор, пока война воспринималась в обществе как оборонительная и пока сохранялась уверенность в том, что война ведется «за правое дело», против бесчеловечного врага, против «немецких гуннов», «прусского милитаризма», «завистливого Альбиона» («Бог покарает Англию!»), «заклятого врага, Франции» (ну и прочие стереотипы, красовавшиеся на националистских открытках и плакатах). Огромные потери, понесенные обеими сторонами за первые недели и месяцы войны, не заставили стороны передумать. Похоже, они лишь служили подтверждением тому, что враг бесчеловечен и готов на все. С увеличением количества жертв крепло убеждение в том, что павшие погибли «не зря». Размышления на тему того, что будет после войны, разрослись буйным цветом. В то же время возможностей выступить с мирными инициативами становилось все меньше. Стоило кому-нибудь лишь заговорить о возможности примирения — как его начинали подозревать в «пораженчестве», то есть в отсутствии веры в окончательную победу, а затем и вовсе обвиняли в «предательстве» по отношению к павшим в боях.

Подобное восприятие также отразилось и на условиях заключенного мира: они были приняты «под диктатом стран-победительниц», а к этому сразу же прибавляли, что если бы победили Центральные державы, то условия

были бы другими, но не более справедливыми. Заключение мирных соглашений (наряду с требованиями по выплате репараций) привели к серьезным территориальным изменениям (в Западной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке, в Восточной Азии и Африке), которые нередко сопровождались переселением целых народов (другими словами, вынужденной миграцией): счет переселенцев шел на миллионы. Достаточно взглянуть на ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе, где на территории рухнувших Российской, Германской, Австро-венгерской и Османской империй теперь располагалось 12 государств. Появилось семь новых: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Чехословакия и Албания. Границы оставшихся пяти были изменены настолько фундаментально, что и об этих государствах было бы более корректно говорить как о новых (Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария и Греция). При этом практически все новые границы оказались спорными: они проводились то по этническим, то по т. н. историческим признакам, и зачастую группы населения, составлявшие в прежних границах этническое или религиозное большинство, оказывались в меньшинстве — и наоборот.

В основу новых государств должны были лечь парламентская демократия и принцип национального самоопределения. Но практически ни в одном государстве не было проведено реальных референдумов, и практически ни в одном государстве не было веры в то, что внутренние противоречия удастся в долгосрочной перспективе разрешить демократическим путем. За 1920–1930-е гг. в десяти государствах из двенадцати парламентская система сменилась авторитарным режимом, президентской или королевской диктатурой. Большинство проблем новых государств были связаны с внутренней политикой, но часто прослеживалась связь и с внешнеполитической обстановкой. По сути, ни одному из этих государств

не удалось добиться того, к чему стремились все: стать национальным государством, объединенным по языковому, культурному, ценностному принципу и принципу общего происхождения. Кроме того, имели место серьезные экономические проблемы, которые лишь усугубились с наступлением мирового экономического кризиса в 1929 г.: стабильность, которой, казалось бы, удалось добиться в нескольких регионах, пошатнулась из-за массовой безработицы.

В то время, безусловно, не было недостатка в голосах, указывающих на особую опасность, исходящую от революционной России. С осени 1917 г. Россия взяла курс на создание Советской социалистической республики. Произошла национализация банков, у предпринимателей изымалась собственность; земли, ранее принадлежавшие представителям дворянства, членам Императорской Фамилии, церкви, были обещаны крестьянам, оппозиционные партии были объявлены вне закона, страна погрузилась в кровавую Гражданскую войну. Согласно статистике, приведенной в одном российском историческом журнале в середине 1990-х гг., население советской России в 1917–1922 гг. сократилось на 13 млн: 2,5 млн человек погибли в вооруженных столкновениях, 2 млн умерли от эпидемий, 1 млн пали жертвами террора и бандитизма, около 300 000 ушли из жизни в результате еврейских погромов, от 1,5 до 2 млн человек эмигрировали, остальные погибли от голода, последовавшего за Гражданской войной в 1921–1922 гг. Потери России в Первой мировой войне по разным оценкам составляют от 1,6 до 2 млн человек.

Несмотря на то что иностранные державы на время вмешались в ход Гражданской войны в России, выступив на стороне белых, старые и новые европейские государства были преимущественно обеспокоены соб-

ственными проблемами. Большевистская Россия была лишь одной из многих проблем, что не помешало британскому правительству, прекрасно понимавшему, с кем оно имеет дело, заключить в 1921 г. торговое соглашение с советским правительством. В апреле 1922 г. был заключен Рапалльский договор с Германией, а в апреле 1926 г. подписан новый германо-советский Договор о дружбе (т. н. Берлинский договор), положения которого регулировали не только торгово-политические отношения, но и военное сотрудничество между рейхсвером и Красной армией. Мирные договоры со странами Прибалтики были заключены уже в 1920 г. К середине 1920-х гг. Советский Союз был признан на дипломатическом уровне всеми крупными европейскими государствами. В 1932 г. был подписан Договор о ненападении с Финляндией, после чего были подписаны аналогичные документы с Латвией, Эстонией, Польшей и Францией. А в сентябре 1934 г. Советский Союз был принят в Лигу Наций. В числе прочего это было связано с непростым внутривнутриполитическим развитием СССР, на котором ниже остановимся подробнее.

II. Внутривнутриполитическое развитие Советского Союза

В 1917 г. В. И. Ленин объявил о строительстве демократической в своей основе страны Советов, которая не нуждалась в чиновничьем аппарате и действующей армии. Рабочие управляли заводами, а крестьяне занимались распределением земли. Полицейские и жандармские службы старого режима были расформированы, так как право и закон отныне находились непосредственно в ведении народа. Однако несмотря на заявленный лозунг «Вся власть Советам!», этим Советам как органам власти и управления не удалось пережить Гражданскую войну. Важнейшие функции (принятие политических

и военных решений, а также решений в сфере снабжения и транспорта) как в центре, так и на местах перешли от Советов к чрезвычайным органам управления. После завершения Гражданской войны Советы пришлось практически создавать заново, так как большинство управленцев нижнего и среднего звена пали жертвами противоборствующих сторон. Однако от *de jure* всемогущих предшественников времен революции у новых Советов осталось одно лишь название. По сути же они должны были лишь исполнять приказы, поступающие сверху, от административных органов более высокого звена.

С этого момента большое значение приобрел институт, вовсе не предусмотренный концепцией «страны Советов», — большевистская партия. Еще до революции В. И. Ленин разработал для нее концепцию жестко организованной «кадровой партии профессиональных революционеров», расколов тем самым марксистский лагерь на большевиков и меньшевиков на II съезде РСДРП в 1903 г. Однако на момент Февральской революции 1917 г., приведшей к свержению автократии и образованию Временного правительства, роль большевиков в жизни страны была ничтожна. Лишь немногим представителям этой нелегальной группировки удалось выжить в России, а их лидеры находились либо за границей (В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев), либо под надзором полиции в Сибири (Л. Б. Каменев, Я. М. Свердлов или И. В. Сталин). Таким образом, партия, по сути своей, была основана заново, но уже не как «кадровая партия», а как популистское объединение несогласных с положением дел в стране, продолжающимися перебоями в снабжении, откладывающейся аграрной реформой и продолжающейся войной. Ленин обещал рабочим, крестьянам и солдатам то, что они хотели услышать: отсутствие поддержки и даже свержение Временного правительства (под девизом «Вся власть Советам!»),

рабочим — возможность принимать участие не только в заводской жизни, но и в управлении предприятием, крестьянам — землю, а уставшим от войны солдатам — мир, хотя в тексте исходной программы подобных формулировок и не было.

Ленин выполнил данные обещания сразу же после большевистского октябрьского восстания, выпустив соответствующие «декреты», что на первое время обеспечило ему поддержку или, по крайней мере, терпимое отношение в широких кругах рабочего и крестьянского классов. Существуют доказательства того, что многие партийные функционеры действительно верили в концепцию «государства Советов». Они брали на себя задачи в рамках Советов, посвящали им все свое время и периодически оставляли свои партийные посты. Лишь на VIII съезде партии в конце марта 1918 г. этому процессу был положен конец: РКП(б) не должна была «полностью заменять Советы» как государственную организацию рабочего класса и беднейшего крестьянства, но при этом должна была стать в авангарде и «руководить деятельностью Советов». При этом «строжайший централизм» и «строжайшая дисциплина» были обязательны и для самих членов партии. Все это звучало не очень конкретно, но хотя бы задавало определенный вектор — даже несмотря на то, что предстоял довольно долгий путь к централизму и дисциплине.

Рабочие стачки, крестьянские волнения и вооруженный мятеж матросов в Петербурге заставили Ленина вновь сменить курс весной 1921 г. Он резко отступил от программы военного коммунизма по «непосредственному переходу к коммунизму» (отмена денег и рыночных отношений, переход к пролетарскому натуральному хозяйству) и объявил о переходе к новой экономической политике (НЭП). В государственном ведении в буду-

щем должны были остаться банковская система, валюта, транспортная система, внешняя торговля, а также крупные и средние промышленные предприятия. На всех остальных уровнях государство стремилось к большей результативности и эффективности, к росту конкуренции и давлению сверху. Снова разрешили создавать малые и карликовые предприятия. Планировалась отмена системы реквизиции, в соответствии с которой у крестьян без какой-либо компенсации отбирались практически все «излишки» (а зачастую даже и больше), — таким образом, после уплаты натурального сбора крестьяне снова могли свободно распоряжаться плодами собственного труда.

За несколько лет представителям государственной и партийной власти удалось перевернуть структурно-политическую систему страны с ног на голову: либертарианская страна Советов совершила скачок в сторону диктатуры чрезвычайных органов; экономическая система, которая обещала рабочим и крестьянам свободу действий, в результате экспериментов эпохи военного коммунизма превратилась в государственный капитализм или государственный социализм с ярко выраженными элементами рыночной экономики; изначально партия создавалась как движение, объединяющее представителей различных интересов ради достижения общей цели (при этом данное движение даже не было упомянуто в тексте конституции), а в результате начали раздаваться призывы к тому, чтобы к партии перешла функция формального управления страной; фактически страна превратилась в однопартийное государство, действующее по принципу «строжайшего централизма». Все это сбивало с толку и открывало самые разные пути будущего развития, особенно если учесть, что в рамках Новой экономической политики явно делалась ставка на сотрудничество с капиталистическими странами, а иностранным

компаниям выдавались исключительные права на изобретения и их внедрение.

Советская модель развития оказалась тупиковой еще и потому, что Ленин начал марксистскую революцию в стране, которая еще для этого «не созрела», если процитировать отцов русского марксизма. Население страны состояло преимущественно из крестьян, в то время как представители промышленного рабочего класса, предполагаемый костяк пролетарской революции, были в явном меньшинстве. Ленин делал ставку на то, что рабочие продвинутых европейских государств придут на помощь русскому пролетариату, что русская революция приведет к мировой революции и выровняет положение дел в мировом масштабе. Однако эта надежда не оправдалась.

Позиция Сталина по данному вопросу известна: его политика вновь полностью изменила государственный, экономический и общественный строй Советского Союза, причем новые перемены оказались гораздо глубже по сравнению с изменениями, последовавшими за Революцией 1917 г.

III. Сталинизм

Система управления, экономический и общественный строй, создаваемые И. В. Сталиным с конца 1920-х гг., получили название сталинизма и на Западе. Форсированное «построение социализма в отдельно взятой стране», принятие первого пятилетнего плана и насильственная коллективизация сельского хозяйства должны были стать основой для перехода к индустриальному государству, упразднить существовавшие частнокапиталистические свободы в промышленной и торговой сферах, а также объединить миллионы крестьянских

хозяйств в огромные колхозы и совхозы, которым государство ставило цели и диктовало условия использования получаемой продукции. На смену «буржуазным» элитам, оставшимся на заводах и в государственных органах, в школах, вузах и прочих культурных организациях, должны были прийти новые пролетарские кадры (этот процесс получил название Культурной революции). Всем «бывшим» — «пережиткам прошлого», «саботажникам» социалистического прогресса, «врагам советского народа» и «шпионам» капиталистических режимов — была объявлена безоговорочная война (чистки): они подвергались арестам, представляли перед судом и выслушивали обвинительные приговоры на показательных процессах, а затем отправлялись в ссылку в отдаленные регионы страны. Миллионы человек были распределены по трудовым колониям и исправительно-трудовым лагерям, сотни тысяч были расстреляны.

Слово «сталинизм» использовалось в качестве политического лозунга уже современниками и включало в себя оценочные, описательные и аналитические элементы. Журналист У. Дюранти, корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс», работавший в Советском Союзе в 1930-е гг., ввел в обиход термин «сталинизм» по аналогии с марксизмом и ленинизмом: он рассматривал марксизм как теорию, ленинизм — как дискуссию вокруг данной теории, а сталинизм — как ее применение на практике. Он считал, что сталинская революция сверху стала продолжением реформ Ивана IV, Петра I и Александра II. По его словам, реформы в России всегда проводились сверху, а автократический режим, выступающий за «всеобщее благо», ближе к азиатскому образу мышления русских, чем представления об индивидууме, свободном предпринимательстве и чем НЭП, проводимая в Советском Союзе с начала 1920-х гг. За статьи, описывающие жизнь в сталинской России, Дюранти получил Пулитцеровскую

премию в 1932 г. Сообщения об ужасном голоде, приведшем к смерти миллионов людей в 1932–1933 гг., Дюранти называл «преувеличением и злонамеренной пропагандой». Осенью 1933 г. США (последней из великих держав) «нормализовали» отношения с Советским Союзом, 16 ноября 1933 г. были установлены дипломатические отношения между обоими государствами. 15 сентября 1934 г. СССР поступило официальное приглашение со стороны 30 стран — членов Лиги Наций присоединиться к данному международному союзу, что СССР и сделал три дня спустя.

Безусловно, были и другие западные аналитики, которые «с меньшим пониманием» относились к сталинскому Советскому Союзу и описывали его политическое устройство прежде всего как вариант нового, тоталитарного государства, а сталинизм называли (наряду с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом) противоположностью западной модели демократического парламентского правового государства. В ноябре 1939 г. в США прошел первый симпозиум, посвященный понятию «тоталитаризм». Данное мероприятие состоялось через несколько месяцев после подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (в августе 1939 г.), начала войны (в сентябре 1939 г.) и подписания Договора о дружбе и границе между обоими тоталитарными государствами (в конце того же месяца). Однако и в этой сфере ситуацию вскоре пришлось пересмотреть: в июне 1941 г. национал-социалистическая Германия напала на Советский Союз, который вступил в коалицию с другими западными странами.

Алексей Викторович Гусев, к. и. н.
*Доцент кафедры истории общественных движений
и политических партий исторического факультета
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова (Россия)*

Лев Троцкий — теоретик европейской интеграции

В период после Второй мировой войны одним из главных процессов в сфере международных отношений стала экономическая и политическая интеграция стран Европы, приведшая к образованию Европейского союза, который играет важнейшую роль на мировой арене. Однако предпосылки европейской интеграции — как объективные, так и идейные — начали формироваться намного раньше. Изучение этих предпосылок, необходимое для понимания генезиса европейского единства, требует обращения к проектам евроинтеграции, которые разрабатывались различными общественно-политическими движениями и теоретиками начиная с середины XIX в., когда эта идея стала утверждаться и набирать влияние в европейском идейно-политическом дискурсе.

Одним из тех, кто интенсивно работал над этой концепцией, был Лев Давидович Троцкий — видный деятель и теоретик российского и международного социал-демократического, а затем коммунистического движения, один из руководителей советского государства в первые годы его существования. С именем Троцкого тесно связан проект создания Соединенных Штатов Европы, который он отстаивал до самого конца своей жизни. Над последней своей статьей, где рассматривалась связанная

с этим проблематика*, он работал 20 августа 1940 г. — в тот самый день, когда был смертельно ранен в Мексике агентом НКВД: незаконченная рукопись так и осталась лежать на его столе, и ее сегодня могут увидеть посетители Дома-музея Льва Троцкого в Мехико.

Троцкий впервые сформулировал свою концепцию объединения стран Европы в Соединенные Штаты в работе «Война и Интернационал», написанной в 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны. К этому времени идея европейской интеграции уже имела свою историю. В 30-е гг. XIX в. ее выдвигало движение Дж. Мадзини «Молодая Европа», противопоставившее объединение европейских наций на демократических началах «Священному Союзу» консервативных монархий. С 40-х гг. ее пропагандировало на «международных конгрессах мира» пацифистское движение (наиболее известным выразителем этой идеи выступал В. Гюго). В то же время принцип международной интеграции составил одну из основ идеологии социалистического движения, которое изначально рассматривало себя как интернациональное по самой своей природе. Уже в 1848 г. в «Коммунистическом манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса говорилось о том, что капитализм, развивая международную торговлю и утверждая единообразие промышленного производства, теснейшим образом связывает между собой цивилизованные страны, порождает взаимозависимость между ними. Соответственно и пролетарская революция мыслилась Марксом и Энгельсом как продукт «соединения усилий» этих цивилизованных — прежде всего европейских — стран, ведущий к их дальнейшему объеди-

---

* *Троцкий Л. Д.* Бонапартизм, фашизм и война // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 84. Август — сентябрь — октябрь 1940 г. С. 29–33.

нению, ускорению интеграции^{*}. В начале 90-х гг. XIX в., незадолго до своей смерти, Энгельс прямо высказался за создание государственного объединения европейских стран — Соединенных Штатов Европы — в результате революционных общественных преобразований^{**}. Таким образом, социалисты с самого начала связывали перспективу политического объединения Европы, опирающегося на объективные экономические тенденции, с общеевропейской революцией, с приходом к власти в европейских странах рабочих партий.

В начале XX в. обострение борьбы между «великими державами» на мировой арене стимулировало дальнейшую разработку социалистами концепции Соединенных Штатов Европы, создание которых должно было заменить межгосударственные конфликты сотрудничеством между народами и гарантировать международный мир, обеспечив условия экономического прогресса. Эту идею развивали такие ведущие теоретики социал-демократического движения, как О. Бауэр, К. Каутский, Парвус (А. Л. Гельфанд). В частности, Каутский, ведущий идеолог Социалистического Интернационала, писал в 1911 г.: «Соединенные Штаты Европы и их последующее превращение в Соединенные Штаты Цивилизованного Мира — это государственная основа грядущего социалистического общества»^{***}.

Однако конфронтация между различными блоками государств все же вылилась в 1914 г. в Первую мировую войну. И с самого начала войны тема объединения

---

^{*} Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М., 1955. С. 427–428, 444–445.

^{**} Интервью Ф. Энгельса корреспонденту английской газеты *Daily Chronicle* в конце июня 1893 г. // Там же. Т. 22. М., 1962. С. 568.

^{***} *Kautsky K. War and Peace* [Каутский К. Война и мир] // *Justice*. 29 April 1911. P. 2.

Европы заняла важное место в работах Троцкого — она красной нитью проходит через его упомянутую выше брошюру «Война и Интернационал» и серию статей в издававшихся им в Париже газетах «Голос» и «Наше слово». К тому времени Троцкий имел известность в российском и международном социалистическом движении как выдающийся публицист, один из лидеров Революции 1905 г. в России, возглавлявший на пике революционных событий Петербургский Совет рабочих депутатов, и оригинальный теоретик — разработчик концепции перманентной революции. В Российской социал-демократической рабочей партии он занимал внефракционную позицию, не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам и выступая за преодоление партийного раскола. С началом войны Троцкий стал одним из ведущих представителей антивоенного, интернационалистического крыла РСДРП, которое категорически осуждало войну как захватническую и несправедливую со стороны всех ее участников. Работы Троцкого не только печатались на русском языке в социалистической прессе, но и переводились на иностранные языки, так что их аудитория была довольно широка.

Главную причину мировой войны Троцкий видел в противоречии между развитием экономики и национально-государственной формой ее организации. Капиталистическое хозяйство, писал он, переросло рамки отдельных государств, производительным силам стало тесно в национальных границах, они требуют более широкого простора, нуждаются в едином экономическом пространстве, не разделенном на части таможенными и иными перегородками. В условиях капитализма эта объективная и прогрессивная тенденция находит хищническое проявление в империалистической политике: стремлении государств к максимальному расширению, захвату все новых территорий. Отсюда столкновения

между наиболее мощными государствами, их борьба за передел мира в свою пользу. А это несет с собой невиданные прежде разрушения и человеческие жертвы: «Экономическое соперничество под знаком милитаризма сменяется мировым разбоем и разгромом, дезорганизующим самые основы человеческого хозяйства»*.

Но противоречиями между экономикой и государством проблема не исчерпывается. Экономика и государство вступают также в конфликт с нацией. Стремясь к расширению под воздействием экономических императивов, «государство попирает нацию». Экспансия империалистических держав означает подчинение и закабаление более слабых наций, нарушение их национальных прав, отрицание национальной свободы. Происходит столкновение двух противоположных тенденций — укрупнения государств и стремления народов к национальной самостоятельности**.

В статьях 1915 г. «Империализм и национальная идея», «Нация и хозяйство» Троцкий показывает, что, хотя обе воюющие коалиции — Антанта и Центральные державы — утверждают, что сражаются за торжество «национального принципа», за освобождение угнетенных народностей, на самом деле — это не более чем демагогическая пропаганда. «Освободить» хотят только народы, угнетенные государствами враждебного блока, защищая при этом свое «право» угнетать собственные национальные меньшинства и колонии***.

---

* Троцкий Л. Д. Война и Интернационал // Война и революция. Крушение второго Интернационала и подготовка третьего. Пг., 1922. С. 73–74.

** Троцкий Л. Д. Нация и хозяйство // Сочинения. Т. 9. М.-Л., 1927. С. 115.

*** Там же. С. 209–216; Он же. Империализм и национальная идея // Там же. С. 207–209.

Каким бы ни был исход империалистической войны, писал Троцкий, проблемы, породившие ее и обостренные ею, останутся нерешенными. Если Германия победит и подчинит Европу своему господству, это будет означать установление на континенте режима имперского деспотизма, с которым не смирятся подчиненные нации, а значит, будут неизбежны новые конфликты. Если победит Антанта, то, опять же, сохранится угнетение колоний, а дальнейшее раздробление Европы на части, ее «балканизация» в результате поражения Германии, Австро-Венгрии и Турции будет прямо противоречить объективным объединительным тенденциям. При этом разделение проигравших империй на национальные государства и, как выражается Троцкий, «государствица», не сможет разрешить национальный вопрос: «На другой же день после национального передела капиталистическая экспансия возобновила бы свою работу, начались бы столкновения, войны и новые захваты с полным нарушением национального принципа...» Независимые Польша и Венгрия точно так же стали бы нарушать права других национальностей, как это уже делает, например, Сербия в отношении албанцев. Таким образом, Европе предстояли бы новые межгосударственные столкновения и войны*.

Единственный выход из этого тупика, способ реального разрешения противоречий между экономикой, государством и нацией Троцкий видел в объединении европейских стран в республиканские Соединенные Штаты Европы: «Место замкнутого национального государства должна занять широкая демократическая федерация передовых государств на основе устранения всяких таможенных перегородок»**. Во-первых, это создаст на Европейском континенте единое экономическое про-

---

* *Он же.* *Нация и хозяйство...* С. 211–212.

** *Там же.* С. 215.

странство, которого требует современная экономика. Во-вторых, это снимет политические противоречия между европейскими государствами. В-третьих, только это даст возможность подлинного самоопределения всех наций и народностей, свободного и полноценного развития национальных культур. Устранение экономических и межгосударственных противоречий будет означать и разрешение межнациональных конфликтов.

Таким образом, создание СШЕ должно было обеспечить условия для дальнейшего экономического развития на основе прочного мира. Именно лозунг «Соединенные Штаты Европы — без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии» Троцкий считал «важнейшей составной частью пролетарской программы мира», направленной против империалистической войны*. «Программа мира» — именно такое название дал Троцкий изданному в начале 1917 г. сборнику своих статей, в которых развивалась концепция СШЕ.

Однако Троцкий признавал, что созданию европейских Соединенных Штатов препятствует столкновение интересов капиталистических группировок и бюрократии различных европейских стран. Они не желают объединяться — наоборот, стараются ограждать свои территориальные владения все новыми таможенными и тарифными барьерами. Поэтому надежды на объединение Европы «сверху», путем соглашения капиталистических правительств безосновательны. Объединение возможно только «снизу» — посредством общеевропейской революции, уничтожающей не только империи, но и господство капиталистов, то есть пролетарского восстания, передающего власть в руки рабочего класса.

---

* *Он же*. Программа мира // Сочинения. Т. 3. Ч. 1. 1917. От февраля до октября. М.-Л., 1924. С. 86.

«Объединение Европы, сулящее огромные выгоды производителю и потребителю, всему вообще культурному развитию, — писал Троцкий, — становится революционной задачей европейского пролетариата в его борьбе с империалистическим протекционизмом и его орудием — милитаризмом»*. Таким образом, по мнению Троцкого, СШЕ представляли собой форму — причем «единственно мыслимую форму» — диктатуры европейского пролетариата**.

Такая постановка вопроса встретила критику со стороны другого видного деятеля российского и международного социал-демократического движения — лидера большевистской фракции РСДРП В. И. Ленина. Хотя первоначально, в сентябре 1914 г., большевистский ЦК поддержал лозунг СШЕ, вскоре эта позиция была пересмотрена. В статье 1915 г. «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин выдвигал против него три аргумента:

Во-первых, при капитализме возникновение СШЕ либо невозможно вследствие конкуренции и противоположности интересов капиталистов разных стран, либо реакционно, так как означало бы альянс европейских капиталистов с целью подавления рабочего движения и совместного ограбления колоний.

Во-вторых, при переходе к социалистическому строю лозунг СШЕ не актуален, так как речь должна идти о более крупном, глобальном объединении — Соединенных Штатах Мира.

В-третьих, лозунг СШЕ опасен тем, что может породить представление о возможности только единовременной

---

* Там же. С. 85–86.

** Там же. С. 92.

общеевропейской революции, тогда как на самом деле социалистический переворот может сначала победить в нескольких или даже в одной стране и лишь затем постепенно распространиться на другие европейские страны. Такая вероятность, по мнению Ленина, вытекала из неравномерности экономического и политического развития на мировой арене — «безусловного закона капитализма»*.

Для Троцкого эти аргументы звучали неубедительно, и он вступил с Лениным в полемику, защищая свою теорию. Он доказывал, что даже очень маловероятное объединение Европы при сохранении капитализма в форме «империалистического треста» имело бы не реакционный характер, как считал Ленин, а «означало бы шаг вперед по сравнению с нынешним состоянием, ибо означало бы объединенную общеевропейскую базу для рабочего движения». Пролетариату в этом случае пришлось бы бороться не за возврат к «автономному» национальному государству, а за превращение империалистического треста государств в республиканскую европейскую федерацию. Опасения Ленина, что объединение капиталистических государств усилит капитализм, равнозначны не свойственному марксистам осуждению укрепления и централизации капиталов, замены мелких предприятий крупными**.

Что же касается неравномерности экономического и политического развития, то «самая эта неравномерность весьма неравномерна». Между уровнем развития различных европейских стран есть разница, но по сравнению с Африкой или Азией все эти страны пред-

---

* Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полное собрание сочинений. Т. 26. М., 1969. С. 351–355.

** Троцкий Л. Д. Программа мира... С. 87.

ставляют собой качественно более развитую общность, уже созревшую для революции. Эти страны в большей степени, чем все другие, связаны между собой — как экономически, так и культурно-исторически, и географически. Связь их с Америкой или Австралией менее тесная, поэтому революция за океаном может развиваться в свои сроки и своим собственным темпом. Но если пролетарская революция начнется в какой-либо европейской стране, то она должна будет неизбежно распространиться на другие — или же в конечном итоге потерпит поражение. Безнадежно думать, писал Троцкий, что, «например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире»*. Таким образом, без объединения Европы усиленное строительство социалистического общества невозможно.

Завершение Первой мировой войны поражением Центральных держав и создание Версальской системы не поколебали уверенности Троцкого в необходимости создания СШЕ. Уже будучи одним из руководителей Советского Союза и Коммунистического Интернационала, он вновь возвращается к этой идее в начале 1920-х гг. В январе 1923 г. газета «Правда» публикует его статью «О своевременности лозунга “Соединенные Штаты Европы”», в которой он доказывает, что Версальская система не может быть устойчивой, и в силу тех же причин, которые вызвали Первую мировую войну, Европу ждут новые потрясения. Один из симптомов этого — оккупация франко-бельгийскими войсками в начале 1923 г. Рурского региона Германии, составлявшего 7 % территории страны и являвшегося ее основным угледобывающим районом. Эту оккупацию, произведен-

---

* Там же. С. 89–90.

ную под предлогом необходимости выплаты Германией репараций странам-победительницам и вызвавшую сопротивление со стороны немецкого населения, Троцкий характеризовал как империалистически искаженное проявление объективной потребности в хозяйственном объединении Европы, в «сочетании рурского угля и лотарингского железа». «Европа, — писал он, — не может развивать свое хозяйство в тех государственно-таможенных границах, какие навязаны Версалем. Она должна снять эти границы, иначе ей грозит полный экономический упадок». Значит, необходимо создание Социалистических Соединенных Штатов Европы, причем с участием Советского Союза, которое обеспечит объединение европейского промышленного потенциала «с необъятными естественными богатствами России». СССР, добавляет Троцкий, должен также сыграть роль моста между Европой и Азией, где также разворачивается революционный процесс*.

С этого времени по инициативе Троцкого лозунг Соединенных Штатов Европы берется на вооружение Коминтерном и активно пропагандируется в его литературе — в частности, в вышедшей в 1926 г. книге руководителя Информационного отдела Коминтерна Джона Пеппера «Социалистические Соединенные Штаты Европы»**. Однако уже к концу 20-х гг. Коминтерн от идеи СШЕ отказался: в программе Интернационала, принятой на его VI конгрессе в 1928 г., она уже не фигурирует***. Это было

---

* *Он же*. О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» (В порядке международной дискуссии) // Сочинения. Т. 12: Основные вопросы пролетарской революции. М.-Л., 1925. С. 368–372.

** *Pepper J.* Les Etats-Unis de l'Europe Socialiste [*Пеннер Ж.* Соединенные Штаты Социалистической Европы]. Paris, 1926.

*** Программа Коммунистического Интернационала // Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 6. М.-Л., 1929. С. 7–55.

связано с утверждением в ВКП(б), а значит, и в Коминтерне, доктрины построения социализма «в одной отдельно взятой стране», которую разрабатывали Иосиф Сталин и Николай Бухарин. Согласно этой доктрине, завершение строительства бесклассового, экономически превосходящего капитализм социалистического общества вовсе не требовало объединения Европы, а было вполне возможно в рамках одного Советского Союза. Противоположная точка зрения была объявлена «троцкистской» ересью, несовместимой с марксизмом-ленинизмом. Троцкий, выступавший против сталинско-бухаринской концепции, потерпел поражение во внутрипартийной борьбе, был в 1927 г. исключен из Компартии, в 1928 г. сослан в Казахстан, а в 1929 г. выслан из СССР.

В своей полемике против идеи «социализма в отдельной стране», которую он вел начиная с середины 20-х гг., Троцкий неоднократно обращался к своей концепции европейской интеграции как экономического императива и необходимого фундамента для перехода к социализму. Он доказывал, что, хотя Советская Россия и сумела выжить в капиталистическом окружении, к действительному созданию социалистического строя она «не пришла и даже не подошла»*. Советская экономика — часть европейского и мирового хозяйства, она связана с ними, зависит от них и не может постоянно развиваться в изоляции. Троцкий указывал, в частности, на тот факт, что все планы экономического развития СССР строились на основе экспортно-импортных планов, а оборудование и технологии для советских предприятий ввозились в основном из-за рубежа**. Создать в рамках одной страны (тем более такой,

---

* *Троцкий Л. Д.* Послесловие к «Программе мира» (1922 г.) // Сочинения. Т. 3. Ч. 1: 1917. От февраля до октября... С. 92.

** *Он же.* Коммунистический Интернационал после Ленина. М., 1993. С. 98–99.

как Россия) производительные силы, превосходящие производительные силы всего капиталистического мира, он считал невозможным. В своей «Критике программы Коминтерна», написанной в ссылке в 1928 г., Троцкий подчеркивал, что уже Первая мировая война и последовавшие за ней кризисы показали, что даже капиталистическая экономика не может более развиваться, будучи стиснутой национально-государственными границами. Но если «капитализм в одной стране» уже зашел в тупик, то тем более не может существовать и национально изолированный социализм — эта идея представляет собой реакционную утопию*. Троцкий настаивал, что Советскому Союзу не нужно отгораживаться от других стран «китайской стеной», — ему необходима не независимость от международной экономики, а высокая производительность, чего невозможно достичь без широкого использования ресурсов мирового рынка, возможностей глобального разделения труда. «Автаркия, — писал он, — это идеал Гитлера, не Маркса и не Ленина»**.

Уже находясь в начале 30-х гг. в эмиграции, Троцкий рассуждал о том, как могла бы строиться экономическая интеграция между СССР и передовыми странами Европы. В статье «Пятилетка и мировая безработица» и других статьях на страницах издававшегося им журнала «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» он в противовес сталинской внешнеэкономической политике, которая, по его словам, носила «случайный, частичный и бессистемный» характер***, выдвигал

---

* Там же. С. 102–103.

** *Он же.* Советское хозяйство в опасности (Перед второй пятилеткой) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 31. Ноябрь 1932 г. С. 4–5.

*** *Он же.* Мировая безработица и советская пятилетка (Письмо к коммунистическим рабочим Чехословакии) // Там же. № 15–16. Сентябрь-октябрь 1930 г. С. 32.

нул проект долгосрочного, рассчитанного на 10–15 лет и более советско-европейского экспортно-импортного плана. В рамках такого общего плана, включающего программу поставок промышленной продукции из Европы в СССР и поставок советских сырьевых товаров в Европу, можно было бы, по мнению Троцкого, с одной стороны, удовлетворить нарастающие технические потребности советской экономики, а с другой — способствовать снижению безработицы в Европе, достигшей огромных масштабов в условиях кризиса рубежа 20–30-х гг. Стоявшие у власти в то время в Англии и Германии социал-демократические правительства, опиравшиеся на массовые рабочие организации, могли бы, по мнению Троцкого, принять такой план, который бы зримо продемонстрировал преимущества экономического объединения Европы и плановых начал в экономике*.

Однако возможностей для практической реализации этого плана у Троцкого-эмигранта уже не было, и его проект так и остался на страницах «Бюллетеня оппозиции».

Прогноз Троцкого относительно неустойчивости Версальской системы и неизбежности нового вооруженного конфликта между ведущими державами мира оправдался с началом Второй мировой войны. В этой ситуации ему оставалось только повторить то, что он говорил и писал начиная с 1914 г.: столкновение империалистических держав выражает восстание производительных сил против сдерживающих их развитие национально-государственных оков. «Экономическое объединение Европы, — говорил Троцкий в интервью американскому журналисту Ю. Клейману в 1940 г., — стало для

---

* Там же. С. 30; *Он же*. Пятилетка и мировая безработица // Там же. № 10. Апрель 1930 г. С. 10–13.

нее вопросом жизни и смерти»*. Показательно, что оба противостоящих блока государств утверждали теперь, что борются за единство Европы: А. Гитлер обещал создать «Европейское сообщество» во главе с Великой Германией, представители Антигитлеровской коалиции сулили образование демократической Европейской федерации. Но в действительности, писал Троцкий в «Манифесте Четвертого Интернационала» в мае 1940 г., Германия хочет загнать Европу в тоталитарную казарму, а план союзников может лишь создать в Европе «ухудшенное повторение Лиги Наций, со всеми ее пороками, но без ее иллюзий»**. Действительная же альтернатива пережившим себя буржуазным государствам — это Социалистические Соединенные Штаты Европы, в которые должен войти и СССР, освобожденный от сталинской бюрократической тирании. Троцкий так рисовал эту перспективу: «Хозяйство объединенной Европы будет вестись как единое целое. Вопрос о государственных границах будет вызывать так же мало страстей, как ныне вопрос об административных границах внутри государства. Межевые линии внутри новой Европы будут устанавливаться в зависимости от потребностей языка и национальной культуры, на основании свободного решения заинтересованных групп населения... “Трезвым” политикам это покажется утопией? Но каннибалам утопией казался в свое время отказ от человеческого мяса»***.

---

* Мировое положение и перспективы (Ответы Л. Д. Троцкого на вопросы, поставленные американским журналистом г. Ю. Клейманом) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 82–83. Февраль — март — апрель 1940 г. С. 10.

** Манифест Четвертого Интернационала. Империалистская война и пролетарская революция // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 84. Август — сентябрь — октябрь 1940 г. С. 16–17.

*** Мировое положение и перспективы. С. 10.

Как мы знаем, это предсказание реализовалось лишь частично. Европейской социалистической революции, на которую Троцкий рассчитывал и в которой видел единственный реальный путь к объединению Европы, не произошло. Однако объединение все же состоялось, и в основе его лежали прежде всего экономические факторы. Потребность в координации сначала производства угля и стали, затем в других сферах, вплоть до формирования единого экономического пространства, способствовала утверждению общеевропейских политических и правовых институтов. Оправдался и прогноз Троцкого в отношении тупиковости пути построения в СССР социалистической системы, изолированной от Европы и мира. Объективные социально-экономические факторы привели в конечном итоге к выходу нашей страны из изоляции и сделали Европу ее главным внешнеэкономическим партнером. Можно предположить, что процесс европейской интеграции до сих пор не закончен, и свою роль в нем предстоит сыграть России, которая, по образному выражению Льва Троцкого, образует мост между объединенной Европой и развивающейся Азией.

Леонид Михайлович Люкс,
хабилитованный доктор, профессор.
Научный руководитель Международной лаборатории
исследований русско-европейского интеллектуального
диалога при НИУ ВШЭ (Россия); бывший директор
Института исследований в Центральной и Восточной
Европе в Католическом университете Айхштатт-
Ингольштадта (Германия)

Новые акценты взаимоотношений России и Запада на примере евразийского движения*

I

Евразийское движение, возникшее в среде русской эмиграции в 1921 г., стало совершенно новым феноменом в интеллектуальной истории России. Оно вышло за рамки традиционного русского спора западников и славянофилов и принадлежало к самым оригинальным течениям постреволюционной России. Такого мнения придерживались многие исследователи уже вскоре после возникновения данного движения**. Оригиналь-

---

* Данный текст преимущественно основывается на следующих работах: *Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang* [Люкс Л. Идеология евразийцев в современной истории] // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [Альманахи по истории Восточной Европы]. 34 (1986). S. 374–395; *Luks L. Anmerkungen zum „revolutionär-traditionalistischen“ Kulturmodell der „Eurasier“* [Люкс Л. Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев»] // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte* [Форум восточноевропейской истории идей и современной истории]. 7 (2003). Heft 1. S. 141–161. Там приводятся как ссылки на библиографию по данной теме, так и подробные ссылки на источники.

** К вопросу о евразийском движении в см.: *Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zu russischen Ideengeschichte des 20.*

ность евразийцев заключалась не в последнюю очередь и в том, что они уделяли гораздо больше внимания азиатским элементам российской истории и современности, чем это обычно делалось раньше.

Недостаточное внимание к азиатскому элементу российской традиции было связано, конечно, с тем, что со времен Петра Великого Россия непрерывно боролась за славу европейской державы. Западная общественность, в свою очередь, реагировала на данные усилия, как правило, крайне скептически. На Западе был очень распространен тезис о том, что Россия является своего рода чужеродным образованием в Европе и что, несмотря на поверхностную европеизацию, она по сути своей осталась азиатской страной. При этом понятия евро-

---

Jahrhunderts [Бёсс О. Учение евразийцев. Вклад в историю идей в России XX в.]. Wiesbaden, 1961; *Riasanovsky N. The Emergence of Eurasianism* [Рязановский Н. Возникновение евразийства] // *California Slavic Studies* [Калифорнийские славянские исследования]. 4 (1967). S. 39–72; *Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“*. Zur antiwestlichen Versuchung in Russland und in Deutschland [Люкс Л. «Евразийцы» и «консервативная революция». К истории антизападных тенденций в России и Германии] // *Deutschland und die russische Revolution 1917–1924* [Германия и русская революция 1917–1924] / hrsg. L. Kopelev, G. Koenen. München, 1998. S. 219–239; *Halem F. Die Rechtsansichten der Eurasier — Rechtsordnung oder Wertordnung* [Халем Ф. фон. Юридические взгляды евразийцев — порядок, основанный на праве или на ценностях] // *Halem F. Recht oder Gerechtigkeit? Rechtsmodelle in Ost und West von der Antike bis zur Moderne* [Его же. Право или справедливость? Правовые модели на Востоке и Западе с античных времен до современности]. Köln, 2004. S. 163–211; *Halem F. Die Wiederkehr der Eurasier* [Его же. Возвращение евразийцев] // *Op. cit.* S. 119–161; *Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland* [Видеркер Ш. Евразийское движение. Наука и политика в русской эмиграции после Первой мировой войны и в постсоветской России]. Köln, 2007; *Laruelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire* [Ларюэль М. Русское евразийство. Идеология империи]. Baltimore, 2008.

пейский и западный отождествлялись; и тот факт, что у Европы есть свой Восток, как правило, не учитывался. Выступления различных российских авторов против столь узкой трактовки Европы были, как правило, безрезультатны. Российская революция лишь добавила остроты в данную дискуссию. Социолог культуры Альфред Вебер писал в 1925 г., что большевистская власть способствовала обратной азиатизации России. Россия лишь временно и случайно оказалась включенной в европейскую систему межгосударственных отношений. Ее выход из состава Европы является, по мнению данного автора, возвращением в свое исходное состояние*.

Такого рода аргументы вызывали у ведущих представителей русской интеллигенции апологетические реакции. Они старались любой ценой доказать, что Россия является частью Европы. Евразийцы вели себя совсем иначе. На западный изоляционизм они отвечали столь же ярко выраженным восточным изоляционизмом. Они тоже считали, что Россия лишь по случайности оказалась включенной в систему европейских межгосударственных отношений, а на самом деле делать ей в Европе нечего. Она должна повернуться к Востоку и закрыть открытое Петром Великим окно в Европу. Их первый сборник носил программное название «Исход к Востоку»**. Надежды славянофилов на славянство не оправдались, писали издатели того сборника. Поэтому евразийцы обращают свой взгляд на Восток, на народы, населяющие Российскую империю. Ни одно европейское государство невозможно сравнить с Россией, пишут авторы, поскольку Россия —

---

* Weber A. Die Krise des modernen Staatsgedankens in Europa [*Вебер А. Кризис современной государственной мысли в Европе*]. Stuttgart, 1925. S. 119.

** Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

это не страна в обычном понимании, а самостоятельный континент — Евразия.

Свое обращение к Востоку евразийцы подчеркивали идеализацией периода татарского владычества в истории России, противостоя таким образом традиционному российскому взгляду. Лингвист князь Н. С. Трубецкой, географ П. Н. Савицкий, историк Г. В. Вернадский и прочие евразийцы считали непосредственным предшественником Российской империи не Киевскую Русь, а империю Чингисхана. Трубецкой писал, что Киевская Русь охватывала только 1/20 часть современной территории России, а Монгольская империя примерно соответствовала площади современной России. Для Трубецкого идея государства Киевская Русь была провинциальной, в отличие от идеи Монгольской империи. Сначала завоеванная Русь восприняла идею глобальной империи монголов как нечто чужеродное, но долго сопротивляться ее привлекательности было невозможно. В XVI в. Великое княжество Московское переняло у татар идею о единстве Евразии*.

Хотя такая переоценка татарского ига имела не только исторические, но и актуальные импликации, дискуссия по данному вопросу, как правило, ограничивалась узким кругом ученых. Большой резонанс получили другие идеи евразийцев. Например, их критика Запада. Радикальность этой критики превосходила все, что до тех пор говорилось в России по данной теме.

Европейскую мысль о мессианстве, которую европейцы переняли у Древнего Рима, евразийцы считали тем, что держит человечество в заложниках, и в первую очередь

---

* I. R. [*Трубецкой Н. С.*]: Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 3–5, 18–23.

несет ответственность за кризисы XX в. В 1920 г. в своей часто цитируемой книге «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой писал, что убежденность жителей Западной Европы в том, что они одни являются цивилизованными людьми, столь сильна, что переносится даже на многие неевропейские народы. Россию Трубецкой рассматривает не как великую европейскую державу, а как составную часть остального мира, находящегося в духовном и материальном подчинении у европейцев. Россия, по его мнению, должна принять участие во всемирном восстании неевропейцев против доминирования старого континента. Причем этот протест должен быть направлен не только вовне, но и, прежде всего, внутрь. Неевропейцы должны преодолеть перенятый ими у Запада предрассудок о неполноценности собственной культуры и разоблачить эгоцентризм, скрывающийся за кажущимся универсализмом европейцев*.

В отличие от О. Шпенглера и прочих западных пессимистов, Трубецкой отнюдь не считал, что Европа уже по большей части утратила свою гегемонию. Трубецкой опасался, что победное шествие Европы в мире будет продолжаться непрерывно, так как все больше народов испытывают восхищение перед европейской культурой. Он считал, что не только духовная, но и политическая, и экономическая гегемония Запада находится в относительной безопасности. Единственный шанс для России выйти из-под этой гегемонии Трубецкой видел в тесной связи с движениями освобождения колониальных народов. Будущее России, по его мнению, должно заключаться не в восстановлении своей роли великой европейской державы, а в том, что она может встать во главе всемирного восстания против Европы.

---

* *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995. С. 100–104.

Здесь проявляется удивительная параллель с аргументами большевиков, которые тоже хотели сделать Россию центром восстания против всемирной гегемонии Европы. В обоих случаях считалось, что зависимые народы будут рассматривать Россию как равную себе страну, то есть не как европейскую гегемонию, а как такую же подчиненную нацию, не имеющую ничего общего с Европой. Это предположение оказалось неверным. Для многих неевропейских народов Россия по-прежнему оставалась европейской империалистической державой. Разрыв с Европой дался России не так просто, как надеялись большевики и Н. С. Трубецкой.

II

Поставив под сомнение статус России как европейской державы, евразийцы придали новое качество критике Запада, этому древнему топосу русской философии истории. Данные новые акценты соответствовали революционному характеру эпохи, на которую пришлись активные действия евразийцев. В дореволюционной России подобные голоса раздавались лишь изредка.

Наблюдатели, видящие в евразийцах продолжателей славянофильских и панславистских течений, недооценивают радикальность заявленного противостояния евразийцев Западу. Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и их единомышленники упрекали славянофилов, порой считающихся их предшественниками, в том, что они забывали, что территория России простирается не только в Европе, но и в Азии.

Такие мыслители из лагеря славянофилов, как А. С. Хомяков или Ф. М. Достоевский, высказывались о достойных преклонения сокровищах западной культуры, о «святых камнях» Запада, что было совершенно немыслимо

для евразийцев. Также немыслимы для евразийского лексикона были бы тезис Хомякова о России как защитной стене Европы против азиатской (татарской) угрозы* и слова Достоевского о русской миссии европеизировать Азию: «В Европе мы были [...] рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы», — пишет Достоевский в 1881 г. в своем «Дневнике писателя»**.

Определенным образом евразийская концепция была связана с панславянской программой Н. Я. Данилевского, который в своей вышедшей в 1869 г. книге «Россия и Европа» крайне резко опровергал тезис об универсальном значении европейской культуры и подчеркивал самостоятельную ценность отдельных национальных культур, прежде всего славянской. Евразийцы также были страстными противниками универсалистских моделей культуры и сторонниками культурного партикуляризма. Но все же евразийцы отрицали панславизм как таковой, считая его подражанием западным «пан-движениям». Они считали, что с духовной и культурной точек зрения русские имели мало общего со славянами, проживавшими за пределами России.

Из всех духовных предшественников евразийцев, часто указываемых и ими самими, их позиция, наверное, ближе всего была к воззрениям К. Н. Леонтьева. Еще В. В. Зеньковский указывал в своей книге «Русские мыслители и Европа» на то, что Леонтьев со своим скептическим отношением к славянству по-настоящему близок к позициям евразийцев. Кроме того, Леонтьев, подобно

---

* Хомяков А. С. Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 1. М., 1995. С. 453.

** Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Париж, [б/г]. С. 609.

евразийцам, хотел отгородить Россию от Запада глухой стеной, чтобы уберечь самобытность русской культуры от западных влияний. Уже Леонтьев указывал на крайне важный и для евразийцев азиатский «туранский» компонент национального характера русских: «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — Туранской — нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое»*.

С другой стороны, между взглядами Леонтьева и евразийством имелись и принципиальные различия. В отличие от евразийцев, Леонтьев отвергал не западную культуру как таковую, а критиковал в первую очередь ее буржуазность и демократичность, восторжествовавшие в результате Французской революции. Старая, феодально-аристократическая Европа оценивалась Леонтьевым крайне положительно.

Таким образом, поиски прямых предшественников евразийцев в русской истории идей остаются безрезультатными. Американский историк Н. Рязановский справедливо указывает на то, что евразийская программа в целом не могла опереться непосредственно ни на какую традицию в предреволюционной России**. Также и другие исследователи характеризовали евразийцев как, пожалуй, наиболее оригинальное российское направление послереволюционной эпохи, которое не обладало никакими непосредственными предреволюционными корнями, как порождение русской революции. Не в последнюю очередь поэтому некоторые исследователи усматривали параллели между идеологиями евразийцев и большевиков. Однако между обеими программами

---

* Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Т. 1. СПб., 1885. С. 285.

** *Riasanovsky*. Op. cit.

существовало принципиальное различие. В отличие от евразийцев большевики ни в коей степени не верили в самоценность неевропейских культур. Подобно большинству западноевропейцев, столь жестко критикуемых евразийцами, большевики тоже верили в то, что западная культура обладает универсальным характером.

Кроме того, той революции, за которую выступали евразийцы, был чужд футуристический пафос революции большевистской. Их «золотой век» лежал не в «светлом будущем», а в прошлом. Но не в непосредственном прошлом, как для русских монархистов, а в далекой древности. Радикально новое представляет собой, по сути, обновление очень древнего, говорил в 1923 г. Н. С. Трубецкой. Любое радикальное обновление опирается на далекое, а не на непосредственное прошлое*. Трубецкой указывал здесь на тот факт, что евразийцы отвергали Петербургскую Россию во имя древней Московской Руси, во имя идеи «Третьего Рима».

Таким образом, евразийцы были и революционерами, и традиционалистами одновременно, то есть «консервативными революционерами»; этим евразийская «культурная модель» была удивительным образом сходна с возникшей в это же время моделью немецкой «консервативной революции», сыгравшей столь роковую роль в истории Веймарской республики**. Подобно евразийцам, представители «консервативной революции» тоже мечтали о разрушении гегемонии Запада. Нередко представители «консервативной революции» были, как и евразийцы, интеллектуально утонченными и великолепно формулирующими свои мысли авторами. В отличие от

---

* Трубецкой Н. С. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник. 3/1923. С. 18–29.

** Ср.: Luks. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“...

национал-социалистских демагогов они подрывали не только политический, но и духовный фундамент первой немецкой демократии. Хотя консервативные революционеры с их радикальным отказом от Запада имели, подобно евразийцам, определенных духовных предшественников (П. де Лагард, Ю. Лангбен и др.), однако как отдельное политическое течение они оформились вследствие событий 1918–1919 гг. Без Первой мировой войны, без Версаля и Веймара подобное идеологическое явление вряд ли было бы мыслимо. Уже само понятие «консервативная революция», составленное из, казалось бы, несоединимых элементов, отражало парадоксы и причудливость этого феномена. Подобно евразийцам, консервативные революционеры хотели преодолеть существующий порядок не во имя «светлого будущего», но во имя прошлого, причем очень далекого прошлого. Непосредственное немецкое прошлое — вильгельмовскую Германию — авторы консервативной революции отвергали так же решительно, как евразийцы отвергали Петербургскую Россию. Идеализации Московской Руси евразийцами соответствовала идеализация консервативными революционерами средневековой имперской идеи, во имя которой они боролись с отвергаемым ими веймарским порядком*.

III

Евразийцы практически не принимали во внимание тот факт, что столь идеализируемая ими Московская Русь постепенно начала задыхаться от собственной обособленности и самодовольства и, по крайней мере, со вре-

---

* Ср.: *Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Bd 1: Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik* [*Винклер Г. А. Долгий путь на Запад. Т. 1. История Германии от конца Священной Римской империи до падения Веймарской республики*]. München, 2002. S. 524.

мени террора Ивана Грозного столкнулась с чрезвычайным кризисом идентичности.

Чтобы преодолеть становящуюся все более глубокой культурную стагнацию, Россия срочно нуждалась в культурных импульсах извне, и откуда еще они могли прийти, если не с Запада? Не случайно, по словам российского историка культуры В. В. Вейдле, Петр I открыл окно не в сторону Мекки, не в Тибет, а в Европу. Правда, согласно Вейдле, петровский замысел имел исключительно технократическую природу. Петр отождествлял культуру с технократической цивилизацией. Тем не менее через восстановление единства европейского мира он интуитивно выбрал наиболее плодотворный для российской культуры путь развития. Далее Вейдле рассуждает о том, что следствием петровского переворота были беспримерные культурные достижения Петербургской России, но Петр также косвенно виновен и в той катастрофе, которая разрушила плоды его трудов*.

Вейдле, подобно евразийцам, осознает хрупкость фундамента, на котором была воздвигнута Петербургская Россия. Но он не видит альтернативы петровской программе. Россия не может отвернуться от Европы, потому что в результате христианизации она стала неотъемлемой частью европейской культуры. Но и для Запада потеря России имела бы непредвидимые последствия, потому что после падения Византии Россия воплощает традицию восточного христианства, от которого Запад вновь и вновь получает импульсы для своего обновления.

Так же, как Вейдле, рассуждали и другие ведущие представители русского образованного сословия в изгнании.

---

* Вейдле В. В. Задача России. Нью-Йорк, 1965.

И они тоже подчеркивали комплементарный характер отношений между Востоком и Западом и предостерегали от изоляционистских и партикуляристских тенденций, распространенных в то время как в России, так и на Западе.

Ф. А. Степун, споря с евразийцами, писал в 1924 г.: «Европеизм и азиатское начало — это две составные части сущности России. Ни одной из них мы не вправе пренебречь, ни от одной не в силах убежать»*. Н. А. Бердяев, в свою очередь, резко выступал (1925) против позиции евразийцев относительно отказа от универсальных культурных ценностей. В этом случае они, в отличие от своих славянофильских предшественников или Достоевского, недооценивают универсальный характер православия**.

Бердяев склоняется здесь к идеализации позиции славянофилов. Славянофильская критика католицизма была не менее острой, чем отказ евразийцев от т. н. латинян. Под евразийским тезисом о католицизме как безбожной ереси могли бы подписаться и некоторые славянофилы. Так что религиозная стена, которую евразийцы хотели воздвигнуть между Россией и Западом, была так же высока, как и та, которую построили славянофилы. Но, в отличие от славянофилов, евразийцы желали сделать стену между православием и другими религиями (по крайней мере в одном месте) преодолимой, а именно в направлении Востока — в отношении других религиозных сообществ, населяющих евразийскую территорию. Для авторов «Евразийства», программной работы евразийцев 1926 г., например, буддизм или ислам были

---

* *Степун Ф. А.* Евразийский временник. Кн. 3. // Современные записки. № 21 (1924). С. 405 и далее.

** *Бердяев Н. А.* Евразийцы // Путь. № 1 (1925). С. 134–139.

ближе к православию, чем католицизм*. Таким образом, евразийцы мечтали не только о культурном, но и о религиозном синтезе народов Евразии, о возникновении некоей доселе не существовавшей евразийской нации — нового политического субъекта, который должен был стать фундаментом обновленной Российской империи. Русская нация и православная вера должны были, по мысли некоторых евразийцев, играть в этой империи ведущую, но ни в коем случае не подавляющую роль, как это было в дореволюционной России.

В 1927 г. Трубецкой пишет о том, что носителем единства России до 1917 г. был русский народ. Из-за роста национального самосознания нерусских народностей монополия русских перестала быть надежной. В связи с этим Трубецкой критикует русских шовинистов. Поскольку они не были готовы идти на компромиссы с другими народами, населявшими Россию, они поставили на кон само существование империи. Их попытка сохранить уже утраченные позиции могла привести к тому, что империя сжалась до размеров своего великорусского ядра. По мнению Трубецкого, время единовластия русских в России окончательно ушло. Это вполне осознавали большевики. Они нашли нового носителя русского единства: вместо русского народа — пролетариат. Однако это мнимое решение проблемы. Классовый принцип, считает Трубецкой, лишь способствует развитию классовой ненависти и подрывает единство России. Кроме того, национальные чувства у рабочих, как правило, выражены значительно сильнее, чем классовая солидарность. Поэтому если Россия хочет остаться единым государством, она должна найти нового носителя этого единства, и таким может стать только евразийское движение, под-

---

* Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 20 и далее.

черкивающее общность всех народов России/Евразии* . В связи с этим евразийцы мечтали о том, что на смену большевикам придет евразийское движение. Евразиец К. А. Чхеидзе даже выражал надежду (1919), что постепенно удастся преобразовать большевистскую партию в партию евразийства** . И в этом отношении он был в рядах движения отнюдь не одинок — такую надежду разделяли многие его единомышленники.

Такой взгляд представляется совершенно утопическим. И это действительно так. Но, с другой стороны, не следует забывать, что время возникновения и расцвета евразийского движения — 20-е и 30-е гг. — было временем беспримерного утопического прорыва, возникновения движений, пытавшихся осуществить цели, которые уже сформулировали отдельные радикальные мыслители XIX в., но которые в целом считались полностью недостижимыми. Однако XX столетие показало, что эти утопии вовсе не были столь далеки от реальности, как поначалу казалось. В XIX в. часто высказывалось сожаление, что утопии хотя и прекрасны, но, к сожалению, неосуществимы, пишет Н. А. Бердяев в своей книге «Новое средневековье» в 1924 г. В XX столетии человечество столкнулось с абсолютно иным опытом. Утопии оказались гораздо легче реализуемыми, чем полагали вначале. Теперь, по мнению Бердяева, встает вопрос, как можно воспрепятствовать осуществлению утопий*** .

Действительно, большевикам почти удалось достичь своей утопии в отношении отмены частной собствен-

---

* Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. № 9 (1927). С. 24–30.

** Чхеидзе К. А. Евразийство и ВКП(б) // Евразийский сборник. № 6 (1929). С. 38 и далее.

*** Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Тюбинген, 1952. С. 122.

ности и национализации всех средств производства, включая и рабочую силу. Национал-социалистам почти удалось реализовать свою утопию создания расистского «нового европейского порядка». Почему же евразийцы оказались настолько безуспешны со своим утопическим замыслом? Почему привлекательность евразийской идеи ограничилась только небольшими интеллектуальными кружками? Здесь недостаточно объяснения, что интеллектуалы обычно слишком далеки от реальности, чтобы так же виртуозно овладеть технологией власти, как тоталитарные политики. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий тоже были интеллектуалами, а Й. Геббельс имел научную степень филолога-германиста. Евразийцы не имели широкого воздействия на массы не только по причине своей интеллектуальности, но и из-за характера своей идеологии. Большевики с их лозунгами классовой борьбы и национал-социалисты с их расовой пропагандой апеллировали к глубоко укорененным эмоциям широких слоев населения, к социальной зависти и антисемитизму. Евразийскому же призыву к народам Евразии и к разнообразным изгнанным из России группировкам основать антизападное сообщество на евразийской территории не доставало демагогического резонанса, сравнимого с вышеназванными партиями. Националистические эмоции были настолько сильно выражены как у русских, так и у нерусских эмигрантов из бывшей императорской России, что они оставались невосприимчивыми к евразийским представлениям о многонациональной и многоконфессиональной евразийской империи. Сложность евразийской культурной модели стала одной из причин, по которой она плохо поддавалась инструментализации для демагогических целей.

Но было и еще одно важное различие между евразийцами, с одной стороны, и большевиками и национал-социалистами, с другой стороны. Оно заключалось в том,

что евразийцы, несмотря на свою революционность, свой словесный радикализм, одной ногой еще стояли в дототалитарном XIX столетии и чувствовали себя связанными определенными нормами, существенными для той эпохи. Это было особенно очевидно в 30-е гг., когда сталинский террор положил конец распространенным в 20-е гг. иллюзиям о так называемой «нормализации» большевизма. Часть евразийцев поддалась чарам сталинской революции и начала служить целям режима, в том числе в качестве его агентов. Однако основатели движения, прежде всего Н. С. Трубецкой и П. В. Савицкий, в ужасе отвернулись от большевистской диктатуры, которую они в свое время расценивали как недостаточно радикальную. В 1937 г. — в судьбоносный для сталинского режима год — Трубецкой опубликовал в 12-й тетради «Евразийской хроники» свою статью под названием «Упадок творчества». Хотя статья не содержит ни единого слова о терроре, она являет собой сокрушительную критику сталинизма. Согласно автору, репрессивная политика режима привела к параличу творческих сил в стране: «Люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить». В этой порожденной партией культурной стагнации Трубецкой видит причину неспособности сталинизма создать свой собственный культурный стиль. В Советском Союзе, пишет он, осуществляется всего лишь неуклюжее подражание полностью устаревшим культурным моделям, которые доминировали в дореволюционной России 60–70 лет назад, то есть в 60–70-е гг. XIX в.*

Еще в середине 20-х гг. евразиец П. П. Сувчинский характеризовал советскую политику как политику большого стиля. Все, что противостояло большевикам в России, было, по его мнению, провинциальным и неубедитель-

---

* Трубецкой Н. С. История... С. 444–448.

ным*. Тот факт, что Трубецкой десятью годами позже упрекает сталинизм в полном отсутствии стиля, показывает, насколько низко за это время упал большевизм в глазах основателей евразийского движения.

В статье «Упадок творчества» Трубецкой высказывал убеждение, что коммунизм обречен на угасание, поскольку он полностью истощил свой творческий потенциал. Но в действительности, этой системе, скорый развал которой он предсказывал, предстояло еще почти полстолетия решающим образом определять ход мировых событий. Таким образом, Трубецкой недооценил политическую — но не культурную — живучесть коммунизма. С необыкновенной проницательностью он увидел, что идеология, которая более не в состоянии вдохновлять культурную элиту, которая терпит лишь официальный художественный канон и драконовски карает всякое отклонение от него, в конечном итоге не имеет шансов на выживание. Основоположники евразийского движения рано распознали эпигонское и обывательское бесплодие сталинского понимания культуры, которому в общем оставались верны и последователи Сталина вплоть до горбачевской перестройки. При поиске причин развала советского режима ни в коем случае не следует забывать диагноз Трубецкого. Не только хозяйственная неэффективность, не только технологическая отсталость, но также и «упадок творчества», который наблюдался в России вследствие сталинской унификации, обусловили в конечном счете закат советской империи.

Евразийцы мечтали о том, чтобы прийти на место изжившей себя коммунистической партии. В 1937 г. в вышеуказанной статье Трубецкой писал, что положение

---

* Сувчинский П. П. К пониманию современности // Евразийский временник. № 5 (1927). С. 20.

в Советском Союзе хотя и вызывает озабоченность, но не является безнадежным: «Исход состоит в замене марксизма другой идеей-правительницей». Между строк Трубецкой дает понять, что эта другая идея может быть только «евразийской».

Годом позже Трубецкой умер, и его смерть символизировала конец «классического» евразийства. Казалось, он окончательно покинул политическую сцену. Несмотря на свое безграничное честолюбие, евразийцы, таким образом, не смогли создать действенную альтернативу коммунистической идеологии. Учение евразийцев казалось странной и окончательно перевернутой страницей в истории идей российской эмиграции. Однако законы, царящие в мире идей, всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце 30-х гг., суждено было пережить совершенно неожиданный Ренессанс пятьюдесятью годами позже. Уже в конечной стадии горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие защитники имперской русской идеи пустились на поиски новых объединяющих скреп для всех народов и религиозных сообществ советского государства, и вновь открыли для себя евразийство.

Россия и Европа после 1945 г.: медленный возврат к общему направлению

---

*Татьяна Александровна Некрасова, к. и. н.
Старший научный сотрудник, заместитель заведующего
кафедрой новой и новейшей истории исторического
факультета Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова (Россия)*

Стереотипы оккупанта после Второй мировой войны и основы размежевания между Востоком и Западом*

Если попытаться обрисовать ход послевоенных событий в многоугольнике взаимоотношений между немцами и союзниками по Антигитлеровской коалиции, то уместной окажется метафора судьбоносного выбора, а точнее, его отсутствия, обозначенная в книге австралийского историка Кристофера Кларка «Лунатики»^{**}: как европейская дипломатия не могла избежать «соскальзывания» в Первую мировую войну, так и немцы в 1945 г. оказались в плену бедного спектра возможностей, и последние располагались теперь исключи-

---

* Первая публикация: Западные оккупационные режимы в послевоенной Германии глазами немцев // Новая и новейшая история. № 4 (2016). С. 45–59.

** *Clark Ch. The sleepwalkers: How Europe went into war in 1914* [Кларк Ч. Лунатики: как Европа вступила в войну в 1914 г.]. N.Y., 2013.

тельно в сфере демократии. Здесь мы сталкиваемся с ключевым последствием оккупации в послевоенной Германии — вынужденным противопоставлением «своего» и «чужого» образца. Поскольку демократия — это власть народа, в соответствии с которой он сам определяет те законы, по которым будет жить, то и воля эта должна была исходить от того самого народа, в данном случае германского. Понятие октроирования противоречит идее демократии, тем более если речь идет о внешнем, чужом вмешательстве. Оккупационные державы воспринимались немцами в 1945 г. однозначно как чужие — хотя бы потому, что до капитуляции Германии 8 мая они были ее врагами в мировой войне, что делало их цели диаметрально противоположными германским.

Понятие «чужого» играет важную роль в гуманитарных науках, начиная с философии, психологии и заканчивая исторической антропологией*. Само по себе оно не имеет негативной окраски и служит выделению «себя» (в т. ч. в качестве группы) в противопоставлении «другому», то есть выполняет функции самоидентификации. Без «другого» нельзя понять себя, так как своя идентичность так или иначе формируется при участии внешнего элемента, отталкиваясь от него. Если допустить,

---

* Использование понятий «свой» и «чужой» настолько обширно, что не позволяет составить для междисциплинарного исследования сколько-нибудь адекватную историографию. Основы психологического подхода к решению социальных проблем доступны в любом учебнике по социальной психологии, например: *Андреева Г. М.* Социальная психология. Учебник для университетов. М., 1980 (и последующие издания); *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997. Социальную, в первую очередь культурную и историческую, составляющую психологии человека обосновал в середине XX в. Эрих Фромм. Его работы не утратили своей актуальности и сегодня, напр.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2009; *Фромм Э.* Человек для самого себя. М., 2009.

что к лету 1945 г. немецкое самосознание было утеряно в результате исчезновения прежних систем — власти, границ, закона и морали, — то внешние ориентиры, наделенные авторитетом, были Германии необходимы. Таким ориентиром могли стать и стали оккупационные державы — победители во Второй мировой войне, обладавшие силой и волей, способные вывести потерянную Германию на «правильный» путь. Удовлетворительное решение могло быть найдено в этом случае только при соблюдении баланса между самостоятельным поиском и подчинением авторитету.

Баланс этот был изначально нарушен привычкой к авторитарной риторике, доставшейся немцам в наследство от Третьего рейха. Национал-социалистическая пропаганда формировала и поддерживала веру немцев в сильного лидера, фюрера, который «думает для нас» и одновременно «за нас» (национал-социалистический лозунг *Führer denkt für uns* может быть переведен на русский язык двумя вариантами). Эта «промывка мозгов» в итоге сказалась на опыте ГДР, когда культ одного лидера (И. В. Сталина) незаметно подменил культ другого (А. Гитлера), сохранив прежнюю терминологию. «Поклонение Сталину предлагало переосмысление концепций национальной гордости, чести и патриотизма, табуированных вследствие падения Третьего рейха, но получивших шанс на реабилитацию и новое смысловое наполнение в практиках выражения солидарности с Советским Союзом»*, — пишет историк Алексей Тихомиров. Его исследование показывает, как сходство культов способствовало «ностальгии» по Третьему рейху, поскольку «биполярная оценка двух лидеров провоцировала недоверие к чужому Сталину, приводя, можно сказать, несколько автоматиче-

---

* Тихомиров А. А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М., 2014. С. 270.

ски к потребности доверия к *своему* Гитлеру»* (курсив из оригинального текста. — Т. Н.).

Безоглядное насаждение советского образца одновременно вызывало закономерное отторжение немцев, поскольку не учитывало местной специфики — ни позитивных германских традиций, ни недавнего разочарования в нацистской легенде**. В отчете Общества германо-советской дружбы из маленького округа в ГДР, сделанном в 1951 г., передается следующее высказывание одного из его членов: «Почему Советский Союз настолько превозносится, а немецкое — это “ничто”? Везде говорится о том, что мы должны учиться у русских, у них лучшие токари, лучшая культура, лучшие постройки, лучшие техники. При этом русские даже не знали туалетов, они были совершенно невоспитанными! Только у немцев они научились приличиям и культуре!»*** Эти слова не следует понимать буквально, т. к. они стереотипны и эмоционально окрашены, но также во многом показательны: во-первых, они демонстрируют неприятие чужих образцов, полностью оторванных от опыта воспринимающего, во-вторых, они говорят о том, что воздействие национал-социалистической пропаганды не могло быть устранено простой заменой на противоположный знак.

---

* Там же. С. 225.

** Об этом пишет и А. А. Тихомиров: «...Немецкие политики и интеллигенция дистанцировались от работы над культом Сталина, так как память о культе Гитлера была слишком жива, и участие в создании новой продукции таило угрозу очередной дискредитации». Там же. С. 137.

*** Цит. по: Müller Ch. Th. Berfreier, Besatzer, “Brüder”: Die sowjetischen Truppen in der SBZ/DDR [Мюллер К. Т. Освободители, оккупанты, «братья»: советские войска в Советской зоне оккупации/ГДР] // Besatzung. Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert [Оккупация. Функционирование и форма иностранного военного господства от античности до XX в.]. Paderborn u.a. 2006. S. 215.

В битве двух пропагандистских машин выигрывала та, что оставляла лазейку для национальной гордости.

Таким образом, отношение к оккупационной власти и ее деятельности сильно зависело от того, допускались ли критическое переосмысление предложенного пути и его адаптация к представлениям немцев о самих себе. В качестве образца демократии все оккупационные державы предлагали себя. Так, Великобритания и Франция подарили миру основы Просвещения и успешный опыт буржуазно-демократических революций, США служили примером федеративного устройства, а СССР выступал первопроходцем в социальной сфере. В марте 1949 г. немцы рассматривали в качестве достойных ориентиров президентскую демократию американского образца и французское унитарное государство времен Ришелье*. Однако за исключением этого весьма условного обобщения в восприятии немцами четырех оккупантов было мало сходного, что являлось прямым следствием национал-социалистической пропаганды, у которой для каждого противника имелся свой подход**.

С особым ужасом немцы ожидали наступления советских войск, предвидя расправу над мирным населением и прочие жестокости — в ответ на аналогичные

---

* Согласно опросу общественного мнения, проведенному журналом *Der Spiegel* в начале 1949 г., названный американский образец одобрили 54 % опрошенных, французский — 86 %: Umfrage. Ihre Meinung [Опрос. Ваше мнение] // *Der Spiegel*. 10 (1949). 05.03.1949. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-44436013.html>; дата обращения: 29.08.2015.

** Примеры национал-социалистических плакатов с изображением союзников по Антигитлеровской коалиции можно найти в книгах: *О कोरोков А. В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны*. М., 2007; *Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры, кинофильмы Второй мировой войны*. 1939–1945. М., 2008. С. 28–64.

меры немецких оккупантов. Заряженные с 1917 г. страхом перед большевистской «красной заразой», которая в любой момент подожжет Европу, немцы ожидали прихода нищего недочеловека, животного, лишённого всех человеческих чувств, в том числе сострадания*. «Стереотипный национал-социалистический образ “большевика” — со всеми его негативными атрибутами интернационализма, материализма и революционных устремлений — перекликался с двумя другими навязчивыми образами национал-социалистов: “еврейского мирового заговора” и русского (то есть “азиатского”, расово более низкого и однозначно антиевропейского) характера большевистского режима», — пишет американский исследователь Аристотель Каллис**. Казалось, такой образ оккупанта перекрывал пути к сотрудничеству.

Однако вместе с успехами советских войск приобретала популярность и социалистическая альтернатива, на деле доказавшая свою эффективность в ходе Второй мировой войны. Идея социализма стала в послевоенной Европе своеобразной темой дня, поскольку решение социальных вопросов, умноженных мировой войной и выгодно оттеняемых советской пропагандой, было одной из первоочередных задач. Политики-социалисты вошли в правительства Западной Европы, в том числе оккупационных держав Великобритании и Франции.

---

* Образы Сталина — «красного поджигателя» и Сталина — «инфернальной обезьяны» воплощены, например, на плакатах, опубликованных в издании: *Немецкая пропаганда в Беларуси. 1941–1944. Конфронтация между пропагандой и действительностью. Выставка в Берлине, Минске и Москве. Берлин, 2000. С. 32–33, 35.*

** *Kallis A. A. Nazi Propaganda and the Second World War. [Келлис А. А. Нацистская пропаганда и Вторая мировая война] N. Y., 2005. P. 77.*

Однако развернувшееся сразу после войны противостояние между западными державами и СССР ставило под сомнение согласие между союзниками, а вместе с ним — и единую линию в германском вопросе. В результате творчески мыслящим немцам, готовым участвовать в создании нового государства, был навязан неотложный выбор: либо на Запад, либо на Восток. Параллельно неудачная политика СССР в Германии — например, насильственное объединение социалистов и коммунистов в Социалистическую единую партию Германии и блокада Берлина — разрушала едва обретенный образ авторитетного освободителя, а вместе с ним и последние иллюзии относительно советского пути. В 1949 г. 51 % опрошенных журналом *Der Spiegel* голосовали на выборах только для того, чтобы не отдать коммунистам свой голос*. Симпатии партий западных зон оккупации, включая Социал-демократическую партию Германии во главе с ее духовным лидером Куртом Шумахером, отвернулись от восточной державы-победительницы и обратились к западным.

В восприятии немцами западных союзников также существовали серьезные различия, и их образ был далек от единого. Так, Великобритании и в годы войны довелось сохранить на национал-социалистических плакатах более или менее человеческое лицо — она показана как враг, страна-ставленник всемирного еврейского капитала, но в целом национал-социализм не унижал английского врага, а победа над ним казалась достойной борьбы на равных. Причиной столь сдержанной позиции могла стать предыстория соперничества молодой Германской империи со старым промышленным лидером или широко известный пietet Гитлера в отношении Великобритании. Враги

---

* Umfrage. Ihre Meinung // *Der Spiegel*. 10 (1949). 05.03.1949.

были хорошо известны друг другу, поэтому изобретение фантастического англичанина вряд ли могло принести национал-социалистической пропаганде весомые дивиденды.

В адрес заокеанского врага — США, — напротив, активно использовалась мифологизация, преимущественно расистской (против евреев и чернокожих) направленности. Но в европейских боях Соединенные Штаты участвовали меньше остальных, то есть непосредственный военный опыт с обеих сторон был короче, чем с другими союзниками, — соответственно и потери. Американцы славились своим дружелюбием, к которому послевоенные немцы относили широкую улыбку и щедрое распространение редких товаров, например сигарет и шоколада. Немцы вспоминали позже о контрастирующих с послевоенной разрухой «по-мирному обмундированных американцах с их блестящими от чистоты униформами, их пропитанием в три-четыре блюда, к которым добавлялся ежедневный рацион из “Нескафе”, шоколада “Хёрши” и “Лаки Страйк”»*. Исходящий из Америки блеск завораживал немцев, уставших от войны, и порождал мысли об эмиграции: проведенный в 1947 г. в Южном Бадене и Южном Вюртемберге опрос студентов и школьников показал, что больше трети из них размышляли об этом**. Это сказывалось и на матримониальном поведении: немецкие девушки делали ставку на брак с оккупа-

---

* *Güstrow D.* In jenen Jahren. Berlin (W), 1983 [*Гюстров Д.* В те годы. Берлин (Зап.), 1983] // *Das gespaltene Land. Leben in Deutschland 1945–1990. Texte und Dokumente zur Sozialgeschichte* [Раскол страны. Жизнь в Германии 1945–1990. Тексты и документы по социальной истории]. München, 1993. S. 60–61.

** *Cuer G.* Der Französischunterricht und die französische Sprachenpolitik in Deutschland nach 1945 [*Кюр Г.* Уроки французского и языковая политика Франции в Германии после 1945 г.] // *Frankreichs Kulturpolitik in Deutschland, 1945–1950* [Культурная политика Франции в Германии, 1945–1950]. Tübingen, 1987. S. 82.

ционным офицером, при этом американцы как женихи были привлекательнее других. В советской зоне о них отзывались как о «мифических существах почти олимпийской величины»*, для немецких матерей они слыли «приятными», «всегда хотели помочь на кухне с посудой и разрешали всевозможные мелкие дела по дому»**. Французы проигрывали американцам в рации, британцы — близостью к родине, следовательно, более тесными связями с домом и семьей, «в результате чего их было сложнее захомутать»***.

К тому же Соединенные Штаты подходили на роль независимого арбитра на глобальном уровне: они не были запятнаны участием в европейской дипломатии накануне Второй мировой войны, выступали против международной агрессии как таковой, сформулировав совместно с Великобританией принципы Атлантической хартии 1941 г. (отсутствие территориальных претензий со стороны США и Великобритании, право народов на самоопределение, общее разоружение после войны и т. д.). В ходе военных конференций У. Черчилль неизменно согласовывал свои действия с Ф. Д. Рузвельтом, вместе на конференции в Касабланке (в январе 1943 г.) они сформулировали требование безоговорочной капитуляции Германии, Италии и Японии. В начале 1946 г. на основе объединения британской и американской оккупационных зон Германии была создана Бизония, в которой англо-саксонский курс становился более или менее монолитным, в том числе в глазах немцев.

---

* Bourke-White M. Deutschland, April 1945. "Dear Fatherland Rest Quietly" [*Бурк-Уайт М.* Германия, апрель 1945 г. «Дорогое Отечество, спи спокойно»]. München, 1979. S. 156.

** Ibid. S. 154.

*** Ibid. S. 157.

Третьим западным союзником была Франция. Французской оккупации немцы ждали почти с тем же замешательством, что и советской, поскольку, во-первых, точно так же рассчитывали на враждебное отношение со стороны французов, во-вторых, отказывались воспринять Францию как авторитет в делах государственного строительства. Национал-социалистическая пропаганда высмеивала французское Просвещение и издевалась над слабостью Франции в войне. Так, на обложке пропагандистской брошюры «Борьба фюрера во Франции»* была размещена фотография Гитлера, мирно позирующего на фоне Эйфелевой башни. Ирония подчеркивала пренебрежение немцев в адрес французов и играла в обращении с этим противником ключевую роль. Пренебрежение не раз сказывалось в ходе оккупации, когда немцы выказывали неуважение в отношении французов, не допускаемое в адрес других оккупационных держав — например, передразнивая оккупационных солдат у них за спиной**.

Опыт взаимодействия немцев с оккупационными властями — всеми четырьмя — отчасти подтвердил, отчасти опроверг первичные опасения и стереотипы. Однозначно негативные оценки, вполне в соответствии с ожиданиями, получила советская оккупация, приведшая к созданию в Восточной Германии партийной диктатуры. На фоне этого результата позитивные меры, предпринятые советскими оккупационными властями

---

* Des Führers Kampf in Frankreich. Hitler Propaganda Booklets. Issued by the German Third Reich from 1933 to 1940 [Борьба фюрера во Франции. Пропагандистские буклеты Гитлера. Издания Германского Третьего рейха с 1933 по 1940 гг.]. N.d.

** Интервью с очевидцем Норбертом Бельцером. 18.01.2007. Он и его друзья изображали французского офицера с нервным тиком, за что были арестованы и содержались под охраной до тех пор, пока не принесли ему извинения.

по налаживанию мирной жизни в своей зоне*, были вытеснены из активной памяти немцев.

Отчасти подтвердились негативные прогнозы и в адрес французов. Французская оккупация, несмотря на в целом взвешенную политику оккупационных властей, осталась черным пятном в германской историографии из-за обширных демонтажей, вырубки Шварцвальда и политической изоляции зоны. Ни поддержка антифашистских комитетов, запрещенных в остальных западных зонах, ни гибкая система денацификации или содействие будущему германскому федерализму не смогли преломить отрицательного отношения к французской оккупации как таковой, называемой исследователями «мрачным временем французов»**. Германская исследовательница Ангелика Руге-Шатц описывает французскую культурную политику в зоне оккупации Германии после Второй мировой войны как социально консервативную и высокомерно-попечительную***. Зна-

---

* Российский исследователь Роман Болдырев пишет о результатах хозяйствования советских властей в своей зоне: «Но все же советским властям удалось, пусть и не на довоенном уровне, восстановить разрушенную экономику и инфраструктуру Восточной Германии, обеспечить немецкому населению уровень жизни, ненамного отличавшийся от среднегерманских показателей того периода времени. И это при том, что производственные и финансовые ресурсы США и СССР в тот период времени были просто несопоставимы!» *Болдырев Р.* Ситуация в послевоенной Германии в оценках США // *Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы.* М., 2007. С. 62.

** *Wolfrum E.* Not und Neubeginn: Die französische Besatzungspolitik [*Вольфрум Э.* Бедствие и новое начало: французская оккупационная политика] // *Vis-à-vis: Deutschland — Frankreich* [Ви-за-Ви. Германия — Франция]. Paris, Köln, 1998. S. 83.

*** *Ruge-Schatz A.* Grundprobleme der Kulturpolitik in der französischen Besatzungszone [*Руге-Шатц А.* Основные вопросы политики в области культуры во Французской оккупационной зоне] // *Die Deutschlandpolitik Frankreichs und die französische Zone* [Германская

чимо здесь именно то, что выхватывает взгляд историка из общей картины оккупации, ведь высокомерное отношение наблюдалось со стороны всех четырех оккупантов, не только с французской.

Очевидно, что оккупационная практика испытывала на себе определенное влияние старых ментальных схем, что подтверждается и опытом двух других зон — английской и американской. Позитивный настрой в отношении американцев и уважение к британцам позволили воспринять те общие направления государственного переустройства, которые предлагались англо-саксонским дуэтом, и согласовать с ними свой, немецкий вариант федеративной демократии. Из тех идей, которые союзники считали необходимым привить на немецкой почве, в Основном законе ФРГ были отражены примат демократии, сильная социальная составляющая и федеративное устройство. Это не означает, что идеи оккупантов были восприняты буквально вплоть до деталей: напротив, содержание Основного закона вписывается в рамки германской правовой и государственной традиции. Скорее речь идет о том, что однозначный выбор в пользу Запада был сделан под руководством двух держав, за которыми не тянулся шлейф отрицательного опыта*.

политика Франции и Французская зона] / hg. v. C. Scharf, H.-J. Schröder. Wiesbaden, 1983.

* Подробнее об оккупационной политике в пределах западных зон — см. диссертации: *Коршунов Ю. М.* Оккупационная политика Великобритании в Германии: 1945–1949 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 2004; *Мурашов М. А.* Участие западногерманских политических партий в создании ФРГ: 1948–1949 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.00, 07.00.03. М., 2004; *Некрасова Т. А.* Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии в 1945–1949 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.00, 07.00.03. М., 2009.

За положительными же ожиданиями, подтверждаемыми опытом, следовало доверие. США и Великобритания не бросили Западный Берлин в период блокады, несмотря на огромные затраты*, которых потребовало поддержание «воздушного моста». Бизония объявила себя открытой для вступления остальных частей (зон) Германии, призывая к воплощению в жизнь заявленного союзниками германского единства. В 1949 г. этот шаг предприняла французская зона, превратив Бизонию в Тризонию прямо накануне создания ФРГ. За скобками оставалась только упрямая советская зона. В пользу англо-саксонского дуэта говорило и то, что экономические реформы 1948 г. проводились в западных зонах по инициативе и под руководством немецких политиков. На фоне насаждавшейся в советской зоне партийной диктатуры политическое развитие в Бизонии выглядело притягательно. Получается, что оказанное британскому и американскому союзникам доверие себя оправдало.

В Западной Германии несколько мифологизированным остался, пожалуй, только образ советского оккупанта. Развертывание риторики «холодной войны» и отсутствие опыта сотрудничества с советской властью способствовали сохранению в ФРГ стереотипного мышления в адрес непредсказуемого оппонента. Так, например, описывается в 1952 г. встреча с советскими военными: «В офицерском клубе Клина была богато представлена закуска (Sakuska) и водка. На стенах висели карты и диаграммы, а в одном углу в подтянутой позе стоял десантник в новом, с иголки, обмундировании»**. Само

---

* Филитов А. М. Указ. соч. С. 41.

** Sowjet-Armee. Verlorene Haufen [Советская армия. Потерянные войска] // Der Spiegel. 11(1952). 12.03.1952. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-21317993.html>; дата обращения: 29.08.2015.

наличие шаблонного мышления говорит о недостатке действительного знания западных немцев о Советском Союзе. Все это подтверждает старую истину, согласно которой незнание провоцирует стереотипы, способные выживать только в условиях изоляции. Противовесом незнанию может стать опыт, раскрывающий все богатство исторической реальности, многообразие человеческих судеб и решений.

*Татьяна Юрьевна Тимофеева, к. и. н.
Доцент кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова (Россия)*

Трансфер культурных ценностей из Советской зоны оккупации Германии в 1945–1948 гг.: документы российских архивов

Вторая мировая война стала причиной невиданного в истории человечества перемещения культурных ценностей. Толчок этому процессу дал германский нацизм, грубо поправший как международные конвенции, так и нормы общечеловеческой морали. После поражения нацистской Германии с территории Советской зоны оккупации Германии также было вывезено в СССР огромное количество немецких и не только немецких культурных ценностей. В частности, после безоговорочной капитуляции вермахта и взятия на себя державами-победительницами всей полноты власти в оккупированной Германии Советским Союзом, для частичной компенсации нанесенного ему войной ущерба, было организовано получение репараций из Советской зоны оккупации Германии. К сожалению, объекты культуры не избежали участи быть перемещенными в рамках «компенсаторной реституции». При этом вывоз немецких культурно-художественных ценностей носил как санкционированный, то есть в соответствии с директивами правительства СССР и приказами командования советских оккупационных войск в Германии, так и несанкционированный характер, когда решения о вывозе принимались военными властями на местах, либо, что нередко случалось,

объекты художественной культуры вывозились в качестве личных военных трофеев. По итоговым цифрам перемещенных в Советский Союз немецких «культурных трофеев» нет полной ясности и по сегодняшний день.

Вплоть до конца 80-х гг. тема перемещенных культурных ценностей продолжала оставаться закрытой и не подлежащей публичному обсуждению в СССР. Но советское руководство время от времени осуществляло разовые передачи перемещенных культурных ценностей в ГДР. Правовой их основой были соответствующие закрытые партийные и правительственные распоряжения. Так, в середине и 2-й половине 50-х гг. по решению партийно-государственного руководства СССР правительству ГДР было передано 1 922 039 экспонатов из немецких музеев и учреждений культуры, ранее вывезенных в СССР*. И позже, в 1991 г. Германии была возвращена Нотная коллекция Гамбургского университета. В 1994 г. были возвращены, в качестве символического жеста в ходе очередного раунда российско-германских переговоров, пять книг из «Готской библиотеки». В 1997 г. в ходе официального визита Президента РФ Б. Н. Ельцина в ФРГ была возвращена часть архива Вальтера Ратенау**.

---

* По этому вопросу см.: Проект постановления Секретариата ЦК КПСС о передаче правительству Германской Демократической Республики германских культурных ценностей, находящихся на временном хранении в СССР. Февраль 1958 г. // РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 465. См. также: *Akinscha K., Kozlow G., Toussaint S.* Operation Beutekunst. Die Verlagerung deutscher Kulturgüter in die Sowjetunion nach 1945 [*Акинша К., Козлов Г., Туссен С.* Операция «Трофейное искусство». Вывоз немецких культурных ценностей в Советский Союз после 1945 г.] // *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. Wissenschaftliche Beibände* [Вестник Германского национального музея. Научные приложения]. Bd. 12. Nürnberg, 1997. S. 78–80.

** По состоянию на 2001 г. в отделе перемещенных архивных фондов иностранного происхождения Российского государственного военного архива (РГВА; бывший Особый архив, позднее — Центр хранения историко-документальной коллекций, ЦХИДК)

За весь послевоенный период вплоть до 1998 г. правовой статус перемещенных в СССР немецких культурно-художественных ценностей какими-либо правительственными или ведомственными документами определен не был, они находились в запасниках музеев и специальных хранилищ в режиме закрытого хранения. Точку в дискуссиях поставили принятый 26 апреля 1998 г. Государственной думой Российской Федерации федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных на территорию СССР в период Второй мировой войны и находящихся в Российской Федерации» и его новая редакция от 25 мая 2000 г.* Он определил современный правовой статус перемещенных культурных ценностей немецкого (и не только немецкого) происхождения, оказавшихся в результате Второй мировой войны на территории России. Концептуальной основой закона является принцип «компенсаторной реституции», на основе которого Россия получила право возместить ущерб, нанесенный ее культурному достоянию в результате военной агрессии Германии, за счет перемещенных культурных ценностей немецкого происхождения, оказавшихся в российском государственном владении. В законе говорится, что указанные ценности были правомерно изъяты с террито-

---

в фонде 634 хранились 911 дел с документами и перепиской В. Ратенау.

* См.: Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» (с изменениями от 25 мая 2000 г., 22 августа 2004 г.); Постановление Конституционного суда РФ от 20 июля 1999 г. № 12-П по делу о проверке конституционности федерального закона от 15 апреля 1998 г. «О культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации». См. также: Постановление Правительства Российской Федерации № 174 от 11 марта 2001 г. «О мерах по реализации Федерального закона “О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации”».

рий Германии в рамках «компенсаторной реституции» в соответствии с распоряжениями советской оккупационной администрации в Германии и других компетентных органов СССР и «являются федеральной собственностью». Таким образом, в настоящее время Россия считает этот вопрос для себя закрытым*.

Архивные документы, имеющие отношение к обстоятельствам перемещения культурных ценностей с территории Германии в СССР в результате Второй мировой войны, находятся в фондах следующих центральных архивов России: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской Федерации / советская часть (АВП РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Архива Российской Академии наук, а также ведомственного архива Министерства культуры Российской Федерации**.

---

* В соответствии с этим законом, Германия имеет право от лица своих физических и юридических лиц претендовать на возврат только трех категорий перемещенных культурных ценностей: 1) бывшей собственности религиозных организаций или частных благотворительных учреждений; 2) бывшей собственности активных борцов с нацизмом; 3) бывшей собственности лиц, лишенных ее в связи с их расовой, религиозной или национальной принадлежностью.

** По причинам очевидного характера возможности работать в таких ведомственных архивах, как Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ, Центральный архив Министерства обороны РФ, Архив Президента Российской Федерации, для обычного исследователя практически не существует. Последний в настоящее время переформатирован и является составной частью Управления информационного и документационного обеспечения Администрации Президента РФ. Оно и занимается работой с архивными фондами.

документы о перемещенных немецких культурно-художественных ценностях музейного характера сосредоточены в местах непосредственного хранения этих ценностей в настоящее время — трех крупнейших музеев федерального значения: Государственном Эрмитаже, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственном историческом музее (ГИМ; в составе музейных архивных подразделений или научных библиотек).

* * *

Осенью 1943 г., после Сталинградской и Курской битв, отчетливо наметился поворот в Великой Отечественной войне в пользу СССР, хотя германский вермахт и Красная армия еще вели тяжелые и кровопролитные бои на берегах Днепра. В это время советские музейные эксперты и искусствоведы по поручению аппарата ЦК ВКП(б) приступили к составлению списков объектов культуры и искусства Германии и других западноевропейских стран, которые в качестве эквивалентов в порядке компенсаторной реституции могли быть вывезены в Советский Союз для компенсации ущерба, нанесенного войной и немецкой оккупацией культуре СССР. Эта работа велась в первую очередь составом бюро экспертизы по оценке уничтоженных и расхищенных памятников искусств и других ценностей, который был утвержден на заседании Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) СССР* 8 сентября 1943 г. (протокол № 14)**. инициа-

---

* Полное название: Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Была образована указом Президиума Верховного совета СССР от 2 ноября 1942 г.

** ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 321. Л. 29.

тором создания бюро экспертизы стал видный советский художник, архитектор и историк искусства академик И. Э. Грабарь, который и возглавил эту работу. Кроме него, в составе бюро работали бывший заведующий картинной галереей ГМИИ им. А. С. Пушкина член-корреспондент Академии наук СССР В. Н. Лазарев и бывший директор Эрмитажа, эксперт объединения «Антиквариат» С. Н. Тройницкий*.

Список возможных эквивалентов, составленный членом-корреспондентом Академии наук СССР М. В. Добросклонским к лету 1945 г., включал произведения великих итальянских, немецких, фламандских и французских мастеров эпохи Возрождения и Нового времени (А. Альддорфера, И. Босха, П. Брейгеля-старшего, Ф. Буше, Я. ван Эйка, А. Ватто, П. Веронезе, Д. Гирландайо, Г. Гольбейна-младшего, А. Дюрера, Л. Кранаха, Микеланджело, А. Пизанелло, Рафаэля, Рембрандта, П. П. Рубенса, Тициана, Тинторетто, Ж.-О. Фрагонара и др.)**. Конечно, это были только первые прикидки того, что можно было бы потребовать от Германии и ее союзников в сфере материальной культуры после победы СССР в войне. Ответственный секретарь ЧГК П. И. Богоявленский в служебной записке на имя председателя ЧГК Н. М. Шверника в декабре 1945 г. сообщал: «Следует своевременно составить списки уничтоженных, разграбленных и похищенных немцами художественных, исторических и научных ценностей с указанием равноценных произведений, находящихся в государственных музеях и частных собраниях

---

* Первоначально в составе Бюро также числились доктор исторических наук С. П. Толстов, известный архитектор Б. М. Иофан, доктор технических наук В. Р. Вильямс, профессор В. Н. Шульгин, и начальник Отдела культуры ЧГК В. Н. Макаров. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 17. Л. 145–146.

** См.: Государственный Эрмитаж. «Перемещенное искусство». 1945–1958: Архивные документы. С. 85–106.

в Германии, Италии, Венгрии, Румынии и в других странах и могущих быть выдвинутыми в качестве возможных эквивалентов при натуральном возмещении убытков, причиненных СССР немцами»*.

В ходе этой работы в среде причастных к ней советских искусствоведов и руководителей учреждений культуры появилась страшная, но заморозившая их идея о создании из немецких художественных коллекций отдельного музея мирового искусства в Москве. Одним из ее сторонников стал народный художник СССР С. Д. Меркуров, директор ГМИИ им. А. С. Пушкина**. Этот музей в мае 1945 г. стал первым получателем выдающихся произведений искусства, прибывших из художественных собраний Дрездена. В состязание за немецкие культурно-художественные ценности также включился и Государственный Эрмитаж в Ленинграде. В августе 1945 г. директор Эрмитажа академик И. А. Орбели отправил письмо в адрес ЦК ВКП(б), в котором предлагал отправить часть «культурных трофеев» из Германии в Ленинград***. Это предложение он мотивировал необходимостью восполнить те тяжелые потери, которые Эрмитаж понес в 20–30-е гг. в результате продажи части своих картин за границу и вследствие передачи многих произведений живописи в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве****. Иными

---

* ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 321. Л. 28.

** Письмо директора Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина С. Д. Меркурова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову о преобразовании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Музей мирового искусства СССР и пополнении его фондов трофейными коллекциями. 15 июня 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 368. Л. 20–25.

*** См.: Государственный Эрмитаж. «Перемещенное искусство»... С. 29–30, 112.

**** В конце 1920-х гг. советское правительство, испытывая острый недостаток в валюте для оплаты техники и строительства заводов в рамках форсированной индустриализации страны, решило

словами, Орбели предлагал возместить довоенный ущерб, нанесенный Эрмитажу действиями советского же руководства, за счет немецких «культурных трофеев». И хотя в итоге Эрмитаж также получил часть музейных коллекций из Германии, ни предложения Меркурова, ни предложения Орбели не нашли отклика у советских властей, ведь оба музейных функционера вели речь об официальном включении немецких трофеев в состав коллекций своих музеев, что подразумевало их свободное экспонирование. Однако внешнеполитическая ситуация подсказывала советскому руководству совсем другой алгоритм действий в этом вопросе.

Доступные исследователям документы российских архивов пока не позволяют однозначно определить подход И. В. Сталина к проблеме немецких культурно-художественных ценностей и решению об их вывозе в СССР. Этот вопрос явно не был в списке его приоритетов при разработке и реализации советской оккупационной политики в Германии. Известно, что советского вождя в первую очередь интересовали немецкая промышленность и высокие немецкие технологии, прежде всего в военной сфере. Из сотен постановлений ГКО по демонтажу немецких промышленных и научных объектов лишь несколько постановлений связаны с объектами культуры и искусства и проблемами реституции в культурной сфере*. Другой вопрос, что Сталин, как

пополнить бюджет за счет распродажи музейных коллекций. По этому вопросу см.: *Williams R. C. Russian Art and American Money, 1900–1940* [*Уильямс Р. К. Русское искусство и американские деньги, 1900–1940*]. Cambridge, Mass., 1980; *Ильин Н., Семенова Н. Проданные сокровища России*. М., 2000; Эрмитаж, который мы потеряли: документы 1920–1930 гг. СПб., 2001 и др.

* См.: Постановление ГКО СССР № 8894сс от 31 мая 1945 г. о вывозе ювелирных изделий, коллекций монет и медалей, картин и художественного фарфора из района г. Дрездена // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 421. Л. 165; Постановление ГКО СССР № 9256сс

прагматичный политик, в данном вопросе однозначно придерживался известного принципа: «Победитель получает все». Во всяком случае, в подписанном им постановлении ГКО № 9256 от 26 июня 1945 г. однозначно говорилось следующее: «Обязать Комитет по делам искусств при СНК СССР (т. Храпченко) вывезти из базы Комитета в г. Москву для пополнения государственных музеев наиболее ценные художественные произведения живописи, скульптуры и предметы прикладного искусства, а также антикварные музейные ценности в количестве не более 2000 единиц с трофейных складов в г. Дрездене...»*.

Если же говорить о ближнем окружении Сталина, то одним из первых, кто в советском руководстве сразу же понял значение попадающих в руки Красной армии немецких культурных ценностей, в частности архивов и библиотек, был нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия. Получив первые сообщения по этому вопросу из уже оккупированных районов Германии, он в начале апреля 1945 г. в служебной записке, адресованной заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову, прямо поставил вопрос о необходимости вывоза ценных

от 26 июня 1945 г. о вывозе художественных ценностей с трофейных складов в г. Дрезден // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 430. Л. 177–178; Постановление ГКО СССР № 9444сс от 8 июля 1945 г. о вывозе экспонатов и материалов Дрезденского артиллерийского музея в Артиллерийский исторический музей Красной армии в г. Ленинград // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 436. Л. 40; Постановление ГКО СССР № 9452сс от 8 июля 1945 г. о возвращении из Германии вывезенных немцами музейных ценностей, библиотеки и театрального имущества, принадлежащих учреждениям искусства УССР // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 513. Л. 186. По этому вопросу см. также: Государственный комитет обороны СССР 1941–1945 // Документы советской эпохи. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=366099>; дата обращения 12.09.2019.

* См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 430. Л. 177–178.

архивных и библиотечных фондов из Германии в СССР: «На территории Германии, занятой войсками Красной армии, имеется большое количество немецких архивов и библиотек, содержащих ценные документы и уникальные издания на французском, итальянском и английском языках, относящихся к XVI–XVIII вв. Здесь же оказался ряд архивов и библиотек, вывезенных немецкими властями из Берлина в порядке эвакуации... Наркомвнудел Союза ССР считает целесообразным создать правительственную комиссию из представителей НКВД, НКГБ и НКВД СССР. Поручить комиссии разработать мероприятия по изучению всех немецких архивов и библиотек и принять меры к сохранению и вывозу в Советский Союз материалов и печатных изданий, имеющих научно-историческое и оперативное значение»*.

Осторожность советского руководства в решении вопроса о дальнейшей судьбе вывезенных из Германии культурных ценностей была непосредственно связана с усилением разногласий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Значительная часть этих разногласий была связана с оккупационной политикой в Германии, в том числе и по вопросу репараций. Здесь с обеих сторон звучали взаимные обвинения о несанкционированном вывозе из Германии различных категорий материального имущества и промышленного оборудования. В этой связи следует сказать, что форсированное проведение мероприятий по сбору и вывозу в СССР культурно-художественных ценностей, и не только их, с территории Германии, занятой советскими войсками весной — осенью 1945 г., дей-

---

* Служебная записка народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотову. Апрель 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2201. Л. 139–140.

ствительно не было согласовано советской стороной со своими западными союзниками. СССР взял курс на получение репараций со своей оккупационной зоны*. Лишь в середине октября 1945 г. появилось распоряжение Совета народных комиссаров СССР о «прекращении самовольного изъятия трофеев» в Советской зоне оккупации Германии**, при этом распоряжение СНК весьма красноречиво комментировалось телеграммой заместителя председателя СНК СССР и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, адресованной главноначальствующему Советской военной администрации в Германии (СВАГ) маршалу Советского Союза Г. К. Жукову: «В дополнение для Вашего личного сведения сообщаем следующее: текст постановления Совнаркома сформулирован таким образом, чтобы в случае необходимости он мог быть использован в будущем для предъявления союзникам. Постановление Совнаркома отнюдь не должно задерживать выполнение решений ГКО о демонтаже германских предприятий и вывозе трофейного имущества»***. Вся эта ситуация однозначно говорила о том, что

---

* По этому вопросу см.: СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. — Die UdSSR und die deutsche Frage. 1941–1949: Dokumente aus dem Archiv für Aussenpolitik der Russischen Föderation. В 3-х т. Т. 2: 9 мая 1945 г. — 3 октября 1946 г. / Сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М., 2000. С. 33–35.

** ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 104. Л. 282.

*** Телеграмма заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова главноначальствующему СВАГ маршалу Г. К. Жукову. 15 октября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 104. Л. 281. Следует отметить, что термин «трофейное имущество» в бюрократической переписке советских инстанций употреблялся не вполне корректно. Традиционно под трофеями понимались вооружение и материальное имущество, захваченное у противника либо брошенное им в ходе боевых действий. В данном случае речь, скорее, может идти о материальных и культурных ценностях, принадлежавших побежденной стороне, которые рассматривались советской стороной как объект военных репараций.

выставлять немецкие художественные коллекции для широкого показа в СССР пока, по меньшей мере, нецелесообразно.

В то время как в СССР решались принципиальные вопросы «культурных репараций» из Германии, а советские искусствоведы и музейные работники усердно составляли списки немецких эквивалентов в качестве объектов компенсаторной реституции в пользу СССР, в советской зоне оккупации Германии уже полным ходом шли поиск, изъятие и вывоз культурно-художественных ценностей, чем занималось сразу несколько структур. В первую очередь следует сказать об Особом комитете по Германии Государственного комитета обороны СССР, который был создан в соответствии с постановлением ГКО № 7590 от 25 февраля 1945 г.* Демонтажные задания Особого комитета выполняли 23 трофейные бригады, дислоцированные на территории советской зоны. После упразднения ГКО в сентябре 1945 г. Особый комитет по Германии работал при СНК/Совете министров СССР. Практической работой по выявлению и изъятию немецких произведений культуры и искусства в ходе боевых действий занимались трофейные органы при Действующей армии. 21 февраля 1945 г. И. В. Сталиным было подписано постановление ГКО № 7563сс о назначении постоянных комиссий при действующих фронтах Красной армии для изъятия «вооружения и материалов» на территории Германии и Польши. В их функции входили розыск и вывоз в СССР трофейного сырья, вооружения, оборудования, а также произведений искус-

---

* Подробнее об этом органе см.: Цисла Б. Особый комитет по Германии // Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. Справочник / отв. ред. Я. Фойтцик, Т. В. Царевская-Дякина, А. В. Доронин; при участии: Х. Кюнцель, Д. Н. Нохотович. М., 2009. С. 107–118.

ства*. Комиссии при фронтах подчинялись уже упомянутому Особому комитету по Германии при ГКО СССР. В феврале того же 1945 г. на фронт были отправлены отраслевые трофейные бригады от различных наркоматов и ведомств СССР.

Кроме того, были сформированы трофейные бригады (группы) от профильных советских учреждений культуры. В конце войны это были специальные бригады Государственного комитета по делам искусств при СНК СССР, которые состояли из работников культуры — сотрудников театров, музеев, вузов, и экспертов-искусствоведов. Они продвигались вместе с трофейными частями Красной армии и занимались отбором и транспортировкой на склады немецких объектов культуры и искусства. Например, на 1-й Белорусский фронт, который действовал на главном — Берлинском — направлении, была направлена трофейная бригада Комитета под руководством администратора Московского художественного академического театра (МХАТ) А. А. Белокопытова, которого затем сменил директор Государственной Третьяковской галереи А. И. Замошкин. Именно эта бригада в мае-июне 1945 г. занималась выявлением и скорейшей отправкой в СССР наиболее ценных в культурном, историческом, да и в чисто материальном смысле экспонатов из художественных собраний Берлина и Дрездена, имевших для Германии общенациональное значение. В ее первоначальный состав входили кроме самого А. А. Белокопытова сотрудники Государственного комитета по делам искусств А. М. Волошин, А. И. Михайлов, С. Н. Дружинин, С. П. Сидоров и др. По мере необходимости, из

---

* См.: Постановление ГКО СССР № 7563сс от 21 февраля 1945 г. о создании при действующих фронтах Красной армии постоянных комиссий и о порядке вывоза оборудования и материалов с территорий Германии и Польши // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 372. Л. 173–175.

Москвы в Германию для выполнения конкретных заданий по экспертизе и отбору предметов, намечаемых для вывоза в СССР, приглашались отдельные специалисты, например археолог и историк древнего мира, профессор В. Д. Блаватский (ГМИИ им. А. С. Пушкина), С. П. Григоров (заместитель председателя Комиссии по охране памятников), академик В. С. Кулебакин* (Институт автоматики и телемеханики Академии наук СССР), член-корреспондент Академии наук СССР В. Н. Лазарев (МГУ), искусствовед, профессор А. А. Сидоров (МГУ), член-корреспондент Академии наук СССР историк-медиевист С. Д. Сказкин (МГУ), Н. И. Соколова (куратор Музея современного искусства), Е. А. Сущенко (солист Государственного симфонического оркестра СССР), искусствовед А. Д. Чегодаев (ГМИИ им. А. С. Пушкина) и другие**. Наконец, для поиска и охраны культурно-художественных ценностей привлекались должностные лица из состава советских оккупационных войск в Германии, например представитель Трофейного управления Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) старший лейтенант Е. Ф. Лудшувейт, историк-медиевист по образованию, назначенный комендантом дворцово-паркового комплекса в Потсдаме.

С окончанием боевых действий на территории Германии и установлением оккупационного режима основная работа по розыску, регистрации, отбору и вывозу в СССР произведений немецкой культуры и искусства была возложена на бригады (группы) Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК/

---

* Академик и генерал-майор инженерно-авиационной службы В. С. Кулебакин являлся уполномоченным Академии наук СССР в Германии, Австрии и Чехословакии.

** Всего в разное время в группах Государственного комитета по делам искусств при СНК / Совете министров СССР в Германии работало 24 человека. ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

Совете министров РСФСР, которые работали в Советской зоне оккупации Германии до осени 1946 г. Основную группу (фактически — штаб) этого комитета в Германии возглавлял уполномоченный комитета подполковник А. Д. Маневский, директор Научно-исследовательского института музееведения в Москве. Он же отчитывался о своей работе перед уполномоченным Особого комитета в Германии и перед вышестоящими московскими инстанциями. Его заместителем была яркая женщина, начальник библиотечной группы и бессменный в течение полувека директор Государственной библиотеки иностранной литературы в Москве М. И. Рудомино. Она оставила для потомков мемуарные записи об этом периоде своей жизни, собранные в книгу ее сыном*, в т. ч. о том, как она без усталости отбирала и отсылала сотни тысяч томов и целые библиотеки (например, библиотеку Йенского университета) в Москву.

Наконец, следует отдельно остановиться на СВАГ, которая с июня 1945 г. выполняла основные функции государственной власти в Советской зоне оккупации Германии**. Она издавала соответствующие директивно-распорядительные документы, предоставляла личный состав и материально-техническую базу для поиска и складирования культурно-художественных ценностей

---

* *Рудомино М. И., Лихачев Б. С., Рудомино А. В.* Книга моей судьбы: воспоминания ровесницы XX в. М., 2005. В 80 лет М. Рудомино с удовольствием написала в ней, что теперь «я могу смело и спокойно оглянуться на пройденный жизненный путь, честно выполнив дело, для которого меня предназначила судьба». Цит. по: <https://www.litmir.me/br/?b=285918&p=3>; дата обращения 12.09.2019.

** См.: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 1326/301сс от 6 июня 1945 г. об организации Военной администрации по управлению Советской зоной оккупации в Германии. Приложение: Положение о Советской военной администрации по управлению Советской зоной оккупации в Германии // ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 5. Л. 6–13.

и, наконец, отправляла немецкие культурные и художественные ценности в СССР. Особое значение в рамках рассматриваемой нами проблемы имели директивные документы (приказы и приказания) СВАГ. Именно они придавали необходимую легитимность действиям советской стороны по изъятию и вывозу в СССР немецких культурно-художественных ценностей. Эти директивные документы можно условно подразделить на две группы: 1) приказы и приказания, непосредственно имевшие отношение к изъятию и вывозу немецких объектов культуры и искусства*; 2) приказы СВАГ, формально не относящиеся к проблеме «культурных репараций», но фактически содержавшие руководящие указания в этом

---

* См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 0120 от 25 декабря 1945 г. о проведении работы по выявлению и учету имущества, подлежащего реституции // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 276–279; Приказание СВАГ № 17 от 25 декабря 1945 г. об использовании музейных документов, находящихся в замке «Веезенштайн» вблизи гор. Пирны в федеральной земле Саксония // ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 4. Л. 255; Директива СВАГ № 6/01556 от 28 февраля 1946 г. начальнику Управления СВА земли Тюрингия о передаче библиотеки герцога Кобург-Готского как военного трофея Академии наук СССР, а музейных ценностей из дворца — представителю Комитета по делам искусств для вывоза в СССР // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 37. Л. 67; Приказание СВАГ № 012 от 9 марта 1946 г. о транспортировке бесхозной литературы, находящейся в провинциях и землях Советской зоны оккупации Германии, в г. Берлин // ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 4. Л. 251–252; Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 92 от 16/21 марта 1946 г. о трофейном имуществе, обнаруженном в тайниках при оккупации Германии // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 4. Л. 242–243; Приказание СВАГ № 13 от 25 апреля 1946 г. о возвращении в СССР русских знамен из собраний Берлинского Цейхгауза // ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 4. Л. 3; Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 177 от 18 июня 1946 г. о реэвакуации музейных ценностей // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 5. Л. 359–360; Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 0249 от 23 августа 1946 г. О реэвакуации книжных фондов и использовании бесхозных библиотек и литературы // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 80–81.

направлении*. Аналогичные приказы транслировались и на нижестоящем (земельном и провинциальном) уровне. Они издавались начальниками управлений СВА провинций и земель зоны**. Следует при этом учесть, что и в других тематических группах директивных документов СВАГ содержались прямые указания об изъятии и передаче СВАГ немецких объектов культурного и художественного профиля: например, в приказах по демилитаризации и денацификации всех сфер жизни Советской зоны оккупации Германии; при этом под удар попадали, например, библиотеки и архивы музеев, школ, высших учебных заведений и научных учреждений и, конечно же, государственные и частные военно-исторические коллекции, как «рассадники идеологии прусского милитаризма и германского фашизма»***.

---

* См., напр.: Приказ Главногоначальствующего СВАГ / Главнокомандующего ГСОВГ № 126 от 31 октября 1945 г. о конфискации имущества национал-социалистической партии и примыкающих к ней организаций и о конфискации их имущества // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 2. Л. 107–111; Приказ Главногоначальствующего СВАГ / Главнокомандующего ГСОВГ № 0126 от 28 декабря 1945 г. об исполнении приговоров военных трибуналов, в части, касающейся конфискации имущества у осужденных немцев // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 297–299; Приказ Главногоначальствующего СВАГ / Главнокомандующего ГСОВГ № 0202 от 19 июля 1946 г. о возвращении Академии наук СССР литературных, музейных и архивных ценностей из Германии, вывезенных немцами из учреждений Академии наук СССР // ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 25. Л. 153–154.

** См., напр.: Приказ начальника Управления СВА провинции Саксония № 10 от 3 сентября 1945 г. об изъятии ценностей из прекративших свою деятельность немецких банков и других кредитных учреждений // ГАРФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 2. Л. 14–15; Приказ начальника Управления СВА земли Тюрингия № 57 от 31 января 1946 г. об изъятии оружия из замков, музеев и вилл // ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 2. Д. 2. Л. 246; Приказ начальника Управления СВА провинции Мекленбург № 0101 от 23 мая 1947 г. о розыске культурных и исторических ценностей, подлежащих реституции в Советский Союз и союзные страны // ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 29. Л. 57–58 и др.

*** См., напр.: Приказ Главногоначальствующего СВАГ / Главнокомандующего ГСОВГ № 039 от 8 сентября 1945 г. об изъятии

Выясняя подробности сбора и отправки культурных ценностей из Советской зоны оккупации, не следует упускать из виду базы их временного хранения. Сначала таких баз было создано две: база Комитета культуры № 1 — в Берлине, в пакгаузах Штеттинского вокзала (Берлинская база) и база Комитета культуры № 2 на товарной станции Радеберг под Дрезденом (Дрезденская база). Работой Берлинской базы фактически руководил сам уполномоченный Комитета культуры подполковник А. Д. Маневский, работой Дрезденской базы — его заместитель подполковник М. И. Рудомино. На основной, Берлинской базе комитета, имелся штатный начальник — капитан Востриков, там же постоянно находился и представитель трофейных органов ГСОВГ старший лейтенант Мирзоян*. Кроме того, в Берлине действовала временная перевалочная база комитета во дворце фон Трескова (район Фридрихсфельде), а также база СВА на заводе «Ацета» (район Руммельсбург), предназначенная главным образом для хранения книжных фондов и собраний. Наконец, в связи с вывозом музейных и библиотечных коллекций из калийных шахт в районе Магдебурга, в этом городе

нацистской и милитаристской литературы // ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 12. Д. 4. Л. 241–242; Акт комиссии военной комендатуры района Зондерсхаузен об изъятии военно-исторических реликвий из замка Шварцбург-Зондерсхаузен от 8 февраля 1946 г. Приложение: Опись огнестрельного и холодного оружия и военного имущества из замка Шварцбург-Зондерсхаузен // ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 112. Л. 101–102; Донесение начальника Отдела по военным вопросам СВА провинции Бранденбург полковника В. В. Смирнова начальнику Военного отдела СВАГ генерал-лейтенанту Г. С. Лукьянченко от 21 февраля 1947 г. о выявленных и уничтоженных нацистских памятниках и музеях по состоянию на 15 февраля 1947 г. // ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 125. Л. 191–192 и др.

* Отчет уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР подполковника А. Д. Маневского о работе баз и складов Комитета в Германии по состоянию на 1 апреля 1946 г. 2 апреля 1946 г. // ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 2. Л. 47.

также была создана временная перевалочная база для культурно-художественных ценностей.

На основных базах Комитета кроме накопления и хранения произведений «трофейного искусства» производились их осмотр и первичная консервация, по мере необходимости — проветривание и очистка от грязи и плесени, удаление ржавчины и чистка металлических предметов и музейного оружия, составление подробных перечней (накладных) на отправляемые ценности и, наконец, их упаковка для отправки в СССР. Сама отправка грузов осуществлялась в присутствии представителей Министерства государственного контроля СССР в Германии и Трофейного управления ГСОВГ, следивших за тем, чтобы ценности отправлялись без изъятий в полном составе. Так, например, 27 апреля 1946 г. на Берлинской базе Комитета культуры для отправки в Москву был загружен эшелон № 178/8041 в составе 25 вагонов, в котором находились 2390 ящиков с музейными и библиотечными ценностями. При этом представителями вышеуказанных контрольных органов была запрещена погрузка радиоприемников, радиоламп, ковров и пишущих машинок для Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина*. Как правило, эшелоны сопровождались сотрудниками бригады Комитета культуры в Германии.

Общие итоги работы по поиску, сбору и вывозу культурно-художественных ценностей из Советской зоны оккупации Германии оценить очень непросто. В архивных фондах ГАРФ имеется несколько итоговых отчетных документов Комитета по делам культурно-просветительных

---

* Рапорт уполномоченного Комитета подполковника А. Д. Маневского председателю Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР Т. М. Зуевой об отправке эшелона № 178/8041. 27 апреля 1946 г. // Там же. Д. 6. Л. 46.

учреждений при СНК/Совете министров РСФСР, которые дают более или менее обобщенную картину этой работы, по крайней мере в количественном отношении*. Однако итоговые цифры в этих отчетах страдают значительными разночтениями при сравнении — ведь они писались в разное время (с весны по конец 1946 г.). Кроме того, в них не учитываются «культурные трофеи», которые были вывезены в Москву в мае–июне 1945 г. бригадой Комитета по делам искусств при СНК СССР под руководством А. А. Белокопытова, а ведь это были наиболее ценные произведения немецкого искусства.

В докладной записке председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР Т. М. Зуевой секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, датированной июнем 1946 г., говорится, что представителями комитета с 6 мая 1945 г. по 1 июня 1946 г. производились выявление и отбор библиотечных и музейных ценностей из «трофейного имущества». При этом в комитет за указанный период времени поступили 12 668 ящиков, из которых: книжных фондов — 8492 ящика, библиотечного оборудования — 952 ящика, музейных собраний — 3029 ящиков, клубного оборудования — 195 ящиков**. В этом документе было выделено

---

* См., напр.: Отчет о работе за период с 6 мая по 31 декабря 1945 г. уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР по Советской зоне оккупации Германии подполковника А. Д. Маневского 31 марта 1946 г. // Там же. Д. 10. Л. 1–70; Докладная записка председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР Т. М. Зуевой секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову об итогах работы представителей Комитета в Германии. 6 июня 1946 г. // Там же. Л. 204–217; Список музеев, библиотек, хранилищ культурных ценностей, обследованных группой Комитета культуры в Германии за время с 6 мая 1945 г. по 1 сентября 1946 г. Без даты. // ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 1. Л. 8–15а.

** ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 10. Л. 204.

семь категорий вывезенных в Советский Союз культурно-художественных ценностей: 1) книжные фонды, включая библиотеки смешанного состава, тематические собрания и отдельные букинистические издания, общим количеством около 1,5 млн единиц; 2) музейные фонды, включая археологические экспонаты, военно-исторические экспонаты, мемориальные экспонаты, историко-бытовые предметы, произведения живописи, этнографические коллекции, нумизматические коллекции, технические экспонаты; 3) клубное имущество; 4) библиотечное оборудование; 5) научное оборудование; 6) музееведческая литература; 7) культурно-художественные экспонаты из советских музеев и библиотек, возвращенные в СССР*. Можно отметить удивительный счет культурных ценностей в ящиках, а речь шла о знаковых предметах мирового искусства.

Гораздо более информативным с фактической точки зрения представляется объемный отчет о проделанной работе за период с 6 мая по 31 декабря 1945 г. уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР по Советской зоне оккупации Германии подполковника А. Д. Маневского**. Несмотря на то что он хронологически охватывает лишь 8 месяцев 1945 г., в нем достаточно подробно описывается весь комплекс работ бригады Комитета и, что весьма важно, раскрывается фактическое содержание коллекций и собраний каждого из обследованных музейных и библиотечных объектов, которые затем были изъяты и отправлены в СССР.

И, наконец, в качестве комплексного отчетного документа можно рассматривать «Список музеев, библио-

---

* Там же. Л. 204–217.

** Там же. Л. 1–70.

тек и хранилищ культурных ценностей, обследованных группой Комитета культуры в Германии за период с 6 мая 1945 г. по 1 сентября 1946 г.»*. Этот документ не очень информативен, за исключением того, что в нем полностью перечислены все музеи и библиотеки (по видам и профильному содержанию), которые были обследованы с целью компенсаторной реституции советскими специалистами.

Данные итоговых документов Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК/Совете министров РСФСР дополняются (хотя и далеко не в полной мере) отчетом о работе группы Государственного комитета по делам искусств при СНК СССР в Германии за период с 1 марта 1945 г. по 1 февраля 1946 г.** Этот отчет как бы конкретизирует итоговые сведения Комитета культуры РСФСР в части, касающейся выдающихся произведений искусства, отправленных в Советский Союз. Так, в нем упоминаются новые музейные объекты — Дрезденский Альбертинум, Лейпцигский музей пластических искусств и Лейпцигский музей прикладного искусства***. В том же документе отмечается, что «число и качество памятников античного искусства, вывезенных в СССР, достаточно, чтобы составить из них музей мирового значения. Среди них древнегреческие вазы... “Неистовая Менада” Скопаса, “Торс Сауроктона” Праксителя, “Голова Афины” Мирона, “Афина Лемния” Фидия и др.»****.

В заключение следует сказать, что проблема перемещенных в результате Второй мировой войны из Германии

---

* ГАРФ. Ф. А-534. Оп. 2. Д. 1. Л. 8–15а.

** См.: Отчет о работе группы Государственного комитета по делам искусств при СНК СССР в Германии за период с 1 марта 1945 г. по 1 февраля 1946 г. // Там же. Л. 1–7.

*** Там же. Л. 1.

**** Там же. Л. 3.

в СССР культурно-художественных ценностей, с момента признания сначала СССР, а затем и Россией самого факта наличия у нее этих ценностей, оказывает достаточно серьезное негативное влияние на весь комплекс современных российско-германских отношений, углубляя и современный кризис политических отношений между Россией и коллективным Западом.

К тому же ни немецкая, ни российская сторона не имеют точных и объективных данных о вывозе немецких культурно-художественных ценностей в СССР; они далеко не полны, фрагментарны и часто не верифицированы с научной точки зрения. Отсюда и некоторая голословность приводимых фактических данных (2 и 10 млн томов, 100 и 400 вагонов архивных материалов и т. д.). Речь в данном случае, конечно, не идет о конкретных художественных коллекциях и собраниях, где даются более или менее точные сведения.

Вероятно, в этой ситуации было бы целесообразно сосредоточить усилия историков и архивистов на выявлении документов о тех культурно-художественных объектах, по которым есть первоначальная информация о том, что они были вывезены в СССР, но нет достоверных сведений об их современном местонахождении. Подобная скрупулезная работа в немалой степени способствовала бы преодолению взаимного недоверия и комплексов, но возможна ли она как таковая — вопрос по-прежнему остается открытым.

Россия после 2000 г.: на стыке Европы и Азии

Игорь Владимирович Грецкий, к. и. н.
Доцент факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного
университета (Россия)

Россия в XXI в.: «Особый путь» или интеграция с Западом?

Отношения России и Запада после 2014 г. находятся в стагнационной фазе, которая началась после участия Вооруженных сил РФ в противоречащей международно-правовым обязательствам России аннексии Крыма*. В двусторонней повестке дня и до того хватало проблемных вопросов, однако для их урегулирования и поиска компромиссов на всевозможных уровнях имелись различные политические механизмы: Совет Россия — НАТО, саммиты Россия — ЕС, межпарламентское сотрудничество и др. Нынешний кризис оказался столь глубоким, что деятельность многих из них оказалась замороженной. Несомненно, говорить о новой холодной войне на Европейском континенте преждевременно. Но некото-

---

* См., напр.: *Grant T. Annexation of Crimea* [Грант Т. Аннексия Крыма] // *American Journal of International Law* [Американский журнал международного права]. 2015, vol. 109, no. 1, pp. 68–95; *Allison R. Russia and the post-2014 international legal order: revisionism and realpolitik* [Аллисон Р. Россия и международный правовой порядок после 2014 г.: ревизионизм и реальная политика] // *International Affairs* [Международные отношения]. 2017, vol. 93, no. 3, pp. 519–543.

рые элементы тех времен снова находятся на переднем плане современных международных отношений. Например, в российском политическом дискурсе большое распространение получили идеологемы и смысловые конструкции, распространение которых еще совсем недавно было уделом маргинальных политиков, привычно набравших свои политические очки посредством эксплуатации коллективных фобий, комплексов и постимперского синдрома. Между тем предметный диалог с западными партнерами был вытеснен риторическими приемами, характерными скорее для старой советской дипломатии, нежели для государства, стремящегося занять полноценное место в сообществе консолидированных демократий. Антиамериканизм и антизападничество стали привычным фоном выступлений российских официальных лиц по внешнеполитической проблематике. После подписания весной 2014 г. сомнительного с экономической точки зрения соглашения с Китаем о строительстве газопровода «Сила Сибири» в экспертной среде стало мейнстримом говорить об особом пути развития России и развороте на Восток, в Азию. Таким образом, как выстраивать сегодня внешнюю политику — вопрос не праздный.

Количество противоречий в отношениях между Россией и Европой сегодня настолько велико, что это дало повод некоторым современным экспертам говорить о коренном переломе в настроениях среди обитателей Кремля. Например, А. И. Миллер и Ф. А. Лукьянов полагают, что формулу «Россия — не Европа» разделяет подавляющее большинство среди российских элит, и такое положение дел — *«устойчивая тенденция, а не кратковременная реакция на ухудшение отношений с Западом. В том числе и потому, что сам Запад, во-первых, переходит от экспансионистской стратегии к “закрыванию собственного контура”, во-вторых,*

теряет “монополию на прогресс” по мере подъема других центров развития». Такой взгляд имеет существенные изъяны, так как рассуждения Лукьянова и Миллера построены в рамках геополитической парадигмы, которая сильно упрощает международную реальность, делая ее в общих чертах понятной для максимально широкой аудитории. Однако чрезмерный редукционизм геополитики сильно уменьшает ее объяснительную силу, сводя многие сделанные на ее основе выводы к монохромной картинке. Вообще, геополитика очень плохо объясняет природу современного конфликта между Россией и Западом. Например, говоря о том, что Запад после холодной войны остался монолитом, Миллер и Лукьянов одновременно утверждают, что «намерение Евросоюза/НАТО институционально привязать Украину к своей сфере и отказ обсуждать это с Россией спровоцировали крайне жесткую реакцию». Этот тезис неверен в корне, так как он игнорирует целый ряд важных фактов. Дискуссия по вопросу о членстве Украины в НАТО была далека от завершения, так как многим членам Альянса такой шаг казался преждевременным. Накануне саммита НАТО в Бухаресте в 2008 г. Дж. Буш-старший провел большое число встреч и визитов в страны Европы, чтобы убедить европейцев в необходимости предоставить Грузии и Украине план действий по членству в НАТО, но Германия, Нидерланды, Франция, Италия и др. сказали свое твердое «нет». Что уж говорить про членство Украины в ЕС! Ведь на повестке для Брюсселя была «перспектива членства Украины», а не само членство. Но даже такая формулировка в ЕС вызывала мощные разногласия!

---

* Миллер А. И., Лукьянов Ф. А. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. Доклад. М., 2016. URL: / http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf; дата обращения 12.09.2019.

Россия — пусть и периферийная, но это часть Европы, и останется ею в обозримом будущем. Для нее полноценная интеграция с Европой является единственно верной стратегией развития на долгосрочную перспективу. В данной главе читателю предлагается ознакомиться с нижеизложенными аргументами в пользу данного тезиса. *Во-первых*, исторически российское государство существовало как модернизационный проект, и качественные шаги вперед ему удавалось делать только благодаря заимствованию передовых технологий на Западе. *Во-вторых*, российские элиты, несмотря на порой демонстрируемый ими консерватизм, традиционно тяготели к Западу, к Европе, а проекты «особого пути» поддерживались Москвой в силу осознания собственной неспособности сократить отставание в развитии. *В-третьих*, как правило, поиски «особого пути» сопровождались конструированием образа экзистенциального врага, что в условиях дефицита демократических институтов использовалось элитами для легитимизации своей власти. *В-четвертых*, демографические тенденции в России таковы, что спрос среди населения на взаимодействие и сотрудничество с Западом будет только повышаться.

Окно в Европу для царской России

История России как крупной и влиятельной мировой державы — это история модернизационного проекта, целью которого было догнать Запад. И ради его реализации очень многое заимствовалось именно на Западе. Стоит напомнить, что Россия стала империей и значимым игроком на международной арене только благодаря привнесенным из Европы преобразованиям Петра I. Но хотя Запад и служил источником многих знаний для российского императора, его реформы проводились отнюдь не по европейскому образцу и были направлены исключительно на создание современных армии и флота.

Российскому самодержцу результат требовался в кратчайшие сроки, поэтому и ставка была сделана на мобилизационную модель экономики. Ключевыми ресурсами для этого стали усиление крепостной зависимости крестьян, сверхцентрализация власти, а также расширение численности и привилегий бюрократии. Такая система не могла функционировать без надрыва в долгосрочной перспективе — следовательно, требовалось делать последующие шаги в направлении институциональных преобразований. Некоторые российские цари осознавали их острую необходимость, но в силу политических рисков так на них и не решались, тем самым отягощая бремя нерешенных проблем и перекладывая его на своих последователей.

В российском обществе спор относительно того, является ли Россия частью Европы и нужен ли ей свой, оригинальный, неевропейский путь развития, ведется приблизительно с конца 1-й трети XIX в. С тех пор общество очень условно разделено на западников и славянофилов. Интересно, что до того времени масштабной полемики по этому сюжету не было. Вероятно, это стало следствием двух важнейших событий: Наполеоновских войн и Крымской войны. В ходе затяжных военных действий против наполеоновской армии русские солдаты и офицеры провели несколько лет на территории других европейских государств: Пруссии, Саксонии, Варшавского герцогства, Швейцарии и Франции. Нужно подчеркнуть, что до того момента прецедентов столь массового присутствия русского дворянства в Европе не было. Хотя начало систематической отправки детей из знатных и состоятельных семей на учебу в европейские столицы было положено еще в начале XVII в., такая практика не имела массового характера. Участие в Наполеоновских войнах позволило молодым представителям дворянства и знати ближе познакомиться с культурой и бытом европейских горо-

дов и деревень. Экономическое и технологическое отставание России было очевидным и раньше (например, Петру I и его сподвижникам), но у этого отставания еще никогда не было такое количество свидетелей из России.

Именно эта часть дворянства, узнавшая Европу изнутри и вернувшаяся обратно на родину, стала ключевым «лоббистом» импорта европейских общественных институтов и норм. В России при Александре I, воспитанном в европейских традициях и относившемся к прогрессивным инициативам с определенной долей симпатии, начали создаваться элитные общества и кружки, в которых велись широкие дискуссии о возможных способах проведения экономических и политических реформ в стране. Однако подобные вопросы никогда ранее не были предметом гласного обсуждения между императором и дворянством. Отсутствие культуры и механизмов диалога на важные для общества темы привело к восстанию декабристов 1825 г., которое новый царь — Николай I — воспринял как вызов своей личной власти. Впоследствии он поэтому старался не назначать на важнейшие государственные посты представителей российской аристократии, предпочитая им выходцев из восточногерманских земель.* При нем был избран консервативный и экстенсивный путь руководства. Под лозунгом «Самодержавие, православие, народность» Россия стала искать свой путь через централизацию власти и большой контроль над университетами и гимназиями. Итог такому пути подвела Крымская война, которая показала, что разрыв в экономическом, управленческом и технологическом развитии Европы и России оказался гораздо значительнее, чем это виделось в Петербурге. России в той войне было нечего противопоставить нарезным стволам и паровым двигателям. На этом фоне свой расцвет переживало движение

---

* *Высочков Л. Николай I. М., 2006. С. 252–260.*

славянофилов, которые Запад воспринимали как анти-тезу «российской цивилизации». Интересно, однако, то, что на взгляды многих лидеров славянофильства ключевое влияние оказывала религия, а потому Запад воспринимали прежде всего сквозь призму православия — то есть как ересь и ложь.

Очередной виток поиска собственного пути в России начался при императоре Александре III, который вновь занялся централизацией власти и провел цикл антилиберальных контрреформ, отменивших, по сути, многие из того, что было сделано его отцом — Александром II. Любопытно, что и Николай I, и Александр III не были старшими сыновьями и наследниками, и в своей юности они готовились к военной службе, а не к руководству государством. Их старшие братья были куда более образованными людьми и были готовы к продолжению либеральных реформ в России. Учитывая все эти факты, можно сказать, что стратегическим вектором внешней политики России при династии Романовых было сближение с Европой во всех сферах. Тем не менее она часто имела реактивный характер и реализовывалась непоследовательно. Но, несмотря на антилиберальный характер своей политики, никто из российских императоров — ни Павел I, ни Николай I, ни Александр III — не отрицал европейскую идентичность России, ее принадлежность к большой европейской семье.

Коммунизм: «Мы наш, мы новый мир построим!»

После революции 1917 г. к власти в России пришли большевики, которые исповедовали абсолютно новую парадигму. Они противопоставляли себя «загнивающему капиталистическому миру» не только в политическом и экономическом, но и в социокультурном плане. Тем не

менее их повестка дня основывалась на идее модернизации. В роли источника технологий, как и в имперские времена, выступал Запад. Сначала Сталин воспользовался Великой депрессией. Свернув НЭП, насильно изъяс зерно у крестьян и выручив за него на мировых рынках валюту, советское правительство массово скупало в промышленно развитых странах станки и технику. Затем — после окончания Второй мировой войны — в рамках репараций СССР получил из Германии мощнейший приток новых машин и оборудования, ставших фундаментом для модернизации промышленного производства и восстановления разрушенной экономики.

По идеологическим соображениям И. В. Сталин отказался от плана Маршалла, вступив с Западом в межблочное противостояние. Наряду с изолированием информационного пространства и тотальной цензурой, преследованием инакомыслия, подчинением науки и образования нуждам партийной идеологии, запретами и ограничениями на выезд за рубеж конфронтация с Западом была отличительной характеристикой послевоенного СССР. Построенная большевиками командно-административная модель советской экономики не смогла заместить так необходимые ей западные технологии и инвестиции. В конечном итоге участие в «холодной войне» обернулось для Страны Советов экономическим коллапсом, крахом коммунизма, распадом страны и массовым разочарованием.

При большевиках — и для истории России это аномальное явление — новая идентичность строилась на отрицании Европы. Их лидеры позиционировали СССР как абсолютно новую парадигму, которая являлась антитезой «загнивающему капиталистическому миру» не только в политическом и экономическом, но и в социокультурном плане. Однако тяжелая 70-летняя попытка

порвать с европейской идентичностью закончилась, по сути, следующими словами М. С. Горбачева: *«Связи России с другими европейскими народами и государствами — торговые, культурные, политические — уходят в глубь веков. Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило христианство. История России — органическая часть великой европейской истории»**.

Через два года после этого заявления последовало подписание Парижской хартии Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в которой закреплялся примат частной собственности и универсальных прав и свобод человека, а демократия провозглашалась единственной формой правления на континенте. Почему Михаил Горбачев и его сторонники решились на такой резкий поворот во внутренней политике? Ответ на этот вопрос в значительной степени лежит в экономической плоскости. Горбачев пытался спешно провести вынужденную модернизацию обанкротившегося политического режима и системы управления экономикой, ее «хозяйственного механизма»**. Признавая преимущество Запада на уровне материального благосостояния и технического развития, новый советский генсек отчаянно искал способы сблизиться с Западом ради получения помощи в стабилизации экономики разваливавшейся империи, но так, чтобы при этом была возможность сохранить лицо. И такой способ им был найден. Горбачев предложил концепцию «нового мышления», согласно которой противоречия между капитализмом и социализмом должны были отойти на второй план перед лицом глобальной угрозы ядерной войны. А в предложенной

---

* Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 200.

** Горбачев М. С. Доклад на Пленуме ЦК КПСС. 23 апреля 1985 // Избранные речи и статьи. Т. 2. М., 1987. С. 157.

им концепции Европы от Ванкувера до Владивостока, по сути, лежала идея обмена советских ресурсов на западные технологии и инвестиции. Нужно подчеркнуть, что суть и смысл «нового мышления» и «общего дома» были сформулированы до прихода Горбачева к власти*. Поиски вариантов сближения с Западом шли уже внутри партийного руководства при Ю. В. Андропове, окружение которого уже видело, что страна идет не туда, но не очень понимало, как это исправить.

Одной из главных идей «нового мышления» Горбачева стало масштабное уменьшение числа обычного и ядерного оружия в СССР в одностороннем порядке. Предполагалось, что вслед за Москвой последует и Запад. Следует, однако, признать, что уровень существовавших в 1980-х гг. угроз не требовал стремительного и всеобщего избавления от вооружений. Инициативы нового генсека выглядели особенно необычно и революционно в сравнении с тем, как последовательно — без рывков — выстраивались меры доверия после Карибского кризиса. Но Горбачев явно торопился. Спешка советского руководства с разоружением была обусловлена в первую очередь внутриэкономическими причинами. Военные расходы составляли более 30 % бюджета, мировые цены на нефть в период 1980–1986 гг. снизились более чем в 2 раза, а резервных фондов у СССР не было. На фоне падающих цен на нефть ресурсы на финансирование масштабных проектов с каждым годом становилось все меньше. То есть, призывая к «новому мышлению», Горбачев одновременно отказывался от «доктрины Брежнев» и от участия СССР в гонке вооружений. Он попросту попытался сделать внешнюю политику Кремля менее затратной в условиях тяжелейшего экономического

---

* См., напр.: *Громыко А. А., Ломейко В. Б.* Новое мышление в ядерный век. М., 1984.

кризиса и рассчитывал в этом вопросе на понимание своих западных коллег. Многие из них — президент США Дж. Буш, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, президент Франции Ф. Миттеран, канцлер ФРГ Г. Коль — поддержали инициативы Горбачева. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы избежать банкротства советской экономики и кризиса легитимности власти внутри страны.

Новая Россия Бориса Ельцина

Как и его предшественник, первый Президент России Б. Н. Ельцин первоначально декларировал курс на демократические реформы и видел в Западе не противника, а партнера, который может помочь займами и кредитами в отчаянной экономической ситуации. В начале 1992 г. Большая семерка одобрила выделение России 24 млрд долларов на проведение реформ, но уже через несколько месяцев стало ясно, что значительная часть первых траншей стала выводиться из России на счета швейцарских банков. Это стало причиной серьезных сомнений на Западе в способности Ельцина обеспечить контроль за деятельностью российских финансовых институтов. Постепенно падала и уверенность в том, что Россия не свернет с дороги рыночных и демократических преобразований.

Однако Ельцин предпринял попытку увеличить объемы финансовой помощи для России в ходе поездок по европейским странам. Он пытался убедить их лидеров в том, что он — гарант необратимости демократических и рыночных преобразований в РФ, а политическая ситуация находится у него под контролем. По всей видимости, российский президент ошибочно полагал, что Запад проигнорирует проблемы России с коррупцией и не откажет в предоставлении займов, поскольку огромная

территория к Востоку от Европы перестала быть источником угроз, и уже хотя бы за сохранение такого *status quo* страны Запада должны были платить. В своих выступлениях, адресованных европейской аудитории, он неоднократно эксплуатировал этот тезис, пугая аудиторию реваншистскими силами, которые хотят повернуть процессы демократизации вспять. Это походило на шантаж.

Видимо, позиция Ельцина была обусловлена примером Горбачева, которому Запад был благодарен за ослабление напряжения в сфере безопасности и щедро выделял заемное финансирование. В Кремле полагали, что взаимозависимость в сфере безопасности может быть конвертирована по формуле «отсутствие угроз в обмен на кредиты». Однако это было большим заблуждением. В восприятии европейского истеблишмента между СССР и Россией уже в тот момент была существенная разница. В приверженности Ельцина демократическим ценностям можно было сомневаться, но очевидным было то, что он был рационально мыслящим лидером, не похожим на фанатика, одержимого коммунистической идеологией и готового уничтожить «гидру империализма» ядерным оружием. Считалось, что если уж СССР отказался от конфронтации, то у вставшей на путь демократических реформ России поводов угрожать Западу должно быть еще меньше. Поэтому визиты Ельцина в европейские столицы предсказуемо не достигли своей цели. Берлин и Лондон выделяли финансовую помощь, но в меньших объемах, чем этого хотела Москва.

Таким образом, надежды Кремля на то, что издержки на проведение этих реформ удастся переложить на плечи Запада, не оправдались, а самостоятельно нести это бремя было чревато для Ельцина и его окружения потерей власти. Опыт Е. Т. Гайдара свидетельствовал о том, что быть реформатором без финансовой подушки

означает потерять всякие шансы на успешную политическую карьеру. Разумеется, российский президент не готов был так рисковать. Вместо этого он и его окружение стали постепенно инкорпорировать в свою повестку дня популярные националистические идеи и лозунги, а также призывы вернуть России былое величие. На фоне массового разочарования в результатах реформ роль внешней политики как инструмента борьбы за умы и настроения россиян стала возрастать. В официальный российский дискурс вернулись антиамериканизм и мессианство, выраженное в идее защищать (не просто помогать) русскоязычных и соотечественников. Новая российская элита стала все больше эксплуатировать постимперский синдром своего населения, часто предостерегая Вашингтон, что расширение его сферы влияния подтолкнет Россию к реваншу за поражением в холодной войне*, а в отношении стран СНГ звучали двусмысленные пассажи, содержавшие намеки на территориальные претензии. В стране, где за чертой бедности находилось около 30 % населения, такая риторика была очень легким способом заработать политический капитал. Поэтому ею пользовались абсолютно все ведущие политические силы: и коммунисты, и праворадикалы, и кремлевское руководство. Например, министр иностранных дел А. В. Козырев считал, что главной целью внешней политики России является статус «нормальной великой державы»**, а главные угрозы национальным интересам, по его мнению***, исходили от постсоветских республик, поэтому министр поддерживал идею сохранения российского военного присутствия в регионе. Всегда остававшийся лояльным Кремлю А. К. Пушков как-то очень точно выразился, что «то кремлевское руковод-

---

* Российская газета. 15 мая 1996.

** Независимая газета. 1 апреля 1992.

*** Коммерсантъ-Daily. 19 января 1994.

ство, которое отдаст тему российского величия оппозиции, рискует очень скоро поменяться с этой оппозицией местами»^{*}.

Запад на подобные эскапады чаще всего никак не реагировал, однако у некоторой части американского истеблишмента поведение Кремля вызывало определенные опасения. Например, бывший госсекретарь США Г. Киссинджер утверждал^{**}, что отдавший всю свою жизнь служению КПСС Борис Ельцин мог не просто прагматично использовать националистическую и шовинистскую риторику ради отвлечения внимания от повседневных тягот россиян и проведения болезненных реформ — он мог по инерции верить в то, что говорил. И это создавало угрозу российского экспансионизма не только соседним государствам, но и глобальной системе безопасности. Важнее было то, что такая политика Кремля была мало совместима с демократическими нормами, но Запад упорно продолжал верить в обещания Ельцина построить в России демократию, закрывая глаза на явно агрессивную риторику Кремля и пренебрегая собственными принципами.

«Суверенная демократия» Владимира Путина

Когда Президентом РФ стал В. В. Путин, казалось, что отношения между Европой и Россией получили новый импульс. Российский президент был хорошо принят западным истеблишментом, он свободно изъяснялся на немецком языке, а его речь в Бундестаге в 2001 г. вызвала у аудитории овации. Важнее было то, что Москва

---

^{*} Независимая газета. 16 ноября 1995.

^{**} Киссинджер Г. Осторожно, внешняя угроза // Итоги. 30 июня 1996.

демонстрировала стремление к продолжению рыночных и демократических преобразований и тесному сотрудничеству с Европейским союзом (ЕС). В целом, первые 6 лет президентства Путина были ориентированы на сближение с ЕС, а курс на интеграцию с Европой был провозглашен одним из ключевых направлений внешней политики России*. Кроме того, его приход к власти сопровождался модернизационной риторикой, сутью которой была идея создания системы обмена российских ресурсов на западные технологии. В западных инвестициях путинская Россия нуждалась меньше, чем горбачевский СССР, так как выросшие в период 1998–2008 гг. в более чем 13 раз мировые цены на нефть превратили Москву из нетто-должника в нетто-кредитора. Декларируя, однако, стремление России сблизиться с Европой, Путин всегда выводил за скобки реформы в сфере институтов гражданского общества. Модернизация по западному образцу, таким образом, была желательна только в сфере экономики, но не политики. Именно такой взгляд лежит в основе введенного заместителем главы Администрации Президента РФ В. Ю. Сурковым понятия «суверенная демократия»**, согласно которому Европа интересна России лишь как источник «интеллектуальных ресурсов», без которых невозможна модернизация последней. Сурков, однако, полностью исключал необходимость заимствования западных политических институтов.

В своей европейской политике Кремль делал отчетливую ставку на Германию, рассчитывая на технологии и прямые инвестиции из этой страны. Отношения

---

* *Путин В. В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21216>; дата обращения 12.09.2019.

** *Сурков В. Ю.* Национализация будущего. Эксперт. 20 ноября 2006. URL: https://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/; дата обращения 12.09.2019.

Москвы и Берлина неоднократно характеризовались обеими сторонами как «стратегическое партнерство». Интересно, что этот термин президент Путин использовал применительно к отношениям Россия — ЕС чаще, чем канцлер А. Меркель. Это объясняется не только тем, что Германия находилась в числе главных торговых партнеров России. Для российской политической элиты также важно было заручиться поддержкой Берлина в международных делах. При этом действия Германии на международной арене всегда рассматривались сквозь призму американоцентризма, значительно усилившего свои позиции в российском политическом дискурсе с середины 2000-х гг. Он был характерен для внешней политики СССР времен холодной войны, но с приходом Путина и доминированием силовиков в высших эшелонах власти такое мировоззрение вновь стало очень распространенным. В соответствии с этой парадигмой, внешняя политика ФРГ несамостоятельна и подчинена интересам США. Поэтому любые разногласия между Берлином и Вашингтоном привлекают особое внимание российских СМИ и неизменно трактуются как стремление Германии играть более самостоятельную роль на международной арене. В этой связи в Кремле высоко оценили неучастие Германии в военных операциях в Ираке и негативное отношение Берлина к идее Дж. Буша-младшего принять Украину и Грузию в члены НАТО на Бухарестском саммите 2008 г.

Возглавлявший Россию в 2008–2012 гг. преемник Путина Д. А. Медведев выдвинул лозунг «Россия, вперед!»*, который подразумевал подчинение внутренней и внешней политики России главной цели — преодолению экономической отсталости. В числе приоритетов были борьба

---

* *Медведев Д. А.* Россия, вперед! 10 сентября 2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413>; дата обращения 12.09.2019.

с коррупцией и зависимостью экономики от экспорта углеводородов, избавление от психологии иждивенчества, а также создание в России условий для постоянного генерирования инновационных решений для промышленных и общественных нужд. В этом Кремль, конечно, сильно рассчитывал на западные прямые инвестиции. Поставленные Медведевым цели требовали глубоких перемен политической системы, реформы местного самоуправления, ограничения власти и полномочий силовых структур, судебной реформы и др. Но из-за существенных политических рисков правительство так и не решилось ни на одну из этих мер.

Наоборот, с возвращением Путина в кресло президента влияние спецслужб на экономическую и политическую жизнь в стране лишь усилилось, а градус напряженности в отношениях России и Запада продолжил постепенно нарастать, достигнув своего апогея в 2014 г. Все больше демонизируя европейские демократии, российские элиты, по сути, отвергли идею модернизации России по западному образцу. По советской инерции они продолжают смотреть на международные отношения сквозь призму геополитики, которая, как и 70 лет назад, при определении степени могущества государств опирается на такие категории, как территория и военная мощь. Однако в современном мире эти категории нерелевантны. Сегодня величие страны определяется иными компонентами, такими как качество человеческого капитала, наличие обширных финансово-экономических ресурсов, а также уровень разработки и внедрения новых технологий. Согласно данным ОЭСР, средняя доля России на мировом рынке самых высокотехнологичных продуктов (фармацевтика, компьютеры и аэрокосмическая техника) не превышает и 0,5%! И улучшить этот показатель без помощи наиболее технологически развитых стран Россия сегодня не в состоянии.

Куда ведет Россию ее «особый путь»?

Сегодня в российском обществе сильны голоса тех, кто считает Россию особой цивилизацией и ратует за поиск собственного, неевропейского пути развития. *Во-первых*, это отчасти связано с «постсоветским синдромом» российского общества. Очень многим нашим согражданам после распада СССР так и не удалось реализовать свой потенциал в новой системе социально-экономических координат. Идея возврата к советским устоям и к изоляционизму им кажется естественным решением проблем. *Во-вторых*, имплементация концепции евразийства — это еще и отчаянная попытка сохранить такой элемент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, как сфера влияния. Основой европейской идентичности являются общие ценности и универсализм принципов международного права, а не политические интересы или географические границы. Евразийство, напротив, подразумевает исключительное видение внешнего пространства и инструментальный подход при трактовке международно-правовых норм. В 1990-х гг. такая парадигма была маргинальным идейным течением и получила распространение и поддержку в политических кругах только в середине 2000-х гг. То есть востребованной она стала только после серии неудачных попыток РФ оставить бывшие республики СССР в сфере своего влияния путем привлечения последних в свои интеграционные проекты, которые даже позиционировались как подобие, а не антипод европейской модели развития. *В-третьих*, поиск Россией особого пути опосредованно является признанием собственной неспособности реализовать комплекс модернизационных реформ. Тезис об исключительной судьбе России служит лишь оправданием неудач в осуществлении преобразований по европейскому образцу. Как правило, рост популярности таких взглядов в обществе сопровождается кризисом в отно-

шениях с ведущими государствами Запада и попытками найти виновного вовне, свалив на него всю ответственность за провалы. Действительно, до середины 2000-х гг. проведение глубоких экономических реформ с ориентацией на европейский опыт провозглашалось приоритетом во внутренней и внешней политике, но очень многое сделать так и не удалось. Не удалось создать конкурентоспособную рыночную экономику, удвоить ВВП за 10 лет, догнать Португалию по такому показателю, как ВВП на душу населения. Выступая в январе 2015 г. на заседании «Меркурий-клуба», Е. М. Примаков заявил*, что для модернизации, диверсификации и избавления экономики России от нефтяной зависимости за последние 25 лет вообще ничего не делалось. И с этим сложно не согласиться.

Еще одним признаком поиска «особого пути» являются настойчивые утверждения российского руководства о том, что после Брексита и победы Д. Трампа на президентских выборах в США мир стал «постзападным», Запад утратил контроль за глобальными процессами, а «западоцентричная» модель системы безопасности не является более актуальной. На экспертном уровне такая точка зрения выражается в утверждении, что биполярная модель холодной войны обеспечивала бóльшую стабильность и безопасность**. С этим тезисом сложно согласиться в полной мере. *Во-первых*, глобальная ответственность за политическими процессами в мире никогда не была целью ни евроатлантических структур, ни внешней политики отдельных стран Запада. *Во-вторых*, в мире существует только одна организация с подобным

---

* Торгово-промышленная палата РФ. Из выступления президента «Меркурий-клуба» академика РАН Евгения Примакова на заседании 13 января 2015 г., ЦМТ Москвы // <https://tpprf.ru/ru/news/v-tsentre-mezhdunarodnoy-torgovli-moskvy-sostoitsya-zasedanie-merkuriy-kluba-i61924/>; дата обращения 12.09.2019.

** Миллер А. И., Лукьянов Ф. А. Указ. соч.

мандатом, это — ООН. *В-третьих*, глобальный контроль за безопасностью в мире попросту невозможен. Проще говоря, на сегодняшний день это иллюзия. Примеры Карибского кризиса 1962 г. и распада СССР являются тому убедительными доказательствами.

Сложно сказать, какая часть российской элиты верит в концепцию «особого пути», а какая просто пользуется ею для сохранения своего привилегированного положения во властных структурах. Вероятно, для нижних эшелонов силовиков и бывшей советской партноменклатуры «третья мировая война» против Запада началась сразу после окончания холодной войны и распада СССР. Все же для политической верхушки конфронтация с Западом на международной арене является способом легитимизации дальнейшего пребывания у руля страны. Однако данный ресурс имеет ограниченный срок использования. Дело в том, что большинство ностальгирующих по советской эпохе россиян принадлежат к одной из двух самых многочисленных демографических групп населения — это в основном старшее поколение, родившееся в 1950-х гг. Среди них особенно повышен спрос на стабильность советского типа, консерватизм, великодержавность и «особый путь». Но именно представители этого поколения доминируют на руководящих государственных должностях, а также среди богатейших бизнесменов. Собственность и власть, по сути, в их руках.

Вторая самая многочисленная прослойка населения — это поколение «бэбibuмеров» 1980-х гг. В отличие от старшего поколения, многие из них не смотрят телевидение, активно обмениваются информацией в соцсетях, владеют иностранными языками. Живущие в мегаполисах «восьмидесятники» особенно высоко ценят возможность посещать другие страны. Их повышенные стандарты жизни и амбиции будут неизбежно сталкиваться с сокративши-

мися возможностями государства покупать лояльность представителей молодого поколения. Вероятно, в поколенческом конфликте «пятидесятников» и «восьмидесятников» и определится политическое будущее России. Отношения между Россией и Европой сегодня находятся на самом низком уровне после окончания холодной войны, но нет никаких оснований говорить о взаимном отчуждении и их полном разрыве. Более того, в ходе постепенной смены поколений в российском обществе спрос на сближение с Западом будет увеличиваться.

Мировая история показывает, что без принятия передового европейского опыта институционального строительства, без тесного взаимодействия с Западом «экономических чудес» не бывает. Это показывает опыт Китая, Южной Кореи, Японии, Индонезии. Примеров, когда страны пытались идти «своим» путем, тоже достаточно. Среди них Северная Корея и Зимбабве. Поэтому концепция особого, неевропейского пути цивилизационного развития не имеет долгосрочной перспективы в России. Сторонники этой парадигмы пытаются найти готовые решения настоящих проблем в прошлом. Но это все равно, что шагать вперед с повернутой назад головой. Можно пытаться так делать сколь угодно много раз — неизбежно наступит момент столкновения с серьезным препятствием. Такой подход не содержит в себе решения проблем настоящего и внятных ориентиров на будущее. Под флером «особого пути» всегда скрывается неуверенность и неспособность создать эффективную экономику, открытое общество и правовое государство. Если цель России — развитие и процветание, то ее стратегический выбор — это европейский путь развития, а «особый путь» является сомнительной тому альтернативой.

Андреас Хайнеманн-Грюдер,
хабилированный доктор.
Профессор политологии Рейнского
Боннского университета
Фридриха Вильгельма (Германия)

Россия и Европа: прощальная песнь?

Можно ли сказать, что Россия окончательно распрощалась с Европой, а Европа — с Россией? Насколько далеки или близки Россия и Запад, ЕС, Германия? Если говорить коротко, то обе стороны настолько близки или далеки друг от друга, насколько сами того желают. Когда Запад для России является определяющим чужим, то они далеки друг от друга. Когда Россия становится определяющим чужим для ЕС или Германии, тоже возникает дистанция. Однако такой ответ действительно неполон, ведь образ «другого» формируется не только за счет собственных представлений. Помимо этого, и в России, и на Западе есть различные мнения, и не существует единого «Запада», одной Европы или гомогенной России. С обеих сторон есть как приверженцы национализма, национального суверенитета, протекционизма и либеральных ценностей, так и сторонники либеральной демократии. Эти отношения амбивалентны, потому что сами их участники не гомогенны, а амбивалентны.

Отношения между Россией и Европой очень многослойны, и я хотел бы остановиться именно на отношениях с Европой, а не на идеалистических представлениях о едином Западе. Согласно привычному, устоявшемуся и все же условному мнению географов, Россия частично относится к Европе (до Урала), однако большая ее часть лежит в Азии. Однако что доказывает проведение гра-

ниц таким образом? Россия — это многонациональное государство, но большинство населения составляют этнические русские, а русский язык является основным — культура не делится границами на карте. С точки зрения истории можно указать на общие христианские корни или на разделение между православием и католицизмом, на моральные, культурные и академические связи или на канонизированные стереотипы, например об образах «русского» и «немца» в литературе и кино. Если обратиться к таким характеристикам, как культура, образование, наука или техника, то можно идентифицировать как особенности, так и бесконечное множество общих черт.

В отношении политических систем после распада СССР были надежды на сближение, но в новом тысячелетии преобладают разделяющие факторы, а именно конфликт вокруг различных политических порядков. Что касается общественных установок и ориентиров, норм и ценностей, то Россия является «нормальной» европейской страной. Она не принадлежит к какому-то иному культурному кругу, нежели подавляющее большинство европейских стран. В свою очередь, предпочтения политических элит — пусть и изменчивые — уже более десятилетия противоположны друг другу, в то время как элиты экономические объединяет очень многое. То есть, в зависимости от того, какое измерение рассматривается, можно обнаружить как разделяющие, так и объединяющие моменты, которые всегда будут частью дискурса и сохраняют взаимное влияние.

Европейское самосознание

Лучше понять вопрос близости или отдаленности от России помогает взгляд на самосознание Европейского Союза, которое, несмотря на все сложности, все-таки

имеет устойчивое ядро. Европа является дискурсивным сообществом, опирающимся на изучение исторического опыта и общие ценности, многие из которых канонизированы, а часть — даже институционализированы. В своем самосознании Европа не является эксклюзивным образованием, она меняется, но в сочетании своих характеристик она все же уникальна. К ядру Европы относится конституционализм, т. е. ограничение государственной власти, верховенство права, Европейская конвенция по правам человека и Парижская хартия Сопредседательства по безопасности и сотрудничеству в Европе 1990 г. В отношении вышесказанного в начале 1990-х гг. ожидалось, что возникнет «общий европейский дом», в который войдет и Россия, а с новым тысячелетием пришло разочарование в связи с тем, что российская политика нарушила закрепленные права т. н. *acquis communautaire*.

ЕС является единственным предложенным на данный момент наднациональным ответом на глобализацию, то есть единственным глобальным политическим субъектом, помимо национальных государственно-правовых норм, способным заявить свое политическое превосходство над глобальными экономическими силами и акторами — при всех своих недостатках. ЕС был и остается антиподом национализма и протекционизма. Также характерным для Европы является укрощение капиталистических сил с помощью социальной рыночной экономики, под влиянием рабочего движения, развивающегося с конца XIX в. Европу объединяют сознание последствий колониализма и — в связи с опытом Второй мировой войны — восприятие себя в качестве гражданской силы, то есть отказ Европейского союза от милитаристской проекции власти. Европу характеризует опыт двух мировых войн и преодоления противоречия между социализмом и капитализмом после 1989 года.

Политическая элита России участвует в данном процессе самоопределения не как участник, а скорее как внешний критик.

Кризис легитимности ЕС

ЕС уязвим во многих отношениях. Он постоянно страдал от дефицита репрезентативности, дефицита мандата, дефицита демократии и недостатка subsidiarity. Правительственные элиты ЕС могли оставаться у власти долгое время, не вызывая какого-либо противодействия, пока на этот факт закрывали глаза и пока он не политизировался, то есть легитимизация ЕС происходила в первую очередь за счет достигнутых результатов (output-legitimation). Фундаментальный кризис начался, когда ЕС, все чаще заявляя претензии на право последнего слова при принятии решений, начал опасаться народа и проявил себя отнюдь не солидарным сообществом, когда в крайне сложной финансовой и социально-экономической ситуации оказалась Греция. «Конституционализация глобализации» пока упирается в два дефекта: в связи с тем, что народ, идеальный субъект демократии, конституирован как нация, европейского народа не существует, и даже теоретически он может появиться лишь в ограниченном смысле, и, следовательно, издержки и противовесы национальной демократии, то есть ограничения исполнительной власти на уровне ЕС, не будут функционировать должным образом.

Кризис ЕС начался с неудач на референдумах по вопросу принятия конституции во Франции и в Нидерландах, где в 2005 г. граждане проголосовали против единой конституции ЕС. С тех пор политические элиты воздерживаются от того, чтобы задавать избирателям этот вопрос. Однако страх перед народом стал проклятием для ЕС. В связи с массовой иммиграцией в 2015 г. многие народы

Европы заявили: нас определяет не ЕС, а мы сами, и вся власть принадлежит народу, приобретение политической власти происходит в национальных государствах, ЕС не является сувереном.

Кризис легитимности ЕС произошел в связи с тем, что союз не соответствовал заявленным конституциональным и демократическим принципам. Отказ от принципа, согласно которому ЕС легитимен постольку, поскольку он демократически легитимирован национальными конституционными порядками, т. е. он уважает и не подрывает их, повлек за собой последствия, дав повод для нападок как противникам внутри союза, так и со стороны режимов, враждебных ЕС. Хотя кризис легитимности ЕС имеет внутреннюю природу, он был использован внешней политикой России для нанесения Союзу еще большего урона.

Сферы напряженности между Россией и ЕС

Россия и Европа представляют собой определенные материальные, социальные и политико-экономические миры, выходящие за пределы образов «своего» и «чужого», производимых интеллектуалами и представителями СМИ. С точки зрения России отношения являются напряженными из-за расширения НАТО на восток, поддержки Западом «цветных революций», то есть смены режимов в связи с недостатком признания статуса России как великой державы, и опасения вмешательства во внутреннюю политику.

С точки зрения представителей Европейского союза и Германии, отношения отягощены прежде всего в связи с российскими моделями поведения. Спор между ЕС и Россией, с точки зрения ЕС, существует (1) по причине разногласий относительно поставок газа из Украины, «политизированных» цен на газ и недостатков антимоно-

польной политики российских поставщиков; (2) в связи с договором об ассоциации с ЕС, в частности с Украиной и Арменией; (3) в связи с проведением Россией политики поддержки антиевропейских партий и движений в самих государствах ЕС; (4) в связи с антиевропейской информационной и медийной политикой, в частности, проводимой такими каналами, как RT или Sputnik; (5) в связи с имеющимися российский след кибератаками на серверы государственных ведомств; (6) в связи с нарушением российскими ВВС воздушного пространства европейских, в особенности прибалтийских, стран — членов НАТО; (7) из-за политических заказных убийств или покушений, осуществляемых на территории стран ЕС, в частности на бывших сотрудников российских спецслужб Литвиненко и Скрипаля в Великобритании; (8) в связи с антиевропейской мобилизацией русскоговорящих сообществ; (9) в связи с российской практикой ограничения суверенитета бывших республик Советского Союза.

Насколько фундаментальны эти конфликты?

С точки зрения неореализма ЕС и Россия находятся в отношениях геополитической конкуренции, Россия обладает имперскими амбициями и отказывается превращаться в обычное национальное государство. Также Россия опасается понижения до роли младшего партнера и, со своей точки зрения, проводит исключительно симметричную политику по отношению к экспансии Запада. В такой парадигме конфликт является неразрешимым, поскольку его поддерживают обе стороны, придерживающиеся правил игры с нулевой суммой. В лучшем случае можно сдерживать дальнейшую эскалацию данного конфликта. С точки зрения конструктивизма речь идет о цивилизационном конфликте, и он старше, чем СССР и последствия его распада. Согласно этому взгляду, Россия относится к иному цивилизационному слою из-за отсутствия просвещения,

из-за собственного евразийского самосознания, недостаточной автономности гражданского общества и ментального наследия *homo sovieticus*. Конфликт ЕС и России может быть истолкован как возрождение системного конфликта между демократией и автократией; внутророссийский поворот к авторитаризму, соответственно, выражается и в агрессивной внешней политике.

Конечно, международные отношения можно понимать и как систему сообщающихся сосудов, и тогда Россия воспринимается не изолированно, а как субъект, взаимодействующий с окружающей средой, обрабатывающий сигналы и в своем поведении руководствующийся не только «геополитикой», авторитарной внутренней политикой или образом враждебного Запада. Эти факторы будут по-прежнему важны, но уже без детерминизма. Конфликты в отношениях с Россией в таком случае, будут рассматриваться как результат взаимного влияния и усиления. Действительно, военные действия Запада в Косово (1999) и Ираке (2003) без мандата Совета Безопасности ООН и использование мандата на защиту мирных жителей в Ливии (2011) в целях насильственного свержения режима серьезно поколебали уверенность России в том, что ведущие западные страны всегда придерживаются норм международного права.

После 2000 г. в России накапливается впечатление, что взгляды и интересы России игнорируются, и это постепенно приводит к отказу от ориентации на Запад. Можно лишь гадать о том, привела бы иная политика по отношению к России к каким-либо иным результатам или нет, ведь нельзя недооценивать и внутророссийские тенденции. Существуют вполне фундаментальные, а не только социально сконструированные конфликты. Но, конечно, нет причин преувеличивать их значение и возводить в статус антагонизмов.

Возрождение авторитаризма

Для ЕС Россия является вызовом, поскольку здесь авторитарный регресс связан с народным одобрением и в этом смысле представляется привлекательной альтернативой ЕС для некоторых граждан ЕС, антиевропейских партий и политических движений. Нормативное, социально-интегративное, экономическое и массово-психологическое преимущество демократических режимов отнюдь не так очевидно, как считалось долгое время. Приводились различные причины глобального возрождения авторитарных политических режимов, в том числе недостаточное качество государственного управления, прежде всего коррупция, в переходных режимах, неудовлетворительные успехи либеральных демократий, отказ от норм правового государства в связи с «войной с терроризмом», изменение ценностей в пользу материальной и физической безопасности, недостаточное внимание либерального капитализма к вопросам интеграции и экономической справедливости, увеличивающееся имущественное неравенство и неудовлетворительная репрезентативность традиционных партий. Демократия, действительно, долгое время считалась более легитимной, репрезентативной, интегративной и экономически более успешной формой правления, чем авторитарные режимы, благодаря ограничению злоупотреблений на государственных постах, гарантиям прав собственности и ограничению государственной ренты. Однако критики констатируют, что именно авторитарные режимы в состоянии реализовать поддержку тех видов промышленности и технологий, которые необходимы для быстрого экономического роста.* Сталинизм, «азиатские тигры», Китай, Россия

---

* Haan J. de, Siermann C. L. *New Evidence on the Relationship between Democracy and Growth* [Хаан Я. де, Зирманн К. Новые данные о соотно-

и Турция подтверждают, что высокий рост возможен и в условиях авторитаризма.

Но также порой поразительно большим оказывается и кредит доверия авторитарных режимов. Проведенный в рамках Индекса восприятия демократии (Democracy Perception Index) в 2018 г. опрос 125 000 жителей 50 стран мира показал: 51 % респондентов считают, что их голос редко или никогда не будет услышан политиками, а 58 % считают, что правительство их страны действует не в их интересах. В демократических странах 64 % респондентов думают, что их правительства действуют не в их интересах, а в недемократических странах этот показатель составляет 41 %*. В Турции 53 % респондентов считают, что их голос в политике не учитывается, в России это 44 %, в то время как список наиболее разочарованных по этому показателю возглавляют как раз демократические страны, например такие как Япония (74 %), Польша (63 %), Франция (62 %), Австрия (62 %), Португалия (62 %) и Норвегия (61 %). В релевантном количестве стран парадигма глобального победного шествия демократии, очевидно, ставится под сомнение тем, кто, собственно, и декларируется «сувереном» демократии, а именно народом.

Возможные причины

Степень разочарования всегда зависит от ожиданий — в демократических режимах ожидания могут быть выше, но привязанность народа к авторитарному режиму глубже. В работе А. Дискина и др. сравниваются причины,

---

шени демократии и роста экономики] // Public Choice. Vol. 86. № 1/2 (Jan.) 1996. S. 175–198, hier S. 177f.

* Alliance of Democracies [электронный ресурс]. URL: <http://www.allianceofdemocracies.org/initiatives/the-copenhagen-democracy-summit/press-release-dpi/>; дата обращения 13.09.2019.

приводящие к падению демократических режимов, причем (из всего 11 переменных) прежде всего выделяются сочетание ярко выраженных социальных разрывов, плохо работающая экономика, сложное историческое наследие, нестабильность правительства и влияние извне*. Но и авторитарные режимы нуждаются в общественном одобрении. Материалистический подход рассматривает народную поддержку как результат активных действий: авторитарные режимы популярны до тех пор, пока они генерируют рост и социальные гарантии. В. В. Путин выигрывал от роста экономики, повышения пенсий, межрегионального трансфера и увеличения реальной заработной платы. Вывод такого объяснения заключается в том, что привлекательность режимов решающим образом зависит от легитимации исходя из достигнутых результатов, неважно, идет ли речь о демократии или автократии. Режим Путина был стабильным до тех пор, пока соответствовал ожиданиям в отношении собственных достижений.

Второй подход описывает подчинение внутренней политики интересам безопасности и ведение военных действий для отвлечения внимания. Те, кто придерживается данного подхода к объяснению ситуации, подчеркивают значение технологий власти, управления и контролирования СМИ, включая целенаправленное использование Интернета и социальных сетей, и осознанную поляризацию политических позиций**. «Поддержка режима», таким образом, объясняется как рефлекс на пропаганду и страх гегемона.

---

* *Diskin A., Diskin H., Hazan R. Y. Why Democracies Collapse: The Reasons for Democratic Failure and Success [Дикин А., Дискин Х., Хазан Р. Я. Почему рушатся демократии: причины провала и успеха демократии] // Revue internationale de science politique [Международное обозрение политических наук]. Vol. 26. № 3 (Jul.) 2005. S. 291–309.*

** *Schmid U. Technologien der Seele. Vom Verfertigen der Wahrheit in der russischen Gegenwartskultur [Шмид У. Технологии души.*

Третье объяснение исходит из того, что существенная часть населения поддерживает авторитарное правление*. Надежда на могущественного спасителя, которому приписываются особенные свойства, харизма, якобы глубоко укоренена в культурном сознании. Путин не сам изобрел подчинение авторитаризму, религиозные принципы, «традиционные ценности» и представление о «культурном суверенитете», сделавшие его режим столь популярным, он только вывел эти установки на поверхность**. Согласно данной позиции, корни авторитарного порядка находятся в патриархальных ролевых моделях***. Таким образом, *homo sovieticus* поддерживает авторитарного лидера****.

Но такая интерпретация, склоняющаяся к культурному детерминизму, не может объяснить, почему рейтинги Путина подвержены сильным колебаниям. Утверждение о наличии культурной ДНК, склонности к массовой поддержке авторитаризма не выдерживает критики. В случае России это утверждение не подтверждается ни данными *World Value Survey*, ни прочими опросами.

К вопросу о формировании правды в современной культуре России]. Berlin, 2015.

* *Sakwa R.* Putin. Russia's Choice [*Саква Р.* Путин. Выбор России]. London, 2004.

** *Inozemtsev V.* The Kremlin Emboldened: Why Putinism Arose [*Иноземцев В.* Осмелевший Кремль: причины возникновения путинизма] // *Journal of Democracy* [Журнал демократии]. 4/2017. S. 80–85, hier S. 82.

*** *Bahadır Türk H.* A Glance at the Constitutive Elements of the Leadership-centered Perspective in Turkish Politics [*Бахадир Тюрк Х.* Основные элементы лидеро-центристской перспективы в турецкой политике] // *Turkish Studies* [Турецкие исследования]. 4/2017. S. 601–623.

**** *Gudkov L.* Fatale Kontinuitäten. Vom sowjetischen Totalitarismus zu Putins Autoritarismus [*Гудков Л.* Фатальная преемственность. От советского тоталитаризма к авторитаризму Путина] // *Osteuropa* [Восточная Европа]. 5–6/2013. S. 283–296.

Значительная часть людей хотят видеть не пожизненного диктатора, а избираемого президента*. В условиях уменьшающихся ресурсов для подпитки лояльности также усиливаются и конфликты между теми, кто извлекает выгоду из сохранения данного режима. После того как индекс Gini показал, что в постсоветской России распределение доходов осуществляется преимущественно в пользу богатых слоев населения (две трети доходов находятся в руках одного процента населения), социальные программы после финансового кризиса 2008 г. были больше ориентированы на социальное выравнивание. В особенности от этого выиграли пенсионеры**. Кремль более не в состоянии ни оказывать протекцию миллиардерам из списка «Форбс», ни обеспечивать лояльность избирателей в регионах, зависящих от государственных дотаций из Центра***.

Персоналистские режимы обладают слабым местом: лояльность избирателей, поддерживающих режим,

---

* Schröder H.-H. Ein Land wie jedes andere in Europa. Russland und Deutschland im Wertevergleich [*Шрёдер Х.-Х.* Страна, как все в Европе. Сравнение ценностей России и Германии] // Osteuropa. 6–8/2012. S. 101–124; Hale H. The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime [*Хейл Г.* Миф о массовой поддержке автократии в России: основы общественного мнения о гибридном режиме] // Europe-Asia Studies [Европейско-азиатские исследования]. 8/2011. P. 1357–1375.

** Popova D., Matytsin M., Sinnot E. Distributional impact of taxes and social transfers in Russia over the downturn [*Попова Д., Матыцин М., Синно Э.* Распределение налогов и социальных выплат в России во время экономического спада] // Journal of European Social Policy [Журнал европейской социальной политики]. 5/2018. P. 535–548.

*** Информация о распределении голосов за В. В. Путина по регионам во время президентских выборов 2011 г. и выборов в Государственную думу 2012 г., подтверждающих тезис о зависимом пропутинском избирателе, см.: Russia 2012 // Category Archives: Fake elections // World Elections [электронный ресурс]. URL: <https://welections.wordpress.com/category/fake-elections/>; дата обращения 13.09.2019.

и лиц, извлекающих из него выгоду в экономике и госаппарате, грозит снизиться, если привилегированное использование государственных и административных ресурсов не может быть обеспечено на прежнем уровне. Привязанность к «лидеру» не компенсирует состояние кошелька. На фоне финансового кризиса недовольство в России растет. Когда летом 2018 г. правительство заявило о планируемом повышении пенсионного возраста, рейтинг Путина, согласно опросам общественного мнения, снизился на 17 %*.

Если автократы наделяют своих заместителей уже совсем бесстыдной рентой, это провоцирует напряжение элиты и протесты, когда доступных для распределения ресурсов становится недостаточно. Если же автократы будут запрещать организации гражданского общества и подавлять протесты, то продлить существование режима хотя и можно**, но в долгосрочной перспективе все же будет необходимо обратиться к решению социальных вопросов.

Из всех дилемм авторитарных режимов наибольший кризисный потенциал содержится в напряженности между привилегированностью правительственных олигархов, «семьи», с одной стороны, и ориентацией на социальные группы, поддерживающие режим, с другой стороны, потому что привилегированность небольшой коалиции выгодоприобретателей снижает легитимность режима в глазах народа. Следовательно, есть много поводов

---

* Putins Umfragewerte brechen ein [Рейтинг Путина рухнул] // Spiegel Online. URL: www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/russland-rentenplaene-druecken-wladimir-putins-umfragewerte-a-1220644.html; дата обращения 13.09.2019.

** *Escribà-Forch A. Group Strength, Accountability and Growth under Dictatorship [Эскриба-Форх А. Групповая сила, подотчетность и рост при диктатуре]* // International Political Science Review. 1/2011. P. 5–22.

считать, что высшая точка политического режима при президенте Путине уже пройдена. За два десятилетия власти Путина не было найдено убедительного ответа на вызовы современной экономики помимо сырьевой модели государства. Соответственно, привлекательность «путинской модели» — в том числе и для разочарованных европейцев, — вероятно, будет снижаться.

Сферы общих интересов

До 2007 г., согласно договору о сотрудничестве, ЕС и Россия поддерживали «стратегическое партнерство», а именно вели его в «четыре общих пространства», в торгово-экономической области, в вопросах свободы, безопасности и правосудия. Принципиальная заинтересованность в продолжении сотрудничества имеется, наверное, с обеих сторон, но конфликт вокруг Украины и его последствия пока препятствуют сближению. Однако в долгосрочной перспективе отношения с Россией не могут быть заложником украинского конфликта, который в лучшем случае удастся заморозить. Украинский опыт, в отношении которого предполагалось, что поддерживаемая ЕС трансформация Украины окажет положительное влияние на Россию, пока можно рассматривать как неудачный. Политика Европы в отношении России не может долгое время оставаться лишь функцией от политики в отношении Украины.

Вопрос о том, будет ли Россия в долгосрочной перспективе вновь ориентироваться на Европу, зависит и от исходящих от ЕС сигналов. Необходимо разработать собственное долгосрочное видение политики в отношении России. Через 10–15 лет Россия, без Путина, вполне может заключить договор с ЕС, который вновь оживит сотрудничество в «четыре общих пространствах» и приведет к отмене визового режима. После 1989 г. либераль-

ная демократия переоценила собственную привлекательность и очевидность, но и недооценивать их нельзя. Население России отнюдь не потеряно для демократии. Правовое государство, демократия и открытые общества должны быть обороноспособны, в том числе и по отношению к российскому влиянию. ЕС может выиграть нормативное «превосходство в воздухе», только если удастся сократить разрыв между собственным образом и ролевым поведением.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе важнейшим для отношений России и ЕС является ограничение возможного ущерба. При этом временной горизонт стратегического мышления должен существовать в отрыве от сроков полномочий органов власти и сменяющихся должностных лиц. Россия и ЕС стоят перед общими вызовами, такими как изменение климата, энергетическая реформа, глобальная миграция, цифровые технологии в частной и профессиональной жизни, общественная солидарность в условиях растущего имущественного неравенства. Существует общая комплексная заинтересованность в предотвращении прямой военной конфронтации, в стабильности энергопоставок, сотрудничестве в борьбе с терроризмом, предотвращении распространения оружия массового уничтожения и стабилизации Сирии. Требуются новый Хельсинкский процесс, достижение взаимопонимания с Россией относительно правил внешней политики и политики безопасности, прежде всего в целях предотвращения конфликтов, а также раннего оповещения и реагирования на кризисные ситуации.

Сведения об авторах

Хельмут Альтрихтер, хабилитированный доктор

Профессор кафедры новой и новейшей истории Восточной Европы Университета Фридриха и Александра в Эрлангене и Нюрнберге. В прошлом профессор истории Нового времени и истории Восточной Европы в Аугсбургском университете (1985). Являлся приглашенным профессором в Питтсбургском университете, США (1987). Получал стипендию Исторического колледжа Мюнхена (2001–2002), Немецкого научно-исследовательского общества Гейзенберга (1984). Изучал историю, германистику, политологию и русский язык в Эрлангене и Вене. Профессор Альтрихтер защитил кандидатскую диссертацию по теме «Конституционализм и империализм. Рейхстаг и российско-германские отношения 1890–1914 гг.» (1974) и докторскую диссертацию на тему «Тверские крестьяне. Из жизни русской деревни между революцией и коллективизацией» (1982).

Андрей Юрьевич Андреев, д. и. н.

Профессор кафедры истории России XIX — начала XX вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой церковной истории Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Член экспертного совета по истории Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования РФ, член экспертных советов Российского фонда фундаментальных исследований и Фонда по премиям памяти митрополита Московского Макария. Защитил диссертации на соискание степеней кандидата исторических наук и кандидата физико-математических

наук, а также докторскую диссертацию по теме «Русско-немецкие университетские связи во 2-й половине XVIII — 1-й четверти XIX вв.» (2006). Области научных интересов: политическая история, общественная жизнь и культура Российской империи, русско-немецкие и русско-швейцарские взаимосвязи, история науки и образования в России и Европе, история Русской православной церкви.

Кристоф Бёр, доктор

Профессор философии Высшей школы Святого Креста в Вене; ответственный редактор серии книг «Образ человека и общественный порядок» (Springer, Wiesbaden; с 2011), посвященной вопросам антропологии и политики. Профессор Бёр был одним из основателей и первым председателем Комитета по ценностям партии ХДС (1999–2006), а также является автором и редактором многочисленных книг на политические и философские темы.

Татьяна Евгеньевна Ворожейкина

Политолог, преподаватель кафедры политических и правовых учений Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН). Ранее была деканом факультета политической науки в МВШСЭН (2001–2005). Работала в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР (затем — Российской академии наук) под началом Г. И. Мирского (1977–1999). Международный исследовательский опыт включает в себя позиции приглашенного профессора Института экономической и социальной истории Университета Буэнос-Айреса, Института международных отношений Католического университета Рио-де-Жанейро, Школы международных исследований Университета штата Вашингтон (США), а также Цюрихского университета. Стала стипен-

диатом Сахаровской программы по правам человека Дэйвисовского центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета (2007). Сотрудник Левада-Центра (2012–2014).

Игорь Владимирович Грецкий, к. и. н.

Доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Начальник отдела по международным связям ректората СПбГУ по направлениям «Международные отношения», «Политология», «Социология» и «Экономика» (2012–2014). Защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Роль внешнеполитических факторов в президентских выборах 2004 г. в Украине» (2008). Регулярно выступает с комментариями в качестве эксперта в ряде российских и зарубежных СМИ. В числе его научных интересов — внешняя политика России в регионе Центральной и Восточной Европы; трансформация политической системы в Украине; теория и практика постконфликтного урегулирования.

Алексей Викторович Гусев, к. и. н.

Доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Троцкистская оппозиция в СССР в конце 20-х — начале 30-х гг.» (1996). Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций по истории Коммунистической партии и других политических партий и движений России, истории левой и демократической общественной мысли, историографии, политологии. Член Ученого совета Государственной публичной исторической библиотеки России.

Член авторского коллектива Большой российской энциклопедии. Член Вольного исторического общества.

Андреас Каппелер, доктор

Бывший профессор истории Восточной Европы Венского (1998–2011) и Кёльнского (1982–1998) университетов. Является членом Австрийской и Украинской академии наук. Имеет многочисленные публикации по истории России и Украины, среди которых: «Неравные братья. Русские и украинцы от Средневековья до наших дней» (2017); «Малая история Украины» (5-е изд., 2019); «Россия как многонациональная империя. Возникновение, История, Распад» (4-е изд., 2008); «Русская история» (7-е изд., 2016).

Арина Владимировна Лазарева, к. и. н.

Доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Защитила диссертацию на соискание степеней кандидата исторических наук по теме «Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны» (2008). Стипендиат Германского исторического института (2005), Германской академической службы обменов (DAAD), фонда «Наш исторический». Дважды победитель конкурса работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета (2016, 2017). Выступала на многочисленных международных конференциях, в том числе на 11-й сессии рабочей группы «Раннее Новое время» в Ассоциации исследователей истории Германии (2015). В числе ее научных интересов — история Европы в раннее Новое время, проблема безопасности в Европе в XVII в., Тридцатилетняя война, русско-германские международные связи в XVII в. Окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (2003).

Леонид Михайлович Люкс,
хабилитированный доктор, профессор

Научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога при Высшей школе экономики (ВШЭ, с 2017); главный редактор журналов «Форум восточно-европейской истории идей и истории» и «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Бывший директор Института исследований Центральной и Восточной Европы при Католическом университете Айхштетт-Ингольштадта (2011–2015). Являлся заведующим кафедрой истории Центральной и Восточной Европы в Католическом университете Айхштетт-Ингольштадта (1995–2012), преподавал в университетах Эрлангена, Мюнхена, Бремена, Кёльна и в Российском государственном гуманитарном университете в Москве (1978–1995). В числе его научных интересов — российская и советская история, история идей, сравнительные исследования диктатур и коммунистический интернационал.

Татьяна Александровна Некрасова, к. и. н.

Старший научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ, с 2009). Бывшая заведующая Отделом образовательных проектов и мероприятий Государственного исторического музея. Стипендиат Германского исторического института в Москве (2006), Франко-российского центра общественных и гуманитарных наук в Москве (2009). Получала стипендию Президента РФ (2008, 2009). Стажировалась в университетах Йены, Тюбингена, Саарбрюккена (2006–2009). Защитила диссертацию на соискание степени кандидата истори-

ческих наук по теме «Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии, 1945–1949 гг.» (2009). В числе ее научных интересов — история Германии в XX в., международные отношения во время Второй мировой войны, оккупационный период в Германии в 1945–1949 гг., демократизация и денацификация в Германии после 1945 г., историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки.

Татьяна Юрьевна Тимофеева, к. и. н.

Доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (с 1991). Неоднократно получала гранты германских исследовательских фондов, сената г. Берлина и проходила научные стажировки в ФРГ. Имеет более 50 публикаций в России и за рубежом, в том числе научные монографии. Защитила диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Социальная политика в Германии в период Ноябрьской революции 1918/19 гг.» (1991). Ведет курсы лекций и семинары по новейшей истории стран Европы и Америки, истории Германии, авторский курс лекций и семинар «Общественное сознание и повседневная жизнь в Германии в период национал-социализма», лекционные курсы по истории и культуре России.

Андреас Хайнеманн-Грюдер, хабилитированный доктор

Профессор политологии Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма (с 2006); член Консультативного совета по предотвращению гражданских кризисов Министерства иностранных дел Германии. Занимается исследованиями в Боннском Международном центре конверсии (VICC, 1999–2010, с 2015). Был

доцентом Пенсильванского университета (1996–1999), приглашенным профессором Университета Дьюка (1995), научным сотрудником университета им. А. Гумбольдта (1993–1996), научным сотрудником в Бергхофском исследовательском центре конструктивного урегулирования конфликтов в Берлине (1989–1992). После проведения исследовательской работы в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова получил степень доктора в Свободном университете Берлина (1989). Позже хабилитировался в Университете им. А. Гумбольдта (1999). В числе его научных интересов — исследования мира и конфликтов, авторитарные политические режимы и сравнительные исследования федерализма.

Дмитрий Андреевич Цыганков, к. и. н.

Доцент кафедры истории России XIX — начала XX вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), заведующий кафедрой истории России исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Работал в издательстве «Большая Российская энциклопедия», где курировал раздел «Наука в России» в томе «Россия» (2002–2005). Один из авторов идеи и соруководитель проекта «Императорский Московский университет. 1755–1917 гг.», по итогам которого издана энциклопедия «Императорский Московский университет». Один из участников проекта *Ubi Universitas, ibi Europa* (при поддержке Фонда Герды Хенкель и Германского исторического института в Москве). Защитил кандидатскую диссертацию на тему «В. И. Герье и Московский университет во 2-й половине XIX — начале XX вв.» (2002). Специалист в области интеллектуальной истории и истории университетов в России.

Маттиас Штадельманн,
хабилитированный доктор

Внештатный профессор кафедры новой и новейшей истории Восточной Европы Университета Фридриха и Александра в Эрлангене и Нюрнберге (с 2016). Возглавляет университетские кафедры в Айхштетт-Ингольштадте, Бохуме и Эрлангене. Принимал участие в многочисленных исследованиях в Санкт-Петербурге и Москве. Изучал историю и музыковедение, работал ассистентом в Эрлангене, получил степень доктора наук (2010), проходил стажировку в Йене. В числе его научных интересов — культура и история политики Российской империи в XIX в., история династий, история культуры и музыки СССР, история сталинского времени, история Украины в XX в., история российской эмиграции в XX в.

РОССИЯ И ЕВРОПА: ДАЛЕКИЕ И БЛИЗКИЕ
Германо-российский сборник статей
об исторических связях России и Европы

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление
и компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *В. В. Вересиянова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Отдел реализации: e-mail: sales@kpole.ru
Тел.: (495) 256 04 56, доб. 1

Подписано в печать 14.01.2020.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 18.
Тираж 150 экз.

ISBN 978-5-907171-03-9